

IOANNIS CALVINI
COMMENTARIUS IN EPISTOLAM PRIOREM AD CORINTHIOS.

BRUNSVIGAE,
APUD C. A. SCHWETSCHKE ET FILIUM
(APPELHANS & PFENNINGSTORFF)
1892

ЖАН КАЛЬВИН

ТОЛКОВАНИЕ НА ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ
АПОСТОЛА ПАВЛА К КОРИНФЯНАМ

Перевод с латинского И.В. Мамсурова
Редактор: В.М. Лоцманов

2011 г.

В данном издании наряду с текстом Синодального перевода Библии используется также перевод с латинского текста Св. Писания, цитируемого самим автором.

Предисловие

Данное послание полезно во многих отношениях. В нем содержится множество замечательных мест, содержание которых нам непременно следует знать. И это станет очевидным не только из их дальнейшего рассмотрения, но даже и из самого предисловия к настоящему труду. В этом предисловии я постараюсь быть предельно кратким, однако же, подведу полный итог, перечислив все главные положения этого послания.

Всем известно, что Коринф был богатым и знаменитым городом Ахаии. Л. Муммий разрушил его только потому, что ему казалось подозрительным само удобное расположение города. Но именно по той же самой причине потомки впоследствии восстановили этот город. И удобство местоположения помогло Коринфу быстро отстроиться вновь. Как бы зажатый между Эгейским и Ионическим морями, Коринф располагался на перешейке, соединявшем Аттику с Пелопоннесом. Поэтому он был чрезвычайно удобен для торговли.

Как пишет в Деяниях Лука, апостол Павел учил в Коринфе полтора года, но, в конце концов, козни иудеев вынудили его отплыть в Сирию. Когда же Павел отсутствовал, в город пришли лжеапостолы. Однако, на мой взгляд, это были не те, кто смущал Церковь явно нечестивыми догмами, и не те, кто открыто нападал на здоровое учение, но люди, надмевавшиеся своим красноречием и щегольством, или, точнее, собственным высокопарным пустословием, и презиравшие по этой причине простоту Павла и его благовестия. Это были те, из-за чьего тщеславия раскололась коринфская церковь, те, которым было плевать на все, лишь бы самим пользоваться почетом, те, которых больше заботила собственная слава, чем Царство Христово и спасение человеческих душ.

Кроме того, в Коринфе процветало множество обычных для торговых городов пороков: разврат, гордыня, суэта, жажда наслаждений, ненасытная алчность, тщеславие. И эти пороки неизбежно проникали в церковь, весьма подрывая ее дисциплину. Евангельское же учение настолько потеряло свою чистоту, что даже главный артикул веры – воскресение мертвых – стал ставиться под сомнение. Но, несмотря на это всеобщее расстройство, члены коринфской церкви были вполне довольны собой и вели себя так, словно все у них было в полном порядке. Таков прием, к которому часто прибегает сатана. Если он не может преградить путь благовестию, то нападает на него исподтишка; если не может открыто его оклеветать, то роет под него тайные подкопы; если не в состоянии отвадить от него сразу, то делает так, что люди отходят от него постепенно.

Вполне обоснованно предположение о том, что тревожившие коринфскую церковь вертопрахи не были открытыми врагами истины. Ведь, как известно, Павел нигде и никогда не щадит ложные учения. Коротки его послания к Галатам, к Колоссянам, к Филиппийцам, к Тимофею. Но во всех них он не только обрушивается на самих лжеапостолов, но и указывает на конкретный вред, причиняемый ими Церкви. И поступает весьма правильно. Надо не только говорить верующим о том, каких именно людей следует остерегаться, но и указывать им на исходящее от этих людей зло. Поэтому, с моей точки зрения, маловероятно, чтобы в столь длинном послании апостол умолчал о том, о чем подробно говорит в посланиях более коротких. Кроме того, отметим: Павел перечисляет множество свойственных коринфянам пороков, причем даже самые незначительные, и, кажется, хочет привести все, в чем можно их упрекнуть.

Далее, Павел весьма многословен, обличая лжеучителей и болтунов. Он порицает их тщеславие, ругает за то, что Евангелие они превратили в человеческую философию, отказывает им в силе Святого Духа, поскольку, заботясь об одном красноречии, они следовали мертвой букве. Однако апостол ничего не говорит об их ложных учениях. Поэтому думаю, что эти люди не искажали основную суть Евангелия, но, пылая порочной страстью к превосходству, и с целью вызвать к себе восхищение, изобрели новый чуждый простоты

Христовой способ благовестия. И так бывает со всеми, не полностью совлекшимися ветхого человека и приступающими к делу Господню неподготовленными. Ведь первое, что должен сделать служитель Христов – забыть о себе и думать лишь о славе Божией и людском спасении. И к учительскому служению надлежащим образом подготовится лишь тот, кто прежде сам впитает в себя силу Евангелия, дабы говорить больше сердцем, нежели устами. Посему проповедь не возрожденных Духом Божиим, не чувствующих в себе силу благовестия и не разумеющих смысла слов «надлежит нам стать новой тварью», хотя и должна быть живой и действенной, на самом деле мертва. Такие люди, как бы лицедействуя, искажают Евангелие внешними прикрасами, превращая его в подобие человеческой философии.

Коринф же был весьма подходящим местом для подобного предприятия. Торговцы всегда прельщаются внешним видом товара. Они не только обманывают им других, но и позволяют обманываться сами, даже радуясь, когда их водят за нос. К тому же, их слух весьма изнежен и не может слышать жестких обличений. Поэтому, натываясь на нестрогих учителей и встречаясь с их ласковым обращением, они оплачивают им взаимной лестью. И хотя подобные случаи встречаются почти повсеместно, все же они более свойственны богатым торговым городам. Павел же был человеком Божиим, наделенным дивными добродетелями. Однако в его виде не было изящества, отсутствовала располагающая к себе импозантность. И, обладая внутри себя духовной силой, Павел не имел ничего от внешних прикрас. Он не умел льстить, не заботился о том, чтобы понравиться людям. Цель у него была одна – Царство Христово и подчинение всех должному порядку. Коринфянам же, предпочитавшим утонченность учения его плодovitости, Евангелие как-то не приглянулось. Этим людям, постоянно желавшим чего-то нового, Христос вскоре наскучил. И если вышеназванные пороки еще не овладели коринфянами полностью, у них, однако, имелась явная к ним склонность. Посему лжеапостолам было легко было извратить среди них учение Христово. Учение это извращается тогда, когда нарушается и как бы затушевывается его природная простота. В результате все отличия между ним и мирской философией полностью исчезают. Значит, лжеапостолы, угождая вкусу коринфян, добавляли в свою проповедь приправу, заглушавшую истинный аромат благовестия. Итак, понятно, с какой целью Павел взялся за написание послания.

А теперь кратко очертим основные его темы.

Апостол начинает с приветствия, по сути равносильного увещанию. Так он смягчает коринфян, делая их более податливыми к обучению. Но затем он тут же переходит к упрекам, упоминая раздиравшие их церковь споры, и, желая устранить подобное зло, отваживается от гордыни и призывает к смирению. Апостол низвергает всю премудрость мира сего, превознося только проповедь креста Христова. Одновременно он смиряет и самих коринфян, веля им подумать о том, кого именно Господь призывает в Собственное стадо.

Во второй главе апостол ставит в пример собственную проповедь. Будучи униженной и отвергаемой людьми, она все же отличалась духовной силой. Попутно он также разъясняет, почему в Евангелии сокрыта тайная небесная мудрость. Ни природный разум, ни плотские чувства не постигают этой премудрости, в ней нельзя убедить человеческими доводами, она не нуждается в красочной высокопарности слов. Одно лишь откровение Духа сообщает ее разуму и запечатлевает в сердце. И в конце апостол заключает: плотская мудрость не только далека от его исполненного крестным смирением благовестия, но даже не в состоянии о нем судить. Апостол подчеркивает это с целью отвратить коринфян от упования на собственный постоянно заблуждающийся разум.

В начале третьей главы апостол прилагает вышеизложенный принцип к частному случаю. Павел жалуется, что коринфяне, будучи плотскими, едва способны уразуметь даже самые начатки Евангелия. Этим он дает понять, что отличавшее их отвращение к его слову про-

исходит не от порока самого слова, а от их невежества. Одновременно Павел намекает: способности правильно судить должно предшествовать обновлению разума.

Затем апостол говорит о том, как надо относиться к евангельским служителям. Воздаваемая им честь не должна противоречить славе Божией. Ибо Господь один, все же прочие – Его слуги. Все служители – всего лишь орудия в Его руках. Только Он дает им силу, лишь от Него проистекает успех их проповеди.

Попутно апостол говорит о стоящей перед служителями цели – о созидании Церкви. Пользуясь этим поводом, он поясняет, что именно означает понятие «созидать», и полагает в основание одного Христа, утверждая соответствие строения своему фундаменту.

Кроме этого, выказав себя разумным строителем, Павел увещевает прочих поступать так, чтобы последующее отвечало предыдущему. Он также увещевает коринфян, чтобы они, будучи храмом Божиим, не терпели мирских и порочных учений. Здесь апостол еще раз уничижает надменную мудрость плоти, дабы верующие ценили только знание Иисуса Христа.

В начале четвертой главы апостол дает определение истинному апостольскому служению. Поскольку же превратное суждение коринфян мешало им признать его апостолом, Павел опровергнув его, взывает к последнему пришествию Христову и, так как его смиренный вид вызывал у коринфян презрение, учит, что этот вид, напротив, подчеркивает его достоинство. Затем апостол перечисляет признаки, из которых явствовало, что он добросовестно печется о деле Христовом, не заботясь ни о собственной славе, ни о насыщении чрева. Наконец, апостол говорит о том, какую честь должны воздавать ему коринфяне. В конце главы Павел расхваливает Тимофея, веля коринфянам слушаться последнего до своего собственного прихода. Одновременно апостол обещает, что, придя к ним, разоблачит все прикрасы, с помощью которых лжеапостолы втирались к верующим в доверие.

В пятой главе Павел порицает коринфян за то, что они молчаливо сносили кровосмесительный брак между мачехой и пасынком. По его словам, один этот мерзкий проступок должен был окончательно их устыдить. Отсюда апостол переходит к общему учению о том, что подобные преступления следует наказывать отлучением, дабы отбить охоту ко греху, и дабы скверна одного не распространилась на прочих.

Шестая же глава разбита на две части. В первой апостол обрушивается на судебные тяжбы, в которых христиане, к большому позору благовестия, обвиняли друг друга перед неверующими судьями. Во второй части он порицает блуд, вошедший в привычку настолько, что считался как бы дозволенным. Свою речь апостол начинает с серьезной угрозы, подтверждая ее затем вескими доводами.

Седьмая глава включает в себя рассуждение о девстве, браке и безбрачии. Насколько можно судить из слов апостола, среди коринфян возобладало суеверное мнение, будто девство – великая и как бы ангельская добродетель. Таким образом, они стали презирать брак как нечто мирское и скверное. И апостол устраняет это заблуждение, говоря о том, что каждый лучше знает о собственных дарованиях, и в этом деле не стоит предпринимать чего-либо сверх своих возможностей. Ибо не у всех одно и то же призвание. Апостол говорит о том, кто именно способен воздержаться от супружества, и какова цель такого воздержания. И наоборот, указывает на тех, кто непременно должен вступать в брак, разъясняя понятие истинно христианского супружества.

В восьмой главе апостол показывает, что требует от коринфян не больше, чем от самого себя, дабы не казалось, будто, устанавливая законы другим, он не соблюдает их сам. Павел напоминает коринфянам о том, как добровольно отказывался от позволенного ему Господом, дабы никого не оскорбить, как в безразличных вопросах становился кем угодно, дабы ко всем приспособиться. Его пример должен был отучить коринфян от чрезмер-

ной приверженности собственным интересам и приучить приспособливаться к братьям с целью их назидания.

Но поскольку, как уже говорилось, коринфяне были о себе слишком высокого мнения, Павел в начале десятой главы приводит в пример иудеев. Он предостерегает коринфян от беспечности, дабы они не позволили ей обмануть себя, как позволили иудеи. Павел говорит коринфянам: если вы гордитесь внешними привилегиями или Божиими дарами, то похожий повод для гордости имелся и у иудеев. Однако это не принесло им пользы, так как они злоупотребили своими привилегиями. И, устранив таким образом коринфян, апостол тут же возвращается к ранее начатой теме и учит, сколь абсурдно причащающимся на вечере Господней участвовать в бесовской трапезе. Ибо подобная трапеза – мерзкое и нетерпимое оскорбление. В конце Павел заключает, что никакое наше действие не должно служить соблазном для других.

В одиннадцатой главе апостол очищает общественные церковные собрания от кое-каких порочных людских установлений, не соответствующих христианскому благолепию и достоинству. Павел говорит о том, с какой серьезностью и собранностью надо стоять перед взором Бога и Его святых ангелов. В особенности он порицает коринфян за неподобающее проведение Господней вечери и указывает на способ устранения злоупотреблений, отсылая их к первоначальному установлению как к единственному правилу и неизменному закону.

Поскольку же многие злоупотребляли духовными дарами с целью возвышения самих себя, апостол в двенадцатой главе рассуждает о том, с какой целью Бог посылает нам дары, и как правильно и с пользой их употреблять, а именно: помогая друг другу своими дарами, мы должны слиться и стать единым Христовым телом. И апостол иллюстрирует это учение, приводя для сравнения обычное человеческое тело. Хотя в теле имеются разные члены с разными способностями, его соразмерность и единство таковы, что данное отдельным членам способствует благу целого. Поэтому лучшая правительница в этом деле – любовь.

Эту тему апостол еще подробнее излагает и иллюстрирует в главе тринадцатой. Итог сводится к следующему: все должно совершаться по правилу любви. И, пользуясь этим поводом, апостол рассыпается в похвалах любви, дабы христиане стремились к ней с еще большим усердием и относились с еще большим уважением.

В главе четырнадцатой Павел более детально указывает на то, в чем именно согрешили коринфяне в употреблении духовных даров, и, поскольку среди них процветала страсть к внешним прикрасам, учит, что во всем следует стремиться к назиданию других. Поэтому всем дарам он предпочитает дар пророчества как приносящего наибольшую пользу, хотя коринфяне больше ценили дар говорения на языках, но только лишь из-за его помпезности. В отношении этого дара апостол также предписывает правильный способ употребления. Одновременно он порицает обычай бесплодного говорения на неизвестных языках, когда пренебрегают стоящими на первом месте учением и увещеваниями. В конце апостол запрещает, как неподобающее, общественное учительство женщин.

В главе пятнадцатой Павел обрушивается на одно весьма опасное заблуждение. Хотя невероятно, чтобы оно распространилось среди коринфян повсеместно, все же некоторыми оно овладело до такой степени, что эти люди нуждались в явном врачевстве. Кажется, что апостол намеренно перенес упоминание о нем на конец послания. Ведь если бы он сказал о нем в начале послания или сразу же после, то все подумали бы, что намекают именно на них. Итак, по его словам, надежда на воскресение мертвых важна настолько, что по ее устранении упраздняется все благовестие. И, доказав воскресение основательными доводами, апостол говорит о его способе и причине. Он подробно и тщательно рассматривает все стороны данного вопроса.

Глава шестнадцатая разбита на две части: в первой апостол увещевает коринфян помочь бедствующим братьям в Иерусалиме. Ведь последние страдали тогда от голода, и, кроме того, против них всюду свирепствовали нечестивые. Поэтому апостолы возложили на Павла служение призвать церкви из язычников на помощь голодавшим. Итак, Павел велит коринфянам откладывать все остающиеся у них излишки, дабы затем немедленно отвезти их в Иерусалим.

Апостол завершает свое послание дружеским ободрением и благодарениями.

Отсюда вывод, сделанный мною вначале: послание это исполнено весьма полезного учения и содержит в себе рассуждения по очень многим важным вопросам.

Глава 1

1. Павел, волею Божией призванный Апостол Иисуса Христа, и Сосфен брат, 2. церкви Божией, находящейся в Коринфе, освященным во Христе Иисусе, призванным святым, со всеми призывающими имя Господа нашего Иисуса Христа, во всяком месте, у них и у нас: 3. благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа.

(1. Павел, волею Божией призванный Апостол Иисуса Христа, и Сосфен брат, 2. церкви Божией, находящейся в Коринфе, освященным во Христе Иисусе, призванным святым, в единстве со всеми призывающими имя Господа нашего Иисуса Христа, во всяком месте, и их, и нашего: 3. благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа.)

1) *Павел, ... призванный.* В начале почти всех своих посланий Павел заботится о том, чтобы учение его пользовалось авторитетом и принималось благожелательно. Авторитет он основывает на служении, порученном ему от Бога, то есть на том, что он апостол, посланный Самим Христом, благожелательность же – на любви, которую выказывает к тем, кому адресует послание. Ведь у нас с большей легкостью вызывает доверие именно тот, кто, по нашему мнению, благоволит нам от души и добросовестно заботится о нашем спасении. Поэтому Павел в этом приветствии утверждает свой авторитет, называя себя апостолом Христовым, причем, призванным от Бога, то есть, поставленным Его волею. Действительно, чтобы кто-то имел право учить и быть выслушанным в Церкви, требуется два обстоятельства. Первое: на это служение его должен призвать Сам Бог; и второе: он должен исполнять его совершенно добросовестно. Павел же приписывает себе и то, и другое. Ведь слово «апостол» указывает на то, что он с доброй совестью исполняет служение посланника Христова, возвещая истинное евангельское учение. Но, коль скоро почестей достоин лишь тот, кто правильно призван, апостол добавляет, что стал таковым не по собственной дерзости, а по назначению Божию.

Итак, будем знать, что Христовы служители должны соединять в себе эти два качества: призвание и добросовестность в исполнении служения. И подобно тому, как только законно призванный может присваивать себе достоинство и звание служителя, так и призвание его действительно лишь в том случае, если он соответствует своему служению. Ибо Господь не избирает Своими служителями немых идолов, тех, кто под предлогом призвания, присваивает себе тираническую власть, или тех, кто считает законом собственную волю, но одновременно предписывает, какими должны быть служители, связывает их Своими законами и лишь затем избирает. То есть, служители обязаны, во-первых, не быть праздными и, во-вторых, не преступать границ своего служения. И подобно тому, как апостольство проистекает из призвания, так и желающий слыть апостолом должен на деле явить себя таковым. То же самое относится ко всякому, желающему, чтобы ему доверяли, а учение его благосклонно выслушивали. И коль скоро Павел отстаивает свой авторитет, ссылаясь на подобные свидетельства, воистину бесстыден всякий, желающий даже без них считаться кем-то выдающимся.

Но следует отметить: недостаточно, если кто-то заявляет о законности призвания или о добросовестном исполнении служения, не доказывая это самими делами. Ибо часто о высоких титулах больше всего кричат те, кто по истине никак им не соответствуют. Подобно тому, как лжепророки надменно хвалились тем, будто их послал Сам Господь. Да и сегодня, на что иное претендуют сторонники Рима, нежели на законное поставление Богом и на священную преемственность, идущую от самих апостолов? Однако затем проясняется, что на деле у них ничего подобного нет. Здесь же речь идет не о самих притязаниях, а об их справедливости. И коль скоро и добрые, и злые одинаково претендуют на высокие титулы, всегда следует проверять, кто справедливо называет себя апостолом, а кто – нет. Призвание же Павла Бог засвидетельствовал многими откровениями, а затем подтвердил совершенными через него чудесами. И доверие к Павлу должно основываться на том, что

он возвещал истинное учение Христово. Впрочем, о двойном призвании, от Бога и от Церкви, можно больше прочесть в написанных нами «Наставлениях».

Апостол. Хотя по своей этимологии данное слово имеет довольно широкий смысл и порой означает каких угодно служителей, оно, прежде всего и в особенности, подходит к тем, кого заповедь Господня сделала всемирными проповедниками благовестия. И принадлежность Павла к числу апостолов важна по двум причинам. Во-первых, авторитет апостолов сильно превышал авторитет прочих служителей, а, во-вторых, только у апостолов была учительская власть над всеми церквями.

Волею Божией. Апостол охотно приписывает Богу всякое получаемое нами благо и, прежде всего, делает это в отношении своего апостольства, избавляя себя, тем самым, от всяких подозрений в гордыни. Действительно, как незаслуженно призвание к спасению, так незаслуженно и призвание к апостольскому служению. И слова Христовы: не вы Меня избрали, а Я вас избрал (Ин.15:16), – учат нас именно этому. Одновременно Павел намекает, что все отрицающие его апостольство или как-то на него нападающие противятся божественному установлению. Апостол не напрасно упоминает о своем высоком звании, но намеренно ограждает свое апостольство от злых наветов. И поскольку для коринфян авторитет Павла не должен был вызывать сомнений, упоминание о воле Божией было бы излишним, если бы нечестивые своими кознями не пытались опорочить данный ему от Бога авторитет.

И Сосфен брат. Это – именно тот Сосфен, начальник синагоги в Коринфе, о котором говорит Лука в Деян.18:17. Его имя упоминается потому, что пылкость Сосфена и его стойкость в благовестии должны были вызывать уважение коринфян. Итак, большую похвалу доставляет ему звание брата Павла, нежели прежнее звание начальника синагоги.

2) *Церкви Божией, находящейся в Коринфе.* Может показаться удивительным, что Павел называет Церковью Божией собрание людей, в котором процветали столь многочисленные пороки. Действительно, на первый взгляд, в ней царствовал не Бог, а сам сатана. Однако Павел, несомненно, не желал льстить коринфянам. Он говорил Духом Божиим, не терпящим никакой лести. Но можно ли различить облик церкви посреди такой скверны? Отвечу на это следующее. Господь как-то сказал Павлу (Деян.18:9): не бойся, в этом городе у Меня много людей. И Павел, помня об обетовании, адресовал почетное обращение именно этим немногочисленным людям, признавая их церковью даже среди огромного скопления нечестивых. Кроме того, какое бы множество пороков ни проникло в собрание коринфян, сколь бы сильно ни испортились учение и нравы, все же у них оставались какие-то признаки истинной церкви.

Это место достойно пристального внимания, дабы мы не искали в мире церковь без всякого пятна и порока и не отказывали в этом титуле любому собранию, которое нравится нам не во всех отношениях. Опасное искушение – считать, что там, где нет совершенной чистоты, также нет и никакой церкви. И всякий, поддавшийся этому искушению, неизбежно отделится от всех остальных. Он либо станет считать себя единственным святым в мире, либо вместе с другими немногими лицемерами создаст особую секту.

Но какие же причины побудили Павла признать существование в Коринфе церкви? Он видел наличие отличительных ее признаков, то есть, евангельского учения, крещения и вечери Господней. Действительно, кое-кто из коринфян начал сомневаться в воскресении мертвых. Но, коль скоро это заблуждение не охватило всех, церковь сохранилась у коринфян и по имени, и по сути. Да, в проведение вечери прокралась кое-какая порча; дисциплина и благочестие сильно подпортились; презрев евангельскую простоту, коринфяне отдавали предпочтение внешней помпе; мнительность их служителей привела к многочисленным разделениям. Однако коринфяне все же сохранили основу учения: они поклонялись единому Богу, призывали Его через Иисуса Христа, спасительное упование полагали в одном Христе и не полностью извратили евангельское служение. Поэтому среди

них и сохранилась церковь. Значит, везде, где сохраняется правильное почитание Бога и вышеупомянутое фундаментальное учение, мы без колебаний должны признавать присутствие церкви.

Освященным во Христе Иисусе, призванным святым. Упомянув оказанные коринфянам благодеяния Божии, апостол, тем самым, как бы их попрекает. Он намекает, что они достойны упрёка, если, по меньшей мере, не выкажут ответную благодарность. Ибо отвергать апостола, из-за усилий которого мы стали стадом Божиим, – самое постыдное дело. Кроме того, эти два эпитета показывают, кто именно должен считаться истинным членом церкви и находящимся в прямом с нею общении. Если ты не являешь себя христианином святостью своей жизни, то можешь скрываться среди членов церкви, но на самом деле не будешь в их числе. Значит, всем желающим числиться в народе Божиим надлежит освятиться во Христе. Далее, слово «освящение» означает «отделение». Отделение это происходит, когда Дух возрождает нас к новой жизни, дабы впредь мы служили Богу, а не миру. Коль скоро по природе все мы осквернены, Богу нас посвящает только Его же Дух. Но поскольку посвящение это происходит, когда мы прививаемся к Христову телу, вне которого – только скверна и грязь, а Дух дается нам только от Христа, апостол правильно говорит о нашем освящении во Христе, коль скоро через Него мы прилепляемся к Богу и в Нем становимся новым творением.

Следующую фразу «призванным святым» я истолковываю так: поскольку вы были призваны к святости. Но ее можно понимать двояко. Или так, что Павел причиной освящения называет Божие призвание, потому что их избрал Сам Бог, и этим как бы говорит, что освящение зависит не от человеческой добродетели, а от Его благодати. Или так, что нашему исповеданию должна соответствовать наша святость, коль скоро именно в ней – цель евангельского учения. И хотя первый смысл¹, кажется, больше соответствует контексту, не так уж важно какой именно из них избрать. Ибо прекрасно согласуются друг с другом два положения: наша святость проистекает из источника божественного избрания, и та же самая святость есть цель нашего призвания. Итак, следует верить: мы обретаем святость не собственными усилиями, а по призванию Божию, поскольку только Он освящает то, что по своей природе нечисто.

Но мне кажется вполне вероятным, что Павел, как бы пальцем указывая нам, где находится истинный источник святости, тем самым, поднимается еще выше. Он намекает на благоволение Божие, из-за которого к нам приходит и Сам Христос. Впрочем,² подобно тому, как Евангелие призывает нас к чистоте жизни, так и нам надлежит на деле выказать эту чистоту, дабы призвание наше оказалось действенным.

Но кто-то может возразить, сказав, что многие коринфяне вовсе не были таковыми. Отвечу следующее: из числа святых не исключаются и немощные. Ведь Бог в этом мире только начинает в нас Свое дело, постепенно продвигая его вперед через наше возрастание в благодати. Кроме того, скажу, что Павел намеренно обращает большее внимание на благодать Божию, чем на присущие коринфянам пороки. Он хочет, чтобы они устыдились собственной вялости, если не будут соответствовать своему высокому призванию.

Со всеми. Этот эпитет также относится ко всем благочестивым. Коль скоро главное дело веры – призывать имя Божие, по исполнению этой обязанности и следует, прежде всего, оценивать верующих. Отметим также: апостол говорит, что верующие призывают именно Христа. И этим доказывается Его божественная природа, поскольку призвание – один из главных признаков богопочитания. Посему призвание *κατὰ συνεκδοχήν* означает здесь полное исповедание веры во Христа, подобно тому, как во многих местах Писания оно обобщенно означает все богопочитание. Мнение же тех, кто относит сказанное только к

¹ 1551, не содержит ничего ложного, все же второй ...

² доб., итак

исповеданию веры, кажется мне слишком поверхностным и чуждым библейскому словоупотреблению.

Далее, местоимения «их» и «нашего» я поставил в родительном падеже, отнеся их ко Христу. Другие же относят их к месту призывания имени Христова. Однако в своем переводе я следовал Златоусту. Возможно, этот вариант покажется натянутым, поскольку в середине фразы стоят слова «во всяком месте». Но, если прочесть по-гречески, подобная конструкция речи не будет тяжеловесной. Причина же, по которой этот вариант я предпочел переводу Вульгаты, такова: если отнести сказанное к месту призывания, добавление станет не только излишним, но и нелепым. Ибо, какое место Павел мог бы назвать своим? Говорят, что Иудею. Но по какой причине? Затем, какое место он называет «их» местом? Все остальные страны мира, – отвечают нам. Но и это не вполне складно. Приведенный же мною вариант подходит наилучшим образом. Апостол, упомянув всех тех, кто повсюду призывает имя Господа Христа, добавляет, что Он – как «их», так и «наш». Тем самым он делает Христа общим Господом для всех призывающих Его, как иудеев, так и язычников.

Во всяком месте. Это добавление Павел делает вопреки своей привычке. Ведь в других посланиях он приветствует лишь тех, к кому непосредственно обращается. Однако здесь он, кажется, преследует цель отвести возможную клевету нечестивых. Они могли бы сказать, что Павел вел себя в Коринфе слишком самоуверенно и претендовал на власть, на которую не смел посягать в других церквях. Вскоре мы увидим, что на него, в числе других, повесили и то обвинение, будто он вьет себе отдельное гнездышко, избегает широкого общества и незаметно отделяется от общения с прочими апостолами. Поэтому, чтобы опровергнуть эту ложь, апостол намеренно поднимается как бы на высокую сцену, обращаясь с нее и к близким и к дальним слушателям.

3) *Благодать вам и мир.* Истолкование этой молитвы читатели могут найти в начале комментария на Послание к Римлянам. Здесь же я не хочу занимать их внимание повторами.

4. Непрестанно благодарю Бога моего за вас, ради благодати Божией, дарованной вам во Христе Иисусе, 5. потому что в Нем вы обогатились всем, всяким словом и всяким познанием, – 6. ибо свидетельство Христово утвердилось в вас, – 7. так что вы не имеете недостатка ни в каком даровании, ожидая явления Господа нашего Иисуса Христа, 8. Который и утвердит вас до конца, чтобы вам быть неповинными в день Господа нашего Иисуса Христа. 9. Верен Бог, Которым вы призваны в общение Сына Его Иисуса Христа, Господа нашего.

(4. Непрестанно благодарю Бога моего за вас, ради благодати Божией, дарованной вам во Христе Иисусе, 5. потому что в Нем вы обогатились всем, всяким словом и всяким познанием, – 6. ибо свидетельство Христово утвердилось в вас, – 7. так что вы не имеете недостатка ни в каком даровании, ожидая откровения Господа нашего Иисуса Христа, 8. Который и утвердит вас до конца неповинными в день Господа нашего Иисуса Христа. 9. Верен Бог, Которым вы призваны в общение Сына Его Иисуса Христа, Господа нашего.)

4) *Благодарю.* Ранее в тексте приветствия апостол утвердил свой авторитет, сославшись на вверенное себе служение. Теперь же, показывая свою любовь к коринфянам, он хочет вызвать у них благожелательность к своему учению. Таким образом, апостол смягчает их сердца, дабы они терпеливо выслушивали его упреки. Свою же любовь к ним апостол доказывает следующими признаками: он показывает, что радуется их благу так, словно оно – его собственное, а также заявляет, что думает о них хорошо и надеется в их отношении на лучшее. Апостол хвалит коринфян, но так, чтобы не дать им повода для превозношения, и все доброе, что есть у них, он приписывает Богу, воссылая славу Тому, от Кого пришла к ним подобная благодать. Павел как бы говорит: я хвалю вас, но славу при этом

воздаю одному Богу. О том же, почему апостол называет Бога «своим» я уже говорил к толкованию на Послание к Римлянам.

Далее, Павел не льстит коринфянам, однако он и не приуменьшает их достоинства. Хотя не все из них были достойны подобных отзывов, и многие своей мнительностью испортили ниспосланные им прекрасные Божии дарования, апостол не отнесся с презрением к тому, что они действительно заслужили. И поскольку дары Святого Духа даются ради назидания всех, Павел заслуженно говорит о них как об общем достоянии всей Церкви. Но посмотрим, что же именно хвалит апостол в коринфянах.

Ради благодати. Это – общая похвала. Она охватывает сразу все блага, которые коринфяне получили через Евангелие. Слово «благодать» здесь означает не благоволение Божие, а **μετωψικῶς** [метонимично. – прим. пер.] те дары, которые Бог незаслуженно посылает людям. Апостол тут же переходит к рассмотрению отдельных дарований, говоря, что коринфяне обогатились всем. И указывает, что именно означает слово «все»: учение и Слово Божие. Ибо христиане должны в изобилии обладать этим богатством. И нам следует ценить и уважать его тем больше, с чем большим презрением к нему относится мир. Я предпочел оставить фразу «в Нем», нежели перевести «через Него», поскольку первый вариант (на мой взгляд) более выразителен и энергичен. Христос обогащает нас постольку, поскольку мы являемся членами Его тела³ и привиты к Нему. Больше того, будучи с нами единым целым, Он сообщает нам все, что Сам получил от Отца.

б) *Ибо свидетельство, и т.д.* Эразм перевел иначе: этим подтвердилось свидетельство Христово в них, – то есть, познанием и словом. Но слова апостола звучат не так и, если их не исказить, несут весьма простой смысл: Бог запечатлел среди коринфян истину Своего Евангелия, сделав ее еще достовернее. А это могло произойти двояко: или через чудеса, или через внутренне свидетельство Святого Духа. Златоуст похоже относит сказанное к чудесам, но я усматриваю здесь более широкий смысл. Во-первых, не подлежит сомнению, что Евангелие прежде всего подтверждает для нас вера. Ибо мы лишь тогда⁴ признаем Бога правдивым, когда принимаем верою Его благовестие. Хоть я и согласен⁵ с тем, что его следует подтверждать чудесами, все же начало его достоверности состоит в чем-то другом: в залого и печати Духа Божия. Посему⁶ я толкую сказанное следующим образом: коринфяне изобиловали знанием, поскольку Бог с самого начала сделал для них Свое Евангелие действенным. Причем несколькими способами: как внутренней силой Духа, так и превосходными разнообразными дарами, чудесами и всеми прочими вспомоществованиями. Свидетельством Христовым, или о Христе, апостол называет Евангелие, ибо задача последнего – показать нам Христа, в Котором сокрыты все сокровища знания. Не стану возражать, если кто-то поймет сказанное в активном смысле: коль скоро главный автор Евангелия – Христос, апостолы – не что иное, как вторичные и подчиненные свидетели. Однако первое толкование мне больше по душе. Немного ниже в главе 2, стих 1 «свидетельство Божие» без сомнения понимается в активном смысле, поскольку пассивный там никак не подходит. Здесь же ситуация иная. Больше того, мое мнение подтверждает сам контекст, поскольку тут же говорится о том, каково это свидетельство. Оно в том, чтобы знать одного лишь Иисуса Христа.

7) *Вы не имеете недостатка ни в каком даровании.* **ὑστερεῖσθαι** означает не иметь того, в чем нуждаешься. Апостол хочет сказать, что коринфяне изобилуют всеми дарами Божиими и ни в чем не испытывают недостатка. Он как бы говорит: Господь удостоил вас не только евангельского света, но и наделил прекрасными дарами благодати, помогающими освященным идти по спасительному пути. И дарованиями апостол зовет разновидности

³ и имеем с Ним общение

⁴ Ибо не признаем Бога правдивым, если не примем его верою.

⁵ Несомненно

⁶ Я же

духовной благодати, служащие для святых как бы орудиями спасения. Но можно возразить: хотя святые и богаты духовными дарами, они все же, в какой-то мере, ощущают их недостаток, и поэтому вынуждены жаждать и алкать чего-то большего. Ведь каждый из них еще далек от совершенства. Отвечаю: коль скоро святые достаточно наделены всем необходимым, и Господь всегда во время восполняет их нужду, Павел и приписывает им всяческое изобилие. И, добавив фразу «ожидая откровения», апостол имеет в виду следующее: он приписывает святым не такое изобилие, чтобы они не желали ничего большего, но лишь такое, которое достаточно до наступления полного совершенства. Причастие [в русском языке: деепричастие – прим. пер.] «ожидая» означает, на мой взгляд, «между тем, ожидая». И смысл таков: вы не испытываете недостатка ни в каком даровании, ожидая, между тем, дня совершенного откровения, когда Христос, ваша премудрость, явится во всей Своей полноте.

8) *Который и утвердит вас.* Относительное местоимение «Который», будучи ближе к слову «Христос», все же относится не к Нему, а к Богу. Апостол продолжает свое благодарение. Ранее он говорил, что думал о прошлом коринфян, теперь же показывает, сколь сильно надеется на их будущее. И делает это как для того, чтобы уверить их в своей любви, так и для того, чтобы призвать их к той же самой надежде. Павел как бы говорит: томясь ожиданием будущего спасения, вы все равно должны быть уверены в том, что Господь не только не покинет вас, но и умножит то, что ранее в вас начал. И когда настанет день всем предстать на судилище Христовом, вы окажетесь на нем неповинными.

Неповинными. Как учит Павел в Посланиях к Ефесянам и Колоссянам, цель нашего призвания – явиться пред Христом чистыми и безупречными. Но следует отметить: мы не сразу обретаем подобную чистоту. И дела наши идут хорошо, если мы ежедневно продвигаемся в покаянии, если очищаемся от грехов, делающих нас виновными перед Богом, доколе вместе с телом смерти не совлечемся всей скверны греха. О дне же Господнем мы скажем в главе 4-й.

9) *Верен Бог.* Писание, называя Бога верным, часто понимает под этим словом Его постоянство и твердую решимость. Бог доводит до конца то, что начал. И тот же Павел в другом месте утверждает, что призвание Божие происходит без раскаяния (Рим.11:29). Поэтому, думаю, смысл этого отрывка в следующем: Бог неизменен в Своем намерении. И коль скоро это так, Он не шутит со Своим призванием, но постоянно следит за его осуществлением. Поэтому, основываясь на прошлых благодеяниях Божиих, мы всегда должны надеяться на еще большие дары, ожидающие нас в будущем. Но Павел поднимается еще выше: он доказывает, что коринфяне, однажды призванные Господом в общение со Христом, уже не могут быть Им отвергнуты. И чтобы понять, что означает этот довод, отметим, во-первых, что для каждого человека призвание его свидетельствует о его же избрании. Во-вторых, хотя каждый не может достоверно судить об избрании другого, суждение любви всегда говорит о том, что все призванные призваны именно ко спасению, то есть, призваны действительно и небесплодно. Павел же обращается к тем, в ком Слово Божие уже пустило корни и даже произвело какое-то плоды.

Если же кто-то возразит и скажет, что многие, однажды приняв Слово, затем от него отпадают, отвечу так. Один лишь Дух является для каждого верным и надежным свидетелем его избрания, от которого также зависит конечная стойкость. Но это обстоятельство не мешало Павлу судить по любви и быть убежденным в том, что призвание коринфян надежно и незыблемо. Ибо в них он различал признаки отеческого благоволения Божия. И все сказанное направлено не на порождение в нас плотской беспечности (Писание избавляет нас от нее частыми напоминаниями о нашей немощи), но лишь к укреплению нашего упования на Бога. И коринфянам об этом было полезно сказать для того, чтобы они не пали духом от осознания многочисленных проступков, которые вскоре предъявит им апостол. Итог же таков: надеяться на лучшее в отношении всех, вставших на спасительный путь и продолжающих идти по нему, говорит о христианской любви. И какими бы поро-

ками они ни страдали, наше дело – надеяться на то, что каждый, с момента просвещения его Духом Божиим к познанию Иисуса Христа, усыновлен Господом для наследования вечной жизни. Ибо действительное призвание должно быть свидетельством усыновления верующих. И, однако, несмотря на это, всем им следует пребывать в страхе и заботе, о чем я кое-что скажу в комментарии на десятую главу.

В общение. Эразм перевел это место, как «в совместный удел», древний же переводчик – «в общество». Я же предпочел слово «общение», поскольку оно лучше выражает греческое *κοινωνία*, и это – общая проблема в цитировании в русском переводе греч. терминов различных падежей) Ведь цель Евангелия в том, чтобы Христос стал нашим, и мы привились к Его телу. Если же Отец дает нам в обладание Христа, Он также сообщает нам и Самого Себя. Ибо от Него исходит наше участие во всяких благах. Довод же Павла состоит в следующем: поскольку вы через воспринятое верою Евангелие приведены в общение со Христом, у вас нет причин бояться смерти, сделавшись причастниками Того, Кто победил смерть. Итог таков: христианин, смотря на самого себя, находит лишь повод для страха или отчаяния. Но, будучи призванным в общение со Христом, он должен, если речь заходит о спасительном уповании, мыслить о себе не иначе, как о члене тела Христова, дабы все Христово стало его собственным. Таким образом, он и обретет надежду на конечную стойкость, размыслив о том, что он – член Его тела, находящийся вне опасности падения.

10. Умоляю вас, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, чтобы все вы говорили одно, и не было между вами разделений, но чтобы вы соединены были в одном духе и в одних мыслях. 11. Ибо от домашних Хлоиных сделалось мне известным о вас, братия мои, что между вами есть споры. 12. Я разумею то, что у вас говорят: «я Павлов»; «я Аполлосов»; «я Кифин»; «а я Христов». 13. Разве разделился Христос? разве Павел распялся за вас? или во имя Павла вы крестились?

(10. Умоляю вас, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, чтобы все вы говорили одно, и не было между вами разделений, но чтобы вы соединены были в одном духе и в одних мыслях. 11. Ибо от ваших, от домашних Хлоиных, сделалось мне известным о вас, братия мои, что между вами есть споры. 12. Я разумею то, что каждый из вас говорит: «я Павлов»; «я Аполлосов»; «я Кифин»; «а я Христов». 13. Разве разделился Христос? Разве Павел распялся за вас? Или во имя Павла вы крестились?)

10) Умоляю вас, братия. До сих пор Павел обращался с коринфянами мягко, зная, что они чрезмерно нежны. Теперь же, приготовив их к обличению и исполнив роль доброго и опытного врача, умягчающего рану, к которой надо приложить болезненное лекарство, он начинает разговаривать с ними строже. Хотя, как мы еще увидим, Павел и здесь проявляет умеренность. Апостол по сути говорит следующее: я утверждаю, – говорит апостол, – что Господь не напрасно даровал вам столько благодеяний, желая привести вас ко спасению; но и вы должны приложить усилия, дабы не осквернить своими проступками столь превосходную благодать; поэтому старайтесь друг с другом соглашаться; и я не напрасно требую от вас согласия, ибо мне доложили, что вы враждебно разногласите друг с другом, что между вами бывают разделения и ревность, разрушающие истинное единство. Но поскольку коринфян, кажется, не достаточно затронуло предыдущее обличение, Павел прибегает к упрощениям: он закликает их именем Христовым, дабы они стремились к согласию настолько, насколько сильно Его любят.

Чтоб все вы говорили одно. Эти три фразы увещевают коринфян к согласию. Во-первых, апостол нашел среди них такое согласие, когда все они воистину говорили одно и то же; во-вторых, он обличает зло разделения и нарушения единства; в-третьих, указывает на основу истинного согласия, дабы их мысли и воля соответствовали друг другу. Помещенное же им по порядку на второе место должно идти первым: нам следует избегать споров. Ведь отсюда проистекает второе положение о том, что мы должны жить в согласии. А из

этого следует⁷ третье, поставленное здесь на первом месте: мы должны говорить едиными устами – что в первую очередь желательно как плод христианского единства. Итак, отметим: больше всего христианам чуждо спорить друг с другом. Ибо главный артикул нашей веры состоит во взаимном единодушии. На этом согласии стоит и покоится спасение Церкви.

Но посмотрим, что именно требует апостол от христианского согласия. Если кто-то захочет провести между этими положениями более тонкое разграничение, то апостол, во-первых, желает, чтобы у коринфян был один разум, во-вторых, одно суждение, в-третьих, чтобы они исповедовали свое согласие на словах. Поскольку же мой перевод несколько отходит от версии Эразма, попутно напомним кое-что нашим читателям. Павел использует здесь причастие, означающее полную прилаженность разных предметов друг к другу. Ибо глагол *καταρτίζεσθαι*, от которого происходит причастие *κατηρτισμένοις* в собственном смысле означает «прилаживать» и «соединять». Подобно тому, как члены человеческого тела весьма соразмерно прилажены друг ко другу.

Слово «мнение» Павел передает термином *γνώμη*. Но я понимаю его как волю, чтобы в речи апостола упоминались все части души. Тогда первое слово относится к вере, а второе – к любви. Ибо христианское единство будет царить между нами лишь тогда, когда мы соглашаемся не только в учении, но и в пожеланиях и устремлениях. Подобно тому, как Лука засвидетельствовал о верующих ранней церкви, что у них было одно сердце и одни уста (Деян.4:32). Действительно, все это обнаруживается везде, где правит Дух Христов. Поскольку же апостол велит говорить одно, он, ссылаясь на этот результат, хочет сказать, сколь абсолютным должно быть наше согласие. А именно: чтобы даже в речах не замечалось никакого различия. На практике это трудно, но совершенно необходимо для христиан, от которых требуется не только одна вера, но и единое исповедание.

11) *Сделалось мне известным*. Поскольку общие увещевания, как правило, затрагивают нас мало, апостол утверждает, что сказанное имеет к коринфянам особое отношение. Итак, его приноравливание направлено к тому, чтобы коринфяне знали: Павел не напрасно упомянул о согласии. Ибо он показывает, что коринфяне не только отклонились от священного единства, но и дошли до споров, которые много хуже разногласий. И дабы его не обвинили в доверчивости, словно он легко поверил ложным обвинениям, апостол хвалит тех, от кого услышал о коринфянах, как людей наилучшей репутации, которых он не усомнился привести как надежных свидетелей против всей церкви. Хотя не вполне ясно, является ли «Хлоя» именем женщины или места, мне кажется вероятным, что здесь имеется в виду женщина. Думаю, что это семейство, будучи хорошо обученным, указало Павлу на болезнь коринфской церкви, поскольку желало, чтобы апостол ее вылечил. Мнение же Златоуста, которому следуют многие, будто бы Павел для того воздержался от названия конкретных имен, чтобы избавить этих людей от неприязни, кажется мне глупым. Ведь апостол говорит, что ему донесли об этом не некоторые, но скорее все члены семейства. И они, несомненно, охотно позволили бы ему назвать свои имена. Далее, дабы не ранить души коринфян излишней жесткостью, апостол смягчил свой упрек приятным обращением, но не для оправдания их порока, а чтобы сделать их более обучаемыми и готовыми признать тяжесть своего недуга.

12) *Я разумею*. Некоторые видят в сказанном *μίμησιν* словно Павел приводит подлинные слова свидетелей. Хотя в некоторых кодексах отсутствует слово *οτι*, я думаю, что это скорее связка, нежели относительный союз, дабы предыдущее предложение имело самый простой смысл: уверен, вы спорите друг с другом потому, что каждый из вас хвалится человеком. Но кто-то возразит и скажет, что в этих словах еще не говорится о спорах. Отвечаю: если в религии имеются разногласия, люди скоро вскипают и начинают друг с дру-

⁷ затем следует утверждение, что мы должны быть единодушными в мнениях и пожеланиях. То же, что здесь помещается первым, есть как бы плод христианского согласия, когда ... все мы говорим.

гом сражаться. Как для нашего единения более всего действенно согласие в вере, которое больше всего сближает нас и удерживает в мире друг с другом, так и с возникновением разногласий люди неизбежно возбуждаются и вступают в драку. И ни в каком другом вопросе не бывает более жестоких споров, нежели в вопросе веры. Посему Павел обоснованно видит достаточное доказательство наличия споров в том, что коринфяне страдали от разделений и размежеваний.

Я Павлов, и т.д. Здесь апостол называет верных рабов Христовых: Аполлоса, своего преемника в Коринфе, самого Петра, и, наконец, добавляет собственное имя, дабы не показалось, что он больше ругает за себя, чем за дело Христово. Вряд ли там были партии, выступавших за отдельных служителей, хранивших между собой священное согласие. Но, как в последствии добавляет апостол, он приложил к себе и Аполлосу то, что относилось к другим, для того, чтобы коринфяне, перестав смотреть на лица, больше думали о самой сути проповеди.

Но кто-нибудь, возражая, скажет: зачем же здесь перечислены и те, кто исповедывал себя Христовым? Разве это было достойным упрека? Отвечаю: так апостол пытался пояснить, к какому позору приводят наши ложные устремления, когда мы посвящаем себя людям. Ибо Христа тогда поддерживает лишь какая-то часть верующих. И благочестивым, не желающим отречься от Христа, не остается ничего другого, как отделиться от остальных.

Поскольку же это место искажают на разные лады, надлежит тщательно подумать о том, к чему именно стремится апостол. Он хочет так утвердить в церквах учительство Христово, чтобы все мы от Него зависели, чтобы один Христос был для нас Господом и Учителем, и чтобы никто из нас не ссылался на людей. Тех же, кто уводит за собой учеников, дабы разорвать церковь на секты, апостол осуждает как злейших врагов нашей веры. Он не терпит, когда люди возвышаются в Церкви настолько, что покушаются на владычество Самого Христа. Он не позволяет воздавать им честь, хотя бы в чем-то умаляющую Иисуса Христа. У служителей Христовых есть свое достоинство. И они в какой-то мере являются учителями. Но в отношении Христа всегда надо делать исключение и не лишать Его того, что по праву принадлежит Ему одному. То есть, Христос должен считаться и быть нашим единственным Учителем. Посему цель добрых служителей в том, чтобы все сообща служили Христу, чтобы утвердить только за Ним власть, авторитет и славу, чтобы сражаться под Его знаменами, повиноваться одному Ему, и покорять других Его власти. Если же кем-то движет мнительность, он собирает учеников уже не для Христа, а для самого себя. Источник всех зол, вреднейшая из всех болезней, губительный яд для всех церквей – когда служители больше думают о себе, нежели об Иисусе Христе. Итог же таков: единство Церкви, прежде всего, состоит в том, чтобы все мы зависели от одного лишь Христа, а люди занимали по отношению к Нему более низкое место, ни в чем не умаляя Его превосходства.

13) *Разделился ли Христос? (Разве разделился Христос?)* Именно этот абсурдный вывод следовал из происходивших у коринфян разделений. Ибо в Церкви должен править один Христос. И поскольку цель Евангелия – примирить нас с Богом через Христа, нам, прежде всего, необходимо собраться вместе в Его теле. Коль скоро же лишь немногие из них, будучи здравомысленнее других, считали Христа своим учителем, – коринфяне, притязая на имя христиан, на деле разрывали Христа на части. Ибо нам надлежит быть одним телом, если мы хотим находиться под Христом, как под нашим Главой. Если же мы разделяемся на разные тела, мы одновременно отходим и от Самого Христа. Итак, хвалиться Его именем посреди разногласий и разделений – значит делать невозможное: разрывать Христа на части. Ведь Сам Христос никогда не отступает от единства и согласия, поскольку не может отречься от Самого Себя. Посему, указав на подобную несурзность, Павел дает понять коринфянам, что они чужды Христу из-за своих разделений. Ибо Христос лишь тогда царствует среди нас, когда служит для нас узами священного единства.

Разве Павел распялся за вас? Два сильных довода, коими апостол показывает, сколь недостойно лишать Христа чести быть единственным Главой Церкви, единственным Учителем и Наставником, или отказывать Ему хоть в каком-то достоинстве, перенося его на людей. Первый довод: мы искуплены Христом с тем условием, что уже не принадлежим самим себе. Этим же доводом пользуется Павел в Рим.14:9, говоря: Христос умер и воскрес для того, чтобы владеть и живыми, и мертвыми. Итак, мы живем и умираем для Него, поскольку всегда Ему принадлежим. То же самое сказано в Рим.7:23: вы куплены дорогой ценой, не будьте рабами людей. Значит, коль скоро коринфяне приобретены Христовой кровью, они неким образом отрекаются от своего искупления, если ставят над собой каких-то иных начальников. Замечательное учение, гласящее, что не в нашей власти отдаваться в рабство людям, поскольку мы – стадо Господне! Отсюда, апостол обвиняет коринфян в страшной неблагодарности как ушедших от Господина, кровью Которого были искуплены, хотя они и поступили так только по неведению.

Далее, этот отрывок противостоит нечестивым измышлениям папистов, коими они пытаются обосновать свои индульгенции. Ибо вымышленную сокровищницу Церкви, распределяемую, по их учению, путем индульгенций, они составляют из крови Христа и мучеников. Так они воображают, будто мученики своей смертью кое-что заслужили для нас пред Богом, дабы мы просили у них помощи в отпущении грехов. При этом паписты будут отрицать, что мученики – наши искупители. Но совершенно ясно, что одно следует здесь из другого. Речь идет о примирении грешников с Богом, о получении ими прощения, об умиловлении гнева Божия, о плате за нанесенные Богу оскорбления. И они утверждают, что все это отчасти достигается кровью Христа, и отчасти – кровью мучеников. Значит, они делают мучеников сообщниками Христа в обретении нашего спасения. Павел же категорически отрицает, что за нас распялся кто-то еще, кроме Иисуса. Несомненно, что мученики умерли ради нас, но для того (как говорит Лев), чтобы дать нам пример стойкости, а не для того, чтобы обрести для нас дар праведности.

Или во имя Павла вы крестились? Второй довод, основанный на крещальном исповедании. Ибо мы отдаем себя Тому, в Чье имя крестились. Значит, мы принадлежим Христу, именем Которого освящено наше крещение. Отсюда следует: коринфяне повинны в вероломстве и отступничестве, если посвящают себя людям.

Отметь, что здесь природа крещения уподобляется подписанию взаимного договора. Подобно тому, как Господь посредством этого знака принимает нас в Свою семью и причисляет к Своему народу, так и мы обязываемся быть Ему верными и впредь не иметь никакого другого духовного господина. Посему, как со стороны Бога с нами заключается завет благодати, обещающий отпущение грехов и новую жизнь, так и с нашей стороны приносится клятва вести духовную брань, посредством которой мы обещаем вечное повиновение Богу. Первую часть этого договора Павел здесь не затрагивает, поскольку это было бы вовсе не к месту. Но когда речь идет о крещении, ее нельзя упускать из вида. И Павел не только винит коринфян в отступничестве, когда они, оставив Христа, перешли в подчинение людям, но и считает их нарушителями завета, если они не прилепляются к одному лишь Христу.

Но спрашивается: что значит – креститься во имя Христово? Отвечаю: это выражение не только указывает на то, что крещение основано на авторитете Христа, но и на то, что оно опирается на Его силу, неким образом на ней утверждаясь. Кроме того, все воздействие крещения зависит от того, что при его преподании призывается имя Христово. Но снова спрашивается: почему Павел говорит, будто коринфяне крещены во имя Христа? Ведь Христос заповедал апостолам крестить во имя Отца и Сына и Святого Духа. Отвечаю: в крещении надо, прежде всего, видеть следующее: Бог Отец по Своей незаслуженной нами благодати путем усыновления привил нас к Своей Церкви и принял в число Своих детей. Далее, поскольку у нас не может быть с Ним никакой связи, кроме как путем примирения, нам необходим Христос, кровью Своею возвращающий нам Отчее благоволение. И нако-

нец, поскольку через крещение мы посвящаемся Богу, нам необходимо посредничество Святого Духа, служение Которого состоит в том, чтобы сделать нас новым творением. Даже омытие нас Христовой кровью – в собственном смысле Его дело. Но поскольку мы получаем милосердие Бога Отца и благодать Святого Духа только через Христа, то заслуженно и в прямом смысле называем Его целью нашего крещения и надписываем крещение именно Его именем. Хотя имя это никак не исключает имен Отца и Духа. Ибо, желая кратко выразить силу крещения, мы говорим об одном Христе, а когда желаем сказать подробнее, должны назвать также Отца и Духа.

14. Благодарю Бога, что я никого из вас не крестил, кроме Криспа и Гаия, 15. дабы не сказал кто, что я крестил в мое имя. 16. Крестил я также Стефанов дом; а крестил ли еще кого, не знаю. 17. Ибо Христос послал меня не крестить, а благовествовать, не в премудрости слова, чтобы не упразднить креста Христова. 18. Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас спасаемых, – сила Божия. 19. Ибо написано: погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну. 20. Где мудрец? где книжник? где совпросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие?

(14. Благодарю Бога, что я никого из вас не крестил, кроме Криспа и Гаия, 15. дабы не сказал кто, что я крестил в мое имя. 16. Крестил я также Стефанов дом; а крестил ли еще кого, не знаю. 17. Ибо Христос послал меня не крестить, а благовествовать, не в премудрости слова, чтобы не опустошить крест Христов. 18. Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас спасаемых, – сила Божия. 19. Ибо написано: погублю мудрость мудрецов, и разум разумных возьму от среды. 20. Где мудрец? Где книжник? Где спорщик века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие?)

14) *Благодарю.* Эти слова Павла суровейшим образом порицают дурное поведение коринфян. Из-за них апостолу надо было неким образом отказываться от столь святого и прекрасного служения, каким является крещение. Павел поступил бы правильно и в соответствии со своим долгом, если бы крестил как можно больше людей. Но он радуется, что вышло по другому, и видит в этом провидение Божие, дабы люди не возымели повода хвалиться собой, и чтобы сам он не имел ничего общего с выскочками, обретавшими таким образом себе учеников. Но что было бы, окрестить он многих? Ничего плохого, но (как я уже говорил) здесь присутствует тяжкий упрек, адресованный коринфянам и лжеапостолам. Ибо раб Господень вынужден радоваться тому, что воздержался от доброго и похвального дела, дабы оно не обратилось для них в повод для соблазна.

17) *Ибо Христос послал меня.* Апостол заранее отводит возможное возражение. Он действовал не по своему почину. Это Христос велел апостолам и проповедовать, и крестить. Итак, Павел говорит, что крещение – не главная часть его служения. Ему прежде всего поручена обязанность учить, исполнением которой он и занят. Ибо что сказал апостолам Христос? Идите, проповедуйте и крестите. Крещение Он соединяет с учением, как некую добавку или приложение к проповеди, дабы учение всегда занимало первое место.

Здесь надо отметить два момента: во-первых, апостол не отрицает напрочь, что ему заповедано крестить (ибо ко всем апостолам относятся слова: идите, крестите, – да и сам он поступил бы дерзко, крестив хотя бы одного без соответствующей заповеди), но лишь говорит о том, что в его призвании главное; во-вторых, здесь никоим образом не унижается достоинство и плод таинства, как думают некоторые. Ибо обсуждается не сила крещения, и Павел использует это сравнение не для того, чтобы в чем-то его унизить. Но, коль скоро немногим было дано учить, но многим – крестить, кроме того, коль скоро учить можно сразу многих, а крещение дается только каждому по отдельности, Павел, выделяясь перед прочими способностью учить, занимался самым важным своим делом, оставив другим то, что они могли бы делать лучше. Больше того, если читатели хорошенько поразмыслят над сказанным, то увидят присутствие здесь неявной иронии, высмеивающей тех, кто под предлогом помпезной церемонии пожинает славу от труда других. Павел предпринял не-

вероятные усилия, созидавая коринфскую церковь. А потом пришли эти утонченные учителя, переманившие учеников в свои секты одним лишь окроплением водою. Поэтому Павел, уступая им эту честь, говорит, что довольствуется своей собственной ношей.

Не в премудрости слова. Упреждение, посредством которого апостол отвергает два возможных возражения. Ведь притворные учителя могли бы сказать, что Павлу, лишенному всякого красноречия, смешно хвалиться учительским служением. Посему апостол как бы уступает им и говорит, что он поставлен не ритором, снискивающим славу красотой речи, а служителем Духа, грубыми и простыми словами ставящего на место мирскую мудрость. И чтобы кто-то не возразил и не сказал, что Павел путем проповеди снижал не меньшую славу, чем другие путем крещения, апостол кратко отвечает и на этот довод. Поскольку практикуемый им способ учительства далек от всяческого блеска и лишен какого бы то ни было честолюбия, все подозрения против него совершенно неуместны. И (если не ошибаюсь) отсюда также можно вывести, о чем главным образом спорил Павел со злыми и недобросовестными служителями коринфской церкви. О том, что они пытались выглядеть напыщенно, дабы помпезностью слова вызвать у народа восхищение и продавать свои услуги под личиной человеческой мудрости.

Из этого главного зла следуют два другие: подобными прикрасами как бы искажается Евангелия, и Христос облекается в новый и чуждый Ему наряд, так что знание о Нем больше не является чистым и подлинным; затем, Павел говорит о том, как, обратившись к изяществу и блеску слов, к утонченным умствованиям, к пустой видимости напыщенного учения, люди лишаются действенности Духа. У них ничего не останется, кроме мертвой буквы, и будут заметны не величие Божие, сияющее в Евангелии, но только внешние прикрасы и беспредметная pompa.

И для устранения искажений благовестия Павел начинает говорить о способе своей проповеди. По его утверждению, способ этот законный и правильный, поскольку полностью противоположен тщеславному бахвальству других. Павел как бы говорит: знаю, как льстят вам эти ваши утонченные учителя своей высокопарной речью. Я же не только признаю, но и горжусь тем, что моя проповедь груба, неотесанна и не содержит никаких изысков. Ибо именно так и надо проповедовать. Именно этот способ проповеди и заповедал мне Бог.

Премудростью слова апостол называет не *λογοδαϊαλίαν* [надувательство, уловка. – прим. пер.], означающую не что иное, как никчемную болтливость, а истинное красноречие, включающее в себя отбор для проповеди умных тем и их изящное изложение. И апостол свидетельствует, что он всего этого лишен, однако же это ничуть не вредит его проповеди.

Чтобы не упразднить креста Христова. (Чтобы не опустошить крест Христов). Как ранее апостол противопоставлял имя Христово надменной мудрости плоти, так и теперь выставляет на обозрение крест Христов, дабы ниспровергнуть всю ее гордыню и превозношение. Ибо для верующих истинная мудрость заключена именно в кресте Христовом. А что может быть презреннее креста? Поэтому всякий, желающий быть мудрым для Бога, должен снизойти до крестного смирения. А это случится лишь тогда, когда он прежде отречется от себя, собственного разума и всей премудрости мира. Однако Павел говорит здесь не только о том, какими должны быть ученики Христовы, и как им следует учиться, но и о том, какой способ обучения должен практиковаться в Христовой школе. По его словам, крест Христов был бы опустошен, если бы его проповедь была украшена красноречием и изысками. Крест Христов означает здесь благодеяние искупления, которое надо искать в распятом Христе. Евангельское же учение, призывающее нас ко кресту, должно благоухать запахом креста Господня и быть в глазах мира скорее презренным, нежели славным. Смысл таков: если бы Павел прибег у коринфян к философской утонченности и

искусности речи, он похоронил бы действенность креста Христова, в котором заключается человеческое спасение. Ибо таким путем крест не может стать нашим.

Здесь можно задать два вопроса. Полностью ли осуждает Павел премудрость слова как противницу Иисуса Христа? И неужели по его мнению между евангельским учением и красноречием лежит вечная вражда, ведущая к их совершенной несовместимости? То есть, неужели евангельская проповедь портится, если кто-то для ее украшения прибегнет к красноречию?

Отвечаю на первый вопрос: весьма неразумным было бы полагать, будто Павел в целом осуждает те виды искусства, которые без сомнения являются замечательными дарами Божиими, помогающими людям при их правильном использовании. И поскольку виды искусства, основанные не на суевериях, но на образованности, покоятся на истинном знании и полезны в повседневной жизни, несомненно, что они происходят от Святого Духа. Пользу же, получаемую и осязаемую от них, следует возводить именно к Богу. Значит, сказанное Павлом не надо понимать как поношение искусства, словно оно противостоит благочестию.

Второй вопрос связан с несколько большими трудностями. Ибо апостол говорит, что пришивать мудрость слова к кресту Христову значит его опустошать. Отвечаю: надо принять во внимание, к кому именно обращается Павел. Слух коринфян глупо и неумно возделел высокопарных речей. Поэтому их, прежде всего, надо было призвать к крестному смирению, дабы они научились принимать Христа и Его простое Евангелие без каких-либо прикрас. Хотя я согласился бы с истинностью утверждения, что крест Христов опустошает не только премудрость мира, но и изящество речи. Ибо проповедь распятого Христа проста и откровенна. Посему ее не следует каким-либо образом приукрашивать. Евангелию свойственно смирять мирскую мудрость, дабы мы, отвергнув собственный ум, выказывали только готовность учиться, дабы мы знали, или желали знать, лишь то, чему учит нас Господь. О премудрости плоти и ее противлении Христу вскоре будет сказано подробнее. О красноречии же коротко скажу сейчас, насколько требует обсуждаемый нами отрывок.

Мы сознаем, что Бог от начала постановил, чтобы Евангелие проповедовали, не обращаясь к помощи красноречия. Но разве Дающий красноречивость человеческому языку не мог бы Сам быть красноречив, если бы того хотел? Мог бы, но не захотел. Почему не захотел? На это я нахожу две главные причины. Первая: дабы в грубой и неотесанной речи стало более очевидным величие Его истины, и человеческие души затрагивала одна лишь действенность Духа без каких-либо внешних вспомоществований. Вторая причина в том, что Ему надо было тщательнее проверить наше послушание и готовность к обучению, и одновременно научить истинному смирению. Ибо Господь допускает в Свою школу только детей. Значит, лишь те способны к восприятию небесной мудрости, кто, довольствуясь презренной с виду крестной проповедью, не желают ни в чем приукрашивать Иисуса Христа. Посему евангельское учение надлежит преподавать так, чтобы отвадить верующих от всякой напыщенности и превозношения.

Но что если сегодня кто-нибудь, говоря ярче других, украсит евангельское учение собственным красноречием? Разве из-за этого его следует отвергать, будто он осквернил или затемнил Христову славу? Отвечаю: во-первых, никак не противоречит простоте Евангелия то красноречие, которое не только уступает и покоряется ему без всякой гордыни, но и служит ему, как служанка своей госпоже. Ибо, по словам Августина, Тот, Кто дал людям рыбака Петра, дал им и ритора Киприана. Этим он хотел сказать, что оба они – от Бога, хотя один, будучи выше по достоинству, полностью лишен искусства говорить, а другой, сидящий у его ног, выделяется изяществом речи. Итак, подобное красноречие не следует ни осуждать, ни презирать. Ведь оно стремится не к тому, чтобы пленить христиан внешним словесным блеском, опьяняя их суетной усладой, сотрясая их слух своим прият-

ным звучанием, и помпой своей как бы заслоняя крест Христов, – но скорее к тому, чтобы призвать нас к изначальной евангельской простоте. Так что, смиряя даже самое себя, это красноречие превозносит только проповедь креста, исполняя как бы роль глашатая, чтобы люди слушали рыбаков и неучей, у которых нет ничего, кроме силы благодати Святого Духа.

Кроме того, скажу, что и у Духа Божия есть Свое красноречие. Но оно сияет не во внешних изысках, а своим врожденным, собственным и (как говорится) внутренним сиянием. Такое красноречие было у пророков, особенно у Исаии, Давида и Соломона. Таким красноречием в некоторой степени владел и Моисей. Да и в апостольских посланиях, даже весьма неискusstных, все же порой вспыхивают какие-то его искорки. Посему Духу Божию подобает красноречие не показное, не сотрясающее впустую воздух, но основательное и действенное, больше связанное с искренностью, чем с изяществом.

18) *Ибо слово о кресте, и т.д.* В первой части предложения содержится уступка. Ведь можно было возразить, сказав, что Евангелие станут повсеместно презирать, если провозглашать его бесхитростно и смиренно. И Павел охотно с этим соглашается. Но, добавляя, что презирать его будут погибающие, он хочет сказать, что суждению их не стоит придавать значение. Ибо кто захочет презирать Евангелие ценой своего спасения? Итак, предложение это надо истолковывать следующим образом: какой бы глупостью ни считали погибающие слово о кресте, коль скоро оно неуютно им, как не потворствующее мирской премудрости, для нас в этом слове сияет премудрость Божия. Косвенно апостол порицает здесь превратность суждения коринфян. Ведь их легко увлекали словесные прикрасы мнительных учителей. При этом они гнушались апостолом, наделенным силою Божией ради их спасения, только потому, что он усердно проповедовал им Христа. О том же, каким образом слово о кресте есть сила Божия ко спасению, мы говорили в Рим.1:16.

19) *Ибо написано.* Свидетельством Исаии апостол еще лучше дает понять, сколь недостойно относиться с предубеждением к евангельской истине. И относиться только потому, что мудрецы века сего высмеивают и презирают его. Ибо из слов пророка явствует: Бог ни во что не ставит их премудрость. Место, взято из Исаии 29:14, где Господь говорит: Я покараю лицемерие народа тем, что премудрость его мудрецов погибнет. Сказанное следующим образом соотносится с осуждаемой ныне темой: то, что люди, кажущиеся мудрыми, судят столь превратно, вовсе не ново и вполне обычно. Ведь Господь обычно наказывает так превозношение тех, кто, уповая на собственный разум, хотят быть вождами для себя и других. Некогда он уничтожил в израильском народе премудрость его вождей. И если это произошло в народе, мудростью которого должны были восхищаться прочие племена, то что будет с остальными?

Однако нам следует сравнить слова пророка с тем, что говорит Павел, и еще пристальнее в них взглянуть. Хотя пророк пользуется нейтральными фразами, говоря: погибнет премудрость и благоразумие исчезнет, – Павел переводит их в активный залог, изображая действующим самого Бога. Но смысл у них обоих одинаковый. Ведь Бог свидетельствует о том, что произведет великое чудо, которому поразятся все. Значит, премудрость погибнет, но потому, что ее уничтожит Господь. Премудрость исчезнет, но потому, что Господь приведет ее к исчезновению. Второй же глагол *ἀθετεῖν*, переведенный Эразмом как «отвергать», может означать разное. Иногда он значит «разрушать», «истреблять», «изничтожать». Я предпочел бы понимать его именно в этом смысле, дабы он соответствовал слову «исчезнуть». Хотя еще более веская причина в том, что значение «отвергать», как мы вскоре увидим, не согласуется с контекстом. Итак, посмотрим, какой же выходит смысл. Пророк хочет лишь сказать, что больше не будет правителей, управляющих справедливо, ибо Господь лишит их здравомыслия и разумения. Подобно тому, как в другом месте Бог угрожал ослеплением всему народу, так и здесь Он угрожает этим ослеплением его вождам. То есть, Бог хочет как бы лишит их зрения.

Но как бы то ни было, здесь возникает большая трудность. Ибо Исаия понимает слова «премудрость» и «благоразумие» в хорошем смысле. Павел же цитирует их в другом значении, словно Бог осуждает извращенную премудрость людей и отвергает их благоразумие, представляющее собой одну лишь суету. Соглашусь с тем, что подобное толкование общепринято, но, поскольку несомненно, что апостолы не извращали слова Святого Духа, я предпочту скорее отойти от общего мнения толкователей, нежели обвинить Павла во лжи. Ведь подлинный смысл пророческих слов также вполне соответствует цели апостола. Если даже самые мудрые становятся безумцами, когда Господь забирает у них здравомыслие, то как можно доверять обычной человеческой мудрости? Кроме того, коль скоро привычное мщение Божие – поражать слепотою тех, кто привержен собственному разуму и чрезмерно много мудрствует, нет ничего удивительного в том, если плотские люди, восстающие на Бога, чтобы подчинить Его вечную истину своей дерзости, становятся глупцами и изнемогают в собственных умствованиях.

Теперь понятно, сколь уместно пользуется Павел пророческим свидетельством. Исаия возвещает, что Бог отомстит людям, почитавшим Бога выдуманным ими самими способом, отомстит тем, что у их мудрецов исчезнет всяческая мудрость. Павел же уместно приводит данное свидетельство, желая доказать, что мудрость мира сего преходяща и ничего не стоит, поскольку превозносится над Богом.

20) *Где мудрец? Где книжник?* Этот выпад добавлен для дальнейшей иллюстрации свидетельства пророка. Вопреки общепринятому мнению Павел не цитирует здесь Исаию, но говорит от своего лица. Ибо место из Ис.33:18, на которое обычно указывают, не имеет ничего общего с обсуждаемым вопросом. Пророк обещает иудеям избавление от ига Сенахирима, и чтобы еще больше восхвалить благодеяние Божие, упоминает о том, сколь несчастны люди, угнетаемые чужевластием. По его словам, они терзаются постоянным беспокойством, думая о том, что над ними властвуют книжники, квесторы, сборщики налогов, люди, составляющие описи (descriptores turrium). Он говорит, что иудеи были стеснены подобными тяготами для того, чтобы само воспоминание о них вызывало у них благодарность за избавление. Итак, ложно мнение о том, что Павел цитирует здесь пророка.

Слово «век» надо присоединить не только к последнему слову, но и к двум предыдущим. Апостол зовет мудрецами века тех, кто мудрствует не по слову Божию, не от просвещения Святым Духом, но уповая на одну лишь мирскую прозорливость. Книжниками же здесь, как и в других местах, зовутся учителя. Ибо слово ספר на еврейском означает «рассказывать». Отсюда происходит существительное ספר, означающее книгу или свиток. סופרים называют образованных людей, опытных в книжном деле. По этой причине словосочетание sopher regis часто указывает на секретаря или канцлера. Греки же, последовав этимологии еврейского слова, перевели как γραμματεῖς.

Спорщиками апостол называет тех, кто выставляет напоказ свое остроумие, задавая тонкие, запутанные вопросы. Таким образом, Павел уничижает человеческий разум в целом, дабы он ничего не значил в Царствии Божиим. Его нападки на человеческую мудрость вполне обоснованны. Не поддается описанию, сколь трудно вырвать из людских душ превратное упование на плоть, дабы они не приписывали себе больше положенного. Ведь нетерпимо, когда люди судят о себе, даже отчасти полагаясь на собственную мудрость.

Не обратил ли Бог, и т.д. Под мудростью апостол понимает все, что способен постичь человек как своим природным разумом, так и с помощью опыта, обучения и знания разных искусств. Ведь мудрости мира апостол противопоставляет премудрость Духа. Посему, каким бы ни было разумение людей без просвещения от Святого Духа, все это включается в понятие «мудрости мира». И Бог, по словам апостола, обратил в безумие всю подобную мудрость, то есть – осудил ее в глупости. А это происходит двумя способами. Ведь всякое знание и разумение человека – чистая суета, если не опирается на истинную мудрость. Оно не более способно постичь духовное учение, чем глаз слепого – различать цвета. И

то, и другое следует прилежно обдумать. Первое: знание всех наук – лишь дым, если отсутствует небесное познание Иисуса Христа. Второе: человек, со всей своей пронизательностью, в постижении собственными силами тайн Божиих так же глуп, как и слушающий симфонию осел в ее понимании. Так обличается губительное заблуждение тех, кто хвалится мудростью мира, презирая Христа и все спасительное учение, думая будто они блаженны, если полагаются на творения; а также гордыня тех, кто, уповая на собственный разум, дерзает проникать за самую завесу небес.

Одновременно дается ответ на вопрос: почему всякое знание без Христа Павел повергает наземь и как бы попирает ногами, хотя ясно, что оно – главный дар Божий человеку в этом мире. Ибо что в человеке благороднее разума, коим он превосходит всех животных? Какого почитания заслуживают свободные искусства, воспитывающие человека и делающие его воистину человеческим! Кроме того, сколь многие и сколь великие плоды они приносят! Кто не станет самым возвышенным образом хвалить гражданское благоразумие, поддерживающее республики, княжества и царства? Не говорю уже обо всем остальном. Но ответ на заданный вопрос – в том, что Павел не осуждает полностью природную прозорливость человека или благоразумие, приобретенное из опыта, или образованность ума, происходящую от изучения наук. Он лишь утверждает, что все это ничего не значит по сравнению с небесной премудростью. Воистину безумен тот, кто, опираясь или на свою пронизательность, или на помощь наук, попытается достичь небес, то есть, захочет судить о непостижимых тайнах Царства Божия или домогаться их познания. Ибо они сокрыты от человеческого разумения. Итак, отметим: сказанное Павлом о мирской мудрости следует ограничивать рамками обсуждаемого им вопроса, а именно: то, что прилепляется к земному, никак не может постичь небесное. Верно то, что без Христа знание всего и вся – одна лишь суета, и что суете подвержен тот, кто, будучи обучен всему, не знает при этом Бога. Но верно и то, что прекрасные Божии дары, как-то: здравомыслие, остроумие, свободные искусства, знания языков, – подвергаются некой профанации, если ими пользуются нечестивые.

21. Ибо когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих. 22. Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; 23. а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие, 24. для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость; 25. потому что немудрое Божие премудрее человеков, и неможное Божие сильнее человеков.

(21. Ибо когда мир мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу глупостью проповеди спасти верующих. 22. Ибо и Иудеи требуют знамения, и Еллины ищут мудрости; 23. а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов глупость, 24. для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость; 25. потому что глупость Божия премудрее человеков, и неможное Божие сильнее человеков.)

21) *Ибо когда мир.* Было вполне законно и правильно, что человек с помощью врожденного ему света природы, созерцая премудрость Божию, явленную в Его делах, мог прийти к познанию Бога. Но, поскольку порядок этот был извращен человеческой порочностью, Бог, прежде чем дать нам спасительное наставление, хочет сделать нас глупыми в собственных глазах. Кроме того, вместо прозорливости Своей премудрости Он предлагает нам некое подобие глупости. И людская неблагодарность вполне заслужила такого извращенного порядка вещей. Премудростью Божией апостол называет всю картину мироздания, яркий образчик и ясное доказательство мудрости Творца. Итак, в созерцании человеком творений Бог показывает нам чудесное отражение Собственной премудрости, дабы всякий созерцающий мир и прочие дела Божии неизбежно восхитился всем этим, если обладает хотя бы искоркой здравого смысла. Если бы люди, наблюдая дела Божии, шли к истинному познанию Бога, они познали бы Творца премудро, или собственным природным разу-

мением. Но, поскольку явление премудрости Божий в творениях никак не помогло научению мира, Бог для наставления людей выбрал другой путь. Таким образом, в том, что мы достигаем спасительное познание Бога не раньше, чем отречемся от своего разума, следует винить нашу порочность.

Апостол делает уступку, называя Евангелие проповедью глупости. Именно таким его считают опьяненные ложным самоупованием *μωροσόφοις*, которые не боятся подвергать священную истину Божию своему глупому суду. Действительно, для человеческого разума нет ничего глупее, чем слышать о ставшем смертным Боге, о том, что жизнь стала подвержена смерти, что праведность облеклась в подобие греха, что благословение покорилося проклятию, – дабы люди посредством этого были искуплены от смерти и стали участниками блаженного бессмертия, чтобы они обрели жизнь, чтобы в них по упразднении греха воцарилась праведность, а смерть и проклятие уничтожились. Тем не менее, мы знаем, что Евангелие – тайная премудрость Божия, которая превышает самих небес и приводит в замешательство даже ангелов. Это – замечательное место, из которого явствует, насколько слеп человеческий разум, ничего не различающий даже при ярком свете. Верно, что этот мир подобен сцене, на которой Бог являет нам яркий образ Собственной славы. Но мы остаемся слепыми, когда перед нами разворачивается подобное зрелище, и не потому, что откровение Божие неясно, но потому, что мы чужды всякого разумения. Нам недостает не только воли, но и способности к разумению. Как бы ясно ни являлся перед нами Бог, мы можем узреть Его только очами веры. Разве что в нас возникает слабое ощущение Его божества, делающее нас неизвинительными.

И то, что Павел отрицает здесь познание Бога из созерцания творений, разумей в том смысле, что таким образом не достигается чистота познания. И, устраняя всякую ссылку на неведение, апостол говорит: все люди настолько преуспевают в школе природы, что испытывают какое-то ощущение божества. Но они не знают, каков Бог на деле. Больше того, они тут же изнемогают в собственных помышлениях, и свет как бы сияет для них во тьме. Из этого следует, что люди заблуждаются не столько из-за неведения, сколько из-за презрения, небрежения и неблагодарности. Дабы исполнилось сказанное: Бога знают все, но при этом не воздают Ему хвалу. С другой стороны, под водительством природы никто никогда не преуспел настолько, чтобы познать Бога. Если же кто в качестве возражения приведет в пример философов, отвечаю: в их лице мы видим самое яркое свидетельство нашей природной немощи. Ибо среди них нет никого, кто не уклонился бы от упомянутого мною принципа познания Бога к посторонним и ошибочным умствованиям. Ведь, по большей части, философы безумствуют паче выживших из ума старух. Сказанное апостолом о спасении верующих соответствует предыдущему положению о том, что Евангелие есть сила Божия ко спасению. И верующих, число которых невелико, апостол противопоставляет ослепшему и неразумному миру. Он говорит, что нас не должна смущать их малочисленность, поскольку Бог отделил их от мира для спасения.

22) *И Иудеи требуют знамения.* Эта фраза объясняет предыдущее положение. Апостол отвечает на вопрос, почему евангельская проповедь считается глупостью. Хотя он не только объясняет, но и усиливает свое утверждение, ибо говорит: мало того, что иудеи презирают Евангелие, они еще и гнушаются им. Они, по его словам, хотят иметь перед глазами свидетельство божественной силы. Греки же любят то, что связано с остроумием и этим льстит человеческому разуму. Но мы, – говорит Павел, – проповедуем Христа распятого, в Котором, на первый взгляд, одна лишь немощь и нелепость. Итак, для иудеев Христос служит соблазном, поскольку они смотрят на Христа, как на покинутого Богом. Для греков же возвещаемый в Евангелии способ искупления подобен басне. Под эллинами (на мой взгляд) апостол имеет в виду не просто язычников, но тех, кто облагорожен знанием свободных наук и отличается возвышенным умом. Хотя посредством синекдохи эта фраза охватывает и всех прочих язычников.

Между иудеями и эллинами апостол различает так: первые, набрасываясь на Христа из-за неразумной ревности к закону, в полном исступлении восстают на благовестие (что и делают обычно лицемеры, сражаясь за свои суеверия); греки же, надмеваясь своим высокоумием, презирают его как безумное.

Требование чудес иудеями Павел приписывает их порочности. Но не потому, что требование чудес само по себе – зло. Он имеет в виду связанное с этим нечестие. Ведь настойчиво прося у Бога совершать чудеса, иудеи неким образом подчиняют Его своим законам. Из-за грубости своего восприятия они с помощью явных знамений как бы желают потрогать Бога руками. И, пристрастившись к чудесам, они как бы цепенеют, переставая замечать что-либо другое. Наконец, они не довольствуются никаким количеством чудес и без конца жаждут все новых и новых. Ибо никто не порицает Езекию за то, что тот охотно позволил удостовериться себя с помощью чуда. Не осуждает Гедеона, попросившего двоякого знаменья. Скорее осуждают Ахаза, отказавшегося внять совершенному пророком чуду. Итак, чем же согрешили Иудеи, требуя чудес? Тем, что требовали их не для доброй цели, не соблюдали в своем желании умеренности и неправильно ими пользовались. Чудеса должны помогать вере, а иудеи желали их лишь для того, чтобы остаться в неверии. Не подобает предписывать Богу законы, а они давали полную свободу своим неумным желаниям. Чудеса должны направлять нас к познанию Христа и духовной благодати Божией, а для иудеев они, наоборот, служили препятствием. Именно по этим причинам их и порицает Христос. Превратное поколение требует чудес, – говорит Он в Мк.8:12. Ибо их любопытству и настойчивости не было предела. И всякий раз как они получали просимое, это не приносило им никакой пользы.

24) *Иудеев и Еллинов.* Такое разграничение показывает следующее: Христа принимают так плохо не по Его вине, и не потому, что таковой изначально была человеческая природа. Причина лежит в извращенности самих людей, лишенных божественного света. Избранным же Божиим, будь они иудеи или язычники, ничто не мешает прийти ко Христу, дабы обрести в Нем надежное спасение. *Силу* апостол противопоставляет соблазну, происходящему от уничиженности Христа, *премудрость* же противопоставляет глупости. Итог сказанного таков: я знаю, – говорит апостол, – что упорство иудеев может уступить лишь чудесам, а гордыню греков может ублажить только суетная мирская мудрость. Однако нам не следует обращать на это внимание. Поскольку, как бы наш Христос со Своим крестным смирением ни оскорблял иудеев и не был смешон для греков, для всех избранных, из какого бы народа они ни были, Он как сила Божия ко спасению преодолевает все соблазны, а как Его премудрость устраняет всякое самолюбование.

25) *Ибо немудрое Божие (Потому что глупость Божия).* Если кажется, что Господь ведет Себя с нами глупо и не выказывает Свою премудрость, то то, что нам представляется Его глупостью, все равно превосходит всякую людскую мудрость. И там, где кажется, что Бог, скрывая Свою силу, проявляет немощь, то, что представляется Его бессилием, все же сильнее всякой человеческой силы. Однако эти слова надо рассматривать как уступку. Ибо всякий понимает, сколь неуместно приписывать Богу глупость и немощь. Подобная ирония была необходима для обуздания безумного плотского превозношения, без всяких колебаний готового лишить Бога присущей Ему славы.

26. *Посмотрите, братья, кто вы, призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных; 27. но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; 28. и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, – 29. для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом. 30. От Него и вы во Христе Иисусе, Который сделался для нас премудростью от Бога, праведностью и освящением и искуплением, 31. чтобы было, как написано: хвалящийся хвались Господом.*

(26. Посмотрите, братия, на призвание ваше: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных; 27. но Бог избрал глупое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; 28. и незнатное мира и презренное и несуществующее избрал Бог, чтобы упразднить существующее, – 29. для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом. 30. От Него и вы существуете во Христе Иисусе, Который сделался для нас премудростью от Бога, праведностью и освящением и искуплением, 31. чтобы было, как написано: хвалящийся да хвалится Господом.)

26) *Посмотрите, братия.* Поскольку по-гречески наклонение глагола нельзя установить однозначно, а контексту больше подходит повелительное, чем изъявительное, пусть читатель выберет сам, что ему больше нравится. Смысл же в обоих случаях одинаковый: если выбрать вариант «вы видите», то апостол взывает к коринфянам как к свидетелям чего-то общеизвестного и как бы напоминает о том, что творится у всех перед глазами; если же выбрать вариант с повелительным наклонением, то Павел как бы пробуждает их ото сна и обращает их внимание на суть дела.

«Призвание» же можно понять в собирательном смысле как множество самих призванных. Смысл будет следующим: вы видите, каких людей Господь призвал из вашей среды. Но я скорее склонен думать, что Павел указывает здесь на причину призвания. Тогда эта фраза представляет из себя очень весомый довод. Ибо из нее следует, что, если коринфяне презирают смирение креста, они неким образом делают недействительным свое призвание. Ведь Бог призвал нас таким образом, чтобы полностью упразднить человеческую мудрость, силу и славу. Итак, апостол без слов обвиняет их в неблагодарности за то, что, забыв о благодати Божией и о самих себе, они гнушаются Евангелием Христовым.

Хотя здесь надо отметить два обстоятельства. Первое: примером коринфян апостол подтверждает истинность сказанного им ранее. Второе: он учит их, что, если они подумают о способе своего призвания Господом, то полностью отбросят всякую гордыню. Павел говорит о постыжении мудрых и благородных, об упразднении существующего. Причем и то, и другое вполне справедливо. Ведь мужество и мудрость исчезают там, где возникает стыд. Их сущность в этом случае полностью упраздняется. Говоря же об избрании нищих, глупых и незнатных, апостол имеет в виду, что Бог предпочел их великим, премудрым и благородным. Ведь для обуздания плотской гордыни было бы недостаточно, если бы Бог всех просто уравнил. Посему Он прошел мимо тех, кто казался выдающимся, дабы воистину поставить их на место.

Далее, глупым будет тот, кто выведет отсюда, будто хваление плотью упразднено Господом для того, чтобы лишить надежды на спасение великих и благородных. Некоторые глупые люди под этим предлогом не только набрасываются на знатных, словно на отвергнутых Господом, но и совершенно их презирают. Однако будем помнить: это было сказано коринфянам, которые, хотя и не слишком возвышались в этом мире, тем не менее, беспричинно собой надмевались. Итак, Бог, постыжая сильных, разумных и великих, тем самым не призывает гордиться немощных, невежественных и отверженных, но сразу и заодно смиряет их всех. Посему, презренные в глазах мира люди должны думать про себя так: какая же требуется скромность от нас, если даже прославленные в этом мире ничего не значат? Если затмевается свет солнца, то что станет со звездами? Если погаснут звезды, то что произойдет с тем, что само по себе лишено света? Сказано же это к тому, чтобы призванные Господом, будучи никчемны в глазах мира, не использовали слова Павла как повод для гордости, но, помня о его увещании (Рим. 11:20): ты стоишь верою, смотри: не возносись в душе, но бойся, – со страхом и смирением ходили перед Богом.

Впрочем, Павел не говорит здесь, что никто из знатных и сильных не призван Богом; он говорит, что призваны лишь немногие. И указывает на цель: Господь, предпочитая презренных великим, низвергает тем самым плотскую славу. Но Тот же Самый Бог устами Давида увещевает царей поклониться Христу (Пс.2:12). Устами же Павла Он возвещает

(1Тим.2:4) о том, что хочет, дабы все спаслись, и что Христос предложен всем: жалким и великим, царям и простым людям. И Бог Сам дает нам доказательство сказанного: сначала ко Христу призываются пастухи, но затем за ними следуют философы. Сначала высочайшую честь получают невежды рыбаки, но затем в их школу принимаются цари, советники, сенаторы и риторы.

28) *Ничего не значащее. (Не существующее).* Похожими словами апостол пользуется в Рим.4:17, но в другом смысле. Ибо там, описывая всеобщее призвание верующих, он говорит, что мы – ничто до своего призвания. И это следует понимать в отношении нашего истинного положения перед Богом, даже если в глазах людей мы и кажемся чем-то. Упомянутая же апостолом οὐδένεια должна относиться к мнению людей, что явствует из второй части предложения, где Павел говорит: дабы упразднилось существующее. Ибо чем-то значительным мы являемся только по внешнему виду, а сами по себе – воистину ничто. Итак, слово «существующее» толкуй как «кажущееся», дабы этот отрывок соответствовал изречениям: воздвигает от земли нищих, отверженных возвышает, – и им подобным. Отсюда явствует, сколь сильно безумствуют те, кто думает, будто избрание Божие предвзряют какие-то заслуги человека или его достоинства.

29) *Никакая плоть не хвалилась.* Хотя под словом «плоть» здесь, как и во многих местах Писания, разумеются все смертные, в этом отрывке оно несет особый оттенок. Говоря о людях презрительно, Дух Божий тем самым обуздывает их гордыню, как и в Ис.31:3: Египтянин – плоть, а не дух. Замечательное утверждение! Нам не остается ничего, чем бы мы могли хвалиться. В глазах мира многие на миг наслаждаются ложной славой, но она тут же исчезает подобно дыму. Впрочем, этими словами заграждаются уста всех смертных, когда они предстают пред Богом, согласно речению Аввакума (2:20): да молчит перед лицом Господним всякая плоть. Итак, все, что заслуживает какой-либо похвалы, следует возводить к одному лишь Богу.

30) *От Него и вы.* Дабы коринфяне не думали, будто что-то из сказанного их не касается, апостол теперь обращается непосредственно к ним. То, что коринфяне являются чем-то и что-то представляют из себя – происходит только от Бога. Поэтому ударение падает здесь на слово «существуете». Павел как бы говорит: начало ваше от Бога, Который призывает несуществующее, пройдя мимо того, что кажется существующим. Все же существование ваше основано на Христе, поэтому у вас нет причин для гордыни. Причем апостол говорит не только о творении, но и о духовной природе, к которой мы возрождаемся по благодати Божией.

Который сделался для нас. Поскольку многие, не желая открыто отходить от Бога, все же что-то ищут вне Иисуса Христа, словно Он не содержит в Себе все, апостол мимоходом говорит о том, какими и сколь многими сокровищами наделен Христос, и одновременно указывает, каким именно способом верующие существуют во Христе. Называя Христа нашей праведностью, апостол косвенно противопоставляет Его нам, в ком нет ничего кроме греха. Он хвалит Христа тремя фразами, выражающими всю Его силу и все обретаемые в Нем блага.

Во-первых, Павел говорит, что Христос *сделался для нас премудростью*. Этим он хочет сказать, что во Христе мы обретаем все совершенство премудрости. Ибо в Нем нам в полноте явился Небесный Отец, дабы мы не желали знать что-либо, кроме Христа. Похожее место мы находим в Кол.2:3: в Нем сокрыты все сокровища премудрости и знания, – о чем более подробно будет сказано в следующей главе.

Во-вторых, апостол говорит, что Христос стал для нас *праведностью*. Этим он хочет сказать, что Бог принимает нас ради Христа, поскольку Он своей смертью изгладил наши грехи, и послушание Его вменяется нам в праведность. Коль скоро праведность по вере состоит в отпущении грехов и незаслуженном принятии Богом, и то, и другое мы обретаем через Христа.

В-третьих, апостол говорит об *освящении*. Он имеет в виду следующее: мы, будучи скверными по природе, возрождаемся Духом Христовым к святости и служению Богу. Отсюда вывод: нельзя оправдаться даром только верой, не живя при этом свято. Ибо эти два вида благодати связаны между собой неразрывно. И тот, кто пытается их разделить, неким образом разделяет Самого Христа. Посему, желающий оправдаться незаслуженной благодатью Божией через Христа пусть подумает о том, что он может сделать это, лишь приняв Христа, в том числе и ради собственного освящения; то есть, чтобы возродиться Его Духом к невинной и чистой жизни. Тех же, кто клеветает на нас, будто мы, проповедуя незаслуженную праведность по вере, отваживаем людей от добрых дел, достаточно опровергают слова апостола. Ибо вера включает в себя возрождение во Христе не меньше, чем прощение грехов. С другой стороны, эти два служения Иисуса Христа соединены так, что одновременно остаются различимыми. Итак, не подобает смешивать то, что явно разграничивает Павел.

В-четвертых, Он учит, что Христос дан нам ради *искупления*. Апостол имеет в виду, что благодеяние Христово избавляет нас как от всякого рабства греху, так и от происходящего из этого несчастья. Таким образом, искупление есть первый дар Христа, потому что оно начинается в нас, и последний, потому что оно же достигает в нас совершенства. Начало спасения в том, что нас извлекают из лабиринта греха и смерти. Между тем, мы, желая искупления, воздыхаем вплоть до дня всеобщего воскресения, как сказано в Рим.8:26. Если же спросить о способе, которым Христос дан нам ради искупления, отвечаю: Христос искупил нас тем, что отдал Себя в качестве цены искупления.

Наконец, будем же искать во Христе не половину или часть всех перечисленных выше благ, а всю их полноту. Ибо Павел не говорит, что Христос дан нам как восполнение или вспомоществование в праведности, святости, премудрости или искуплении, но уверенно приписывает Ему полную действенность всего вышеперечисленного. Поскольку же в Писании едва ли какое другое место точнее описывает все виды служения Христова, из этого отрывка прекрасно уразумевается сила и природа веры. Поскольку собственным объектом веры является Христос, всякий знающий, каковы ниспосланные нам благодеяния Христовы, также научен тому, что представляет собой вера.

31) *Хвелящийся*. Вот цель, ради которой Бог во Христе дарует нам все. А именно: чтобы мы не присваивали что-либо себе, но все приписывали Богу. Бог лишает нас всего, но не для того, чтобы оставить голыми. Ибо затем Он Сам облекает нас в Собственную славу, но с тем лишь условием, чтобы мы, желая хвалиться, хвалились тем, что находится вне нас. Итог таков: пусть человек, ставший в собственных глазах ничем, и признавая, что благо заключено в одном лишь Боге, оставив стремление к собственной славе, желает только возвеличивания славы Божией. И это еще яснее видно из слов пророка, у которого Павел позаимствовал данное свидетельство. Ибо у пророка Господь, отказав всем смертным в мужестве, мудрости и похвале богатством, велит им хвалиться только познанием Самого Себя. Он хочет, чтобы, познав Его, мы одновременно усвоили, что именно Он творит суд, справедливость и милость. Ибо такое познание рождает в нас и упование на Него, и страх перед Ним. Итак, всякий имеющий подобный душевный настрой ничего не приписывает самому себе, желает возвышения одного лишь Господа, полагается на Его благодать, видит в Его отеческой любви все свое счастье, и, наконец, довольствуясь одним лишь Богом, воистину Им одним и хвалится. Говорю «воистину», потому что и лицемеры ложно хвалятся Господом (как свидетельствует Павел в Рим.2:17), когда, надмеваясь Его дарами или превозносясь в нечестивом плотском самоуповании, или злоупотребляя Его Словом, тем не менее, прикрываются Его именем.

1. И когда я приходил к вам, братия, приходил возвещать вам свидетельство Божие не в превосходстве слова или мудрости, 2. ибо я рассудил быть у вас незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого,

(1. И когда я приходил к вам, братия, приходил не в превосходстве слова или мудрости, возвещая вам свидетельство Божие. 2. ибо я не счел великим знать у вас что-либо, кроме Иисуса Христа, и притом распятого,)

1) И когда. Сначала Павел говорил о том, каким именно образом он преподавал людям учение. Затем он быстро переходит к природе евангельской проповеди. Теперь же апостол возвращается к своей личности, показывая: все, что в нем презирают люди, относится к самой сути Евангелия и неразрывно с ним связано. Итак, он делает уступку противникам и говорит, что у него нет человеческого красноречия или человеческой мудрости, с помощью которых он мог бы чего-нибудь добиться. Но, признавая отсутствие у себя этих качеств, апостол еще ярче демонстрирует в своем служении силу Божию, не нуждающуюся в подобных вспомоществованиях. Однако все это апостол добавляет несколько позже. Сейчас же он уступает в том, что у него нет человеческой мудрости, заявляя при этом, что он все же возвестил свидетельство Божие.

Хотя свидетельство Божие некоторые переводчики понимают в пассивном смысле, не сомневаюсь, что контексту больше подходит другой, активный смысл. Свидетельство Божие – это то, что исходит от Бога, то есть, евангельское учение, автор и свидетель которого – Сам Бог. Λόγον апостол отличает ἀπὸ τῆς σοφίας, и это подтверждает мою мысль о том, что Павел говорил не только о пустой болтовне, но и обо всем человеческом учении.

2) Ибо я рассудил (Ибо я не счел великим) Поскольку κρίνειν по-гречески часто означает ἐκλέγειν, то есть, отделять что-то как ценное, думаю,⁸ никто из здравомыслящих не станет оспаривать мой вероятный, вполне соответствующий синтаксису перевод. Однако, если перевести: «я не ценил никакого знания», в этом также не будет ничего натянутого. Если же сюда кое-что добавить, предложение станет вполне гладким: я не счел великими мое знание или благодать моего знания. Хотя я не полностью отвергаю и другой перевод, в котором Павел утверждает, что кроме Христа ничего не считает знанием или за знание. В этом случае здесь, как и во многих других местах, подразумевается греческий предлог ἄντι. Впрочем, одобрить ли первый вариант или второй, итог будет следующим: у меня нет словесных прикрас, нет и утонченного красноречия, и поэтому я не произвожу впечатления, но скорее вызываю к себе презрение. Ведь ценно для меня только одно: возвещать в простоте Иисуса Христа.

Слово же «распятого» апостол добавил не в том смысле, что проповедует один только крест Христов. Он имел в виду, что провозглашает Христа вместе с Его крестным смирением. Павел как бы говорит: поношение креста не заставит меня отвергнуть Того, от Кого исходит спасение. Я не постыжусь заключить в Нем всю мою премудрость, в Том, Кого гордые люди презирают и отвергают из-за позора Его креста. Посему речь апостола следует понимать так: никакое знание не ценно для меня настолько, чтобы я желал знать что-либо, кроме Христа, пусть и распятого. И слово «распятого» как бы усиливает смысл, выставляя на позор надменных учителей, чуть ли не презиравших Христа и пытавшихся возвести слушателям какую-то более возвышенную мудрость, дабы снискать у них благоволение. Замечательное место, из которого мы узнаем, чему должны учиться добросовестные служители, чему нам следует учиться всю жизнь, и что кроме этого знания все остальное надо почитать за сор.

3. и был я у вас в немощи и в страхе и в великом трепете. 4. И слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы, 5. чтобы вера ваша утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божией.

⁸ Кое-кто не согласится с приведенным мною переводом. Итак апостол хочет сказать следующее:

(3. и был я у вас в немощи и в страхе и в великом трепете. 4. И слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в доказательстве Духа и силы, 5. чтобы вера ваша утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божией.)

3) *И я был у вас в немощи.* Апостол подробно излагает уже высказанную ранее мысль: в глазах людей в нем не было ничего яркого или выдающегося. Так он обращает к своей похвале то, чем его противники думали принизить его служение. Казалось, что апостол, будучи презренным и жалким по плоти, не заслуживает большого уважения. Но Павел показывает: сила Божия еще ярче сияет в том, что он смог столько сделать без каких-либо человеческих вспомоществований. Апостол имеет в виду не только мошенников, которые для приобретения себе имени заботились лишь о внешнем виде, но и самих коринфян, которых восхищала эта пустая помпа. Итак, его слова должны были произвести на них глубокое впечатление. Коринфяне знали, что у Павла не было ничего, что могло бы вызывать к нему уважение по плоти или внушать благоволение людей. И все же они видели чудесный успех, который Господь даровал его проповеди, и даже неким образом распознавали силу Святого Духа в его учении. Итак, поскольку они, презрев простоту апостола, горели желанием незнамо какой более напыщенной и яркой мудрости и больше дивились внешнему блеску и искусственным прикрасам, нежели живому Духу, разве они не достаточно показали тем свое тщеславие? Значит, Павел справедливо напоминает им о своем первом приходе, дабы коринфяне не отвратились от силы Божией, которую однажды на себе испытали.

Слово «немощь» здесь и ниже означает все, что принижает достоинство и отвращает благоволение других. «Страх» же и «трепет» суть следствия этой немощи. Хотя эти два слова можно толковать двояко. Или так, что, размыслив о величии своего служения, апостол исполняет его с трепетом и огромным усердием; или так, что, будучи окружен многими опасностями, он находился в постоянном страхе и озабоченности. И то, и другое вполне соответствует контексту. Но второе толкование (на мой взгляд) проще. Рабам Господним подобает скромность, дабы они, осознавая свою немощь, и, с другой стороны, принимая на себя столь сложное и выдающееся служение, исполняли его почтительно и со страхом. Ибо ведущие себя надменно и самоуверенно или исполняющие служение так, словно оно им по плечу, не знают ни самих себя, ни саму суть служения Слова. Но поскольку Павел соединяет здесь немощь со страхом, и немощью обозначает все, что может вызвать к человеку презрение, отсюда вытекает, что страх связан здесь с опасностями и трудностями. Несомненно, что имеется в виду именно этот страх, который, как показало дело, все же не помешал Павлу исполнить вверенное от Господа служение. Рабы Господни не настолько бесчувственны, чтобы не видеть угрожающие им опасности, и не настолько тверды, чтобы из-за них не волноваться. Причем, им следует страшиться, прежде всего, по двум причинам. Первая: чтобы научиться, отчаявшись в себе, полагаться и надеяться на одного лишь Бога. Вторая: чтобы научиться истинному отречению от себя. Итак, Павел не был лишен чувства страха, но управлял им так, что бестрепетно шел навстречу опасностям, дабы с непобедимым постоянством и мужеством отразить все нападки мира и сатаны, преодолевая все невзгоды.

4) *И проповедь моя не в убедительных.* Апостол называет убедительными словами человеческой мудрости изящное красноречие, больше опирающееся на искусственность, нежели на истину, а также некоторую утонченность, привлекающую людские сердца. Он справедливо приписывает человеческой мудрости τὸ πιθανόν. Ибо Слово Господне величием своим, словно неодолимой силой, вынуждает нас к послушанию. Человеческая же мудрость выставляет перед нами приманку, внушающую к ней благоволение, и своими прикрасами заставляет других себя слушать. Всему этому апостол противопоставляет *доказательство Духа и силы*, которое многие относят лишь к чудесам, а я понимаю шире. А именно: как десницу Божию, могущественно и многообразно явившую себя через апостола. Дух же и сила означают либо духовную силу καθ' ὑπαλλαγήν, либо знамения и воздействия, которые

Дух выказал в его служении. Апостол вполне уместно использует слово ἀποδείξω, или доказательство. Ибо, думая о делах Божиих, в которых используются тварные орудия, мы проявляем редкое тупоумие, и сила этих дел как бы закрыта от нас покрывалом. В служении же Павла, не использовавшего никакие вспомоществования плоти и мира, десница Божия проявила себя как бы в открытую, и сила ее воистину была более зрима.

5) *Чтобы вера ваша утверждалась.* «Утверждаться» означает здесь – основываться. Апостол хочет сказать следующее: коринфянам повезло, что он проповедовал им Христа, опираясь не на человеческую мудрость, а только на силу Духа, дабы их вера основывалась не на людях, а на Боге. Если бы проповедь апостола опиралась только на силу его красноречия, ее могло бы ниспровергнуть еще большее красноречие. Кроме того, никакая надежная истина не опирается на красоту речи. Красноречие может ей помочь, но не должно служить ей опорой. И, несомненно, самой действенной является проповедь, лишенная всех вспомоществований красноречия и состоятельная сама по себе. Посему великая похвала проповеди Павла в том, что в ней воссияла небесная сила, и она смогла преодолеть столько препятствий без какой-либо мирской помощи. Итак, коринфяне не должны позволить увести себя от учения Павла, зная, что оно опирается на силу Божию. Впрочем, Павел, говоря здесь о вере коринфян, высказывает общее положение. Поэтому, будем знать: неотъемлемое свойство веры – полагаться на одного лишь Бога и не зависеть от людей. Уверенность ее должна быть таковой, чтобы не падать от любых ухищрений ада, но стоять прочно, выдерживая все нападки и наскоки. А это возможно лишь тогда, когда мы убедимся в том, что с нами разговаривает Бог, и что уверовали мы вовсе не в человеческие домыслы. Хотя в собственном смысле вера опирается только на Слово Божие, вполне уместно указывается и другая ее опора: верующие должны признать, что услышанное слово дано от Бога, исходя из действия в нем силы Божией.

6. Мудрость же мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего и не властей века сего преходящих, 7. но проповедуем премудрость Божию, тайную сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей, 8. которой никто из властей века сего не познал; ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы. 9. Но, как написано: не видел того глаз, ни слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его.

(6. Мудрость же мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего и не властей века сего упраздняющихся, 7. но проповедуем премудрость Божию в тайне, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей, 8. которой никто из властей века сего не познал; ибо если бы познали, никогда не распяли бы Господа славы. 9. Но, как написано: не видел того глаз, ни слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его.)

6) *Мудрость же мы проповедуем.* Дабы не показалось, будто апостол презирает мудрость, подобно тому, как неучи или невежды с варварской дикостью гнушаются знания, Павел добавляет, что у него есть истинная премудрость, но та, которую оценят лишь подходящие судьи. Он называет «совершенными» не тех, кто достиг полной и совершенной мудрости, а тех, кто обладает здравым суждением. Ведь **σφ**, всегда переводимое греческими переводчиками как τέλειος, означает «целокупный». Попутно апостол порицает тех, кому не понравилась его проповедь, замечая, что это произошло по их вине. Он как бы говорит: если кому не нравится мое учение, это достаточно свидетельствует об извращенности и порочности его ума. Ибо искренние и здравомыслящие люди всегда признают в нем наивысшую мудрость. Хотя проповедь Павла была известна всем, не все ценили ее по заслугам. В этом причина, по которой апостол взывает к здравым и целомудренным судьям, которые назвали бы его неразумное для мира учение истинной мудростью. Между тем, словом «проповедовать» он указывает, что действительно выставил перед ними образец чудесной мудрости, дабы никто не отверг ее как нечто неизвестное.

Мудрость не века сего. Апостол повторяет сказанное ранее: его Евангелие – не человеческая мудрость, дабы никто не возразил, сказав, что у его учения мало сторонников, и многие великие люди его даже отвергают. Итак, апостол охотно признает возможность возражений, но при этом утверждает, что они никак ему не вредят.

Властей века сего. Властями века сего апостол называет тех, кто выделяется каким-либо мирским преимуществом. Порою люди, не обладающие остротой ума, все же вызывают восхищение у других из-за достоинства своей личности. Однако, дабы нас не пугало внешнее величие, апостол добавляет, что эти власти упраздняются или погибают. Ибо вечному не подобает зависеть от авторитета преходящего и тленного, не способного обеспечить даже собственное существование. Павел как бы говорит: когда открывается Царство Божие, увядает премудрость мира, и тленное уступает вечному. У властей мира сего есть свое превосходство, но оно исчезает в один миг. Но тогда что общего у этого превосходства с небесным и нетленным Царством Божиим?

7) *Премудрость Божию, тайную (в тайне).* Апостол приводит причину, по которой власти века сего не ценят евангельское учение. Ведь оно объято тайной, и посему остается для них сокрытым. Евангелие настолько превосходит способности человеческого разума, что как бы ни устремляли ввысь свой взор те, кто считается умнее других, им никогда не постичь его возвышенности. Между тем, они презирают его смирение, словно оно как нечто отверженное валяется у них под ногами. Таким образом, чем горделивее они его презирают, тем дальше⁹ отстоят от его познания. Больше того, эта отдаленность мешает им даже его созерцать.

Которую предназначил Бог. Поскольку ранее Павел сказал, что Евангелие – нечто тайное, верующие, испугавшись его недоступности, могли отказаться его слушать и пасть духом. Поэтому апостол предупреждает подобную опасность и возвещает, что Евангелие, тем не менее, предназначено нам, дабы мы им пользовались. И чтобы никто не счел, что тайная мудрость его не касается, не посчитал напрасным обращать к ней свой взор, как к не постижимой для человеческого разума, апостол учит, что учение это сообщено нам по вечному совету Божию. Хотя Павел имеет в виду и нечто более возвышенное. Ибо путем косвенного сравнения он подчеркивает величие благодати, данной нам после пришествия Христова, которая возвысила нас над отцами, жившими под законом. Об этом предмете мы много говорили в конце толкования на последнюю главу Послания к Римлянам. Довод апостола основан, во-первых, на божественном установлении. Ведь если Бог ничего не поставляет напрасно, отсюда следует, что мы не напрасно слушаем Евангелие, которое Он нам предназначил. Ибо Бог, разговаривая с нами, приспособляется к нашему восприятию. Сюда же относится сказанное Исаией (45:19): Я говорил не в пещерах, не в темных местах; Я не напрасно говорил семени Иакова; ищите Меня. Кроме того, дабы вызвать к Евангелию приязнь и внушить нам желание его слушать, апостол ссылается также на его цель, а именно: Бог дал нам Евангелие ради нашей славы. Этими словами Павел, кажется, сравнивает нас с отцами, которых Небесный Отец не удостоил подобной чести, отложенной Им до пришествия Его Сына.

8) *Никто из властей ... не познал.* Если апостол имеет в виду, что они не познали собственным умом, то он сказал о них лишь то, что относится ко всем обычным людям. Ведь как люди, будь они хоть учеными, хоть невеждами, могут познать столь великую мудрость? Но можно сказать, что более всех других здесь осуждаются в слепоте и невежестве власти, поскольку только они кажутся людям умными и способными видеть. Хотя я предпочел бы понимать сказанное проще: в соответствии с обычным словоупотреблением Писания, которое зовет всегда бывающим то, что случается *ἐπὶ τὸ πᾶν*, то есть – часто, и наоборот, никогда не бывающим случающееся *ἐπὶ τὸ ἕλαττον*, то есть – редко. В этом смысле

⁹ Удаленнее

вполне возможно, что среди властей найдутся некоторые выдающиеся и достойные паче прочих мужи, одновременно правильно знающие Бога.

Ибо если бы познали. Премудрость Божия с очевидностью воссияла во Христе, однако власти не познали ее в Нем. Ведь в распятии Христовом с одной стороны возобладали иудейские начальники, отличавшиеся мнимой святостью и ложной мудростью, с другой же – Пилат и Римская Империя. Вот – ясное свидетельство слепоты всех, кто мыслит по плоти. Но довод апостола мог бы показаться слабым. Кто-то возразил бы, сказав: и что же? Разве мы не видим ежедневно тех, кто осознанно и злобно нападает на уже познанную ими истину Божию? Если же бунт и не виден явно, что же еще значит грех против Святого Духа, если не добровольное упорство против Бога, когда человек, сознательно и с желанием, не только отвергает его Слово, но и нападает на него? И почему Христос говорил о том, что фарисеи и им подобные Его знали, тем самым, лишив их возможности сослаться на неведение? Ведь Он обвинил их в жестокости и нечестии, поскольку они без причины преследовали Его, верного служителя Отца, только потому, что ненавидели истину.

Отвечаю: неведение бывает двояким. Одно происходит от неразумного рвения. Такое неведение отвергает доброе не просто так, но потому что считает его злом, хотя совесть всякого грешащего неведением виновна перед Богом, поскольку к неведению всегда примешано лицемерие, гордыня, или презрение. Однако порой здравомыслие и всякое разумение настолько подавлены в человеческом разуме, что в нем проявляется одно лишь неведение. Причем, он невежествен не только для других, но и для самого себя. Таков был Павел, прежде чем его просветил Бог. Ибо он ненавидел Христа и восставал на Его учение потому, что сам, того не зная, был увлечен порочной законнической ревностью. Он не был свободен от лицемерия или чист от гордыни, не имел перед Богом каких-либо оправданий. Но все эти пороки затмевало собой такое неведение, что Павел даже не обращал на них внимания или вовсе не чувствовал их.

Вторая разновидность неведения больше похожа на безумие. Ведь добровольно восстающие на Бога подобны безумцам, которые и, видя, не могут узреть. Надо решительно заявить, что всякое неверие слепо. Но между разными его видами та разница, что порой слепота побеждает злобу, и человек, подобно глупцу, лишается всякого ощущения зла (это происходит с теми, которые благими намерениями, то есть, собственными глупыми домыслами, обманывают самих себя), а порой преобладает сама злоба, так что человек в каком-то безумии влечется к преступлениям даже вопреки голосу совести. Посему не удивительны слова Павла о том, что власти века сего не распяли бы Христа, если бы познали премудрость Божию. Ведь книжники и фарисеи не настолько познали истинность Христова учения, чтобы оставить свое безумие и перестать блуждать впотьмах.

9) *Как написано: не видел того глаз.* Все согласны с тем, что данное место заимствовано из Ис.64:3. Поскольку на первый взгляд смысл прост и ясен, толкователи мало им себя утруждают. Но, если копнуть поглубже, возникнут две трудности. Первая: слова пророка не совпадают с приведенным апостолом текстом. Вторая: кажется, что Павел использует свидетельство пророка вовсе не с той целью, с которой его приводит сам пророк.

Сначала скажем о самих процитированных словах: поскольку они двусмысленны, разные переводчики переводят их по-разному. Некоторые дают следующий вариант: от века не слышали, не восприняли ушами, глаз не видел Бога, кроме Тебя, делающего такое ожидающему Тебя. Другие понимают так, что речь здесь обращена к Богу: не видел глаз, не слышало ухо, о Боже, кроме Тебя, что делаешь Ты ожидающим Тебя. Пророк же дословно говорит следующее: от века не слышали, не восприняли ушами, глаз не видел Бога (или, Бог), кроме Тебя, сделает (или приготовит) ожидающему Тебя. Если **אלהים** прочесть в винительном падеже, то надо подразумевать отсутствующее здесь местоимение «который». И на первый взгляд кажется, что контексту больше подходит именно такое толкование, поскольку последующий глагол употреблен в третьем лице. Но это толкование отстоит от

смысла, вложенного в отрывок Павлом, которому следует доверять больше, чем любым разумным соображениям. Ибо существует ли какой более надежный и верный толкователь этих слов, нежели Дух Божий, Который и надиктовал их Исаии, и истолковал устами Павла? Однако, чтобы отвести всякую нечестивую клевету, скажу так: особенность еврейского языка позволяет допускать и такой подлинный смысл: о, Боже, глаз не видел, ухо не слышало, но Ты один знаешь, что делаешь Ты обычно ожидающим Тебя. И этому толкованию не мешает неожиданное изменение грамматического лица. Как известно, оно встречается у пророков довольно часто, так что на этом даже не следует останавливаться. Если же кому больше понравится первый смысл, у него нет оснований обвинять нас или апостола, будто мы отошли от простоты пророческих слов. Ведь мы делаем гораздо меньше допущений, чем подобный толкователь, вынужденный понимать глагол «делать» в переносном смысле.

Сказанное же после «не приходило то на сердце человеку» хотя и не содержится в словах пророка, означает то же, что и фраза «кроме Тебя». Поскольку пророк приписывает подобное знание одному лишь Богу, он отказывает в нем не только человеческим чувствам, но и человеческому разуму. Итак, хотя Исаия говорит только о зрении и слухе, он неявным образом имеет в виду все способности души. Действительно, глаза и уши – два органа, коими мы воспринимаем то, что затем познает наш разум. Используя причастие «любящим», апостол последовал грекам, которые, переведя подобным образом, ошиблись в одной букве. Но поскольку это никак не связано с обсуждаемой темой, Павел не захотел вносить никаких изменений. Известно, что апостол повсеместно уступал принятому чтению. Посему, какая бы разница ни была в словах, не возникает никакого противоречия в смысле.

Теперь перейдем к самой сути. Пророк, упоминая о том, сколь щедро Бог одаривал Свой народ во время нужды, говорит, что величие Его благоденствий непостижимо для человеческого разума. Но – скажет кто-то, – какое отношение имеет это к духовному учению и к обетованиям вечной жизни, о которых рассуждает Павел? Ответить на данный вопрос можно трояко. Вовсе не глупо сказать, что пророк, упоминая о земных благословениях, под этим предлогом высказывает общее утверждение о духовном блаженстве, хранящемся для верующих на небесах. Но я предпочел бы понимать сказанное проще, относя его к благодати Божией, ежедневно подаваемой верующим. В таких вопросах всегда надо смотреть на причину, а не на внешние обстоятельства. Причиной же является благость Божия, по которой Он принимает нас в число Своих детей. Итак, кто захочет правильно понять сказанное, не станет думать об одних лишь словах, но, словно в одежду облекшись в отеческую любовь Божию, направит свою мысль от временных даров к вечной жизни. Можно сказать и так: довод здесь исходит от меньшего к большему. Ведь, если человеческий разум не постигает и не может измерить благодать Божию, относящуюся к земному, то сколь трудно ему достичь высоты самих небес? Но я уже сказал, какой вариант перевода нравится мне больше.

10. А нам Бог открыл это Духом Своим; ибо Дух все проникает, и глубины Божии. 11. Ибо кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божиего никто не знает, кроме Духа Божия. 12. Но мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога, 13. что и возвещаем не от человеческой мудрости изученными словами, но изученными от Духа Святаго, соображая духовное с духовным.

(10. А нам Бог открыл это Духом Своим; ибо Дух все исследует, даже глубины Божии. 11. Ибо кто из человеков знает относящееся к нему, кроме духа человеческого, пребывающего в нем? Так и Божиего никто не знает, кроме Духа Божия. 12. Но мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Христа, 13. что и возвещаем учеными словами не человеческой мудрости, но Духа Святаго, приспособивая духовное к духовному.)

10) *А нам Бог открыл.* Ранее сделав вывод о слепоте всех людей, и отказав человеческому разуму в возможности самостоятельно приходить к Богу, апостол теперь показывает, сколь далеки от этой слепоты верующие, поскольку Господь удостоил их особого просвещения Духом. Посему, чем более туп человеческий разум в разумении тайн Божиих, тем больше его неуверенность, и тем увереннее наша вера, опирающаяся на откровение Духа Божия. И в этом мы познаем безмерную благодать Бога, пользующегося нашим пороком для нашего же блага.

Дух же все пронизывает (исследует). Это добавлено для утешения благочестивых, дабы они спокойнее полагались на откровение, получаемое ими от Духа Божия. Апостол как бы говорит: нам вполне достаточно свидетельства Духа Божия, ибо в Боге нет такой глубины, которую бы Он не пронизал. Именно это и означает здесь слово «исследовать». Под глубиной же разумей не тайные суды, допытываться о которых нам запрещено, а все спасительное учение, которое напрасно излагалось бы в Писании, если бы Бог Духом Своим не возвысил наш разум до его понимания.

11) *Ибо кто из человеков.* Здесь апостол преподает нам два урока: евангельское учение можно постичь не иначе, как свидетельством Святого Духа; и наоборот, имеющие это свидетельство, уверены в нем столь же твердо и незыблемо, как если бы осязали своими руками то, во что веруют. Ведь Дух – надежный, находящийся вне всяких подозрений свидетель. Апостол доказывает это через сравнение с нашим духом. Ибо каждый человек осознает собственные помышления. Другой же не ведает о том, что сокрыто в его сердце. Значит, каков совет Божий и какова Его воля, сокрыто от всех людей. Ибо кто был советником Богу? Посему знание всего этого недоступно для людей. Но если к нему нас приведет Сам Божественный Дух, то есть, удостоверит нас в том, что иначе было бы сокрыто от нашего разума, не будет больше повода для колебаний. Ибо от Духа Божия не ускользает ничего из того, что находится в Боге.

Впрочем, кажется, что это сравнение не вполне неуместно. Ведь язык, будучи как бы отпечатком мысли, есть средство, с помощью которого люди сообщают друг другу свои чувствования. Так что с его помощью одни могут разумеать помышления других. Почему же тогда волю Божию нельзя постичь из Его же Слова? Потому что люди, притворяясь и обманывая, часто скорее скрывают свои помышления, нежели сообщают их другим. Но это никак не относится к Богу, слово Которого – надежная истина, подлинный и живой Его образ. Но подумаем о том, насколько далеко простирает Павел свое уподобление. Внутреннее помышление человека, неизвестное для других, ясно только для него одного. Если же потом он расскажет о нем другим, это не мешает его духу быть единственным свидетелем того, что находится в нем. Ведь он может и не убедить других в своей правдивости, может и не вполне удачно выразить свои мысли. Если же и в том, и в другом ему будет сопутствовать успех, это никак не противоречит тому, что человека познает правильно только его собственный дух. Но между мыслями Бога и помышлениями людей то различие, что люди понимают друг друга взаимно, Слово же Божие есть некое тайное знание, до высоты которого невозможно подняться немощи человеческого ума. Таким образом, свет продолжает светить во тьме, доколе Дух не откроет очи слепых.

Духа человеческого. Отметь, что здесь дух человеческий означает душу, в которой, как говорится, заключается сила разума. Ибо Павел выразился бы неточно, если бы сказал, что знает человеческий разум, то есть, сама познавательная способность, а не душа, этой способностью наделенная.

12) *Но мы приняли не духа мира сего.* Путем сравнения противоположностей апостол еще больше подчеркивает упомянутую им уверенность. По его словам, принятый нами Дух божественного откровения не принадлежит миру. Он не ползает по земле, не подвержен суете, не двусмыслен, не изменчив, не держит нас в сомнениях и неопределенности, но исходит от Бога, и посему, будучи превыше всех небес, возвещает надежную и неизмен-

ную истину, исключая любые сомнения. Это место весьма наглядно опровергает дьявольскую догму софистов о постоянном колебании верующих. Они велят всем верующим сомневаться в том, находятся ли они в состоянии благодати, и допускают лишь такое спасительное упование, которое зависит от морального или вероятного предположения. И здесь они извращают веру двояко. Они хотят, чтобы мы сомневались по поводу состояния благодати, и одновременно навязывают еще одно сомнение в конечной стойкости. Апостол же утверждает, что избранным дарован Святой Дух, из свидетельства Которого они знают о своем усыновлении и надеются на вечную жизнь. Действительно, если паписты хотят утвердить свою догму, то им надо либо лишить избранных Божественного Духа, либо приписать неуверенность Самому Духу Божию. Но и то, и другое откровенно противоречит учению Павла. Итак, пойдем, в чем же состоит природа веры: в том, чтобы совесть имела от Духа Святого надежное свидетельство божественного к себе благоволения, опираясь на которое она не усомнится называть Бога своим Отцом. Таким образом, Павел возвышает нашу веру над миром, дабы она свысока смотрела на всякую плотскую гордыню. Иначе вера будет постоянно дрожать и колебаться. Ведь известно, сколь дерзко надмевается человеческий разум, гордыню которого дети Божии должны мужественно побеждать противоположной гордостью веры.

Чтобы знать дарованное нам. Слово «знать» использовано здесь для того, чтобы еще больше подчеркнуть надежность нашего упования. Но отметим: знание этого не достигается природным путем, не связано со способностями нашего разума, а полностью зависит от откровения Духа. Упомянутые апостолом Христовы дары есть благодеяния, обретаемые нами от Его смерти и воскресения. А именно: мы знаем о том, что усыновлены в надежде на вечную жизнь, примирившись с Богом и получив отпущение грехов, что делаемся новым творением, освятившись Духом возрождения, для того чтобы жить для Бога. О том же самом говорит Павел в Еф.1:18: дабы вы знали, какова надежда призвания вашего.

13) *Возвещаем не от человеческой, и т.д. (Возвещаем учеными словами не человеческой).* Павел говорит о самом себе. Он продолжает восхвалять собственное служение. Замечательная же похвала его проповеди заключается в том, что, по словам Павла, в ней содержится таинственное откровение самого важного: учения Святого Духа, сути нашего спасения и бесценных сокровищ Христовых. Так что коринфяне должны знать его истинную цену. Между тем, апостол возвращается к своей прежней уступке: проповедь его не украшена красноречием, не отличается изяществом, но довольствуется одним лишь учением Святого Духа. Учеными словами человеческой мудрости апостол называет слова, говорящие о человеческой учености, составленные по правилам риторского искусства и наполненные философскими изысками, дабы вызывать у слушателей восхищение. Учеными же словами Духа – слова, отличающиеся искренностью и простотою, достойной величия Духа Божия, а не пустыми прикрасами. Ведь, прибегая к помощи красноречия, надо всегда остерегаться осквернить премудрость Божию излишним мирским блеском. В учении же Павла сияла одна лишь сила Духа без каких-либо внешних вспомоществований.

Духовное с духовным (духовное к духовному). **Συκρίεσθαι**, без сомнения, означает здесь «приспосабливать». Ибо, если судить по приведенным в книге Будея цитатам из Аристотеля, иногда это слово имеет подобное значение. Отсюда **σύκριμα** означает привитое или присовокупленное. И этот смысл больше подходит контексту, чем перевод других: «сравнивать» или «сообразовывать». Итак, апостол утверждает, что приспособливает духовное к духовному, прилаживая слова к тому, что они означают, то есть, облакает небесную премудрость в простую речь, ясно выражающую присущую Святому Духу действительность. Между тем, он упрекает других проповедников, вызывающих благоволение слушателей импозантным изяществом слов и показной утонченностью, как лишенных надежной истины или искажающих духовное учение Божие недостойной помпой.

14. Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно. 15. Но духовный судит о всем, а о нем судить никто не может. 16. Ибо кто познал ум Господень, чтобы мог судить его? А мы имеем ум Христов.

(14. Душевный человек не постигает того, что от Духа Божия, ибо для него это глупость; и не может разуметь, потому что об этом судится духовно. 15. Но духовный судит обо всем, а сам не судится никем. 16. Ибо кто познал ум Господень, чтобы помогать ему? А мы имеем ум Христов.)

14) *Душевный человек.* В отличие от общепринятого мнения, душевным человеком апостол называет не того, кто предан грубым похотям и чувственности, а любого человека, наделенного только лишь природными способностями. И это явствует из приведенного им противопоставления, ибо душевное апостол сравнивает с духовным. Поскольку же под духовным человеком разумеется тот, чей разум управляется и просвещается Божиим Духом, нет сомнения, что под душевным апостол разумеет человека, оставленного в чистом природном состоянии. Ведь душа свойственна природе, Дух же приходит по сверхприродному дару.

Апостол возвращается к уже затронутой им теме. Он хочет устранить препятствие для немощных, состоящее в том, что благовестие презирают весьма многие. И Павел показывает, что презрение это ни о чем не говорит, поскольку проистекает из невежества. Посему оно не должно мешать нам преуспевать на поприще веры, ибо не стоит, глядя на солнце, закрывать глаза лишь потому, что слепые его не видят. Было бы великой неблагодарностью отвергать благодеяние, которым Бог особо удостаивает определенных людей. Ведь оно принадлежит далеко не всем, и сама его редкость делает его для нас еще драгоценнее.

Почитает это безумием (для него это глупость). Учение Евангелия, по словам апостола, нелепо для всех мыслящих только по-человечески. Но по какой причине? Потому что они слепы. Итак, в чем же эта нелепость умаляет его величие? Неопытные отвергают Евангелие из-за того, что оценивают его по людским меркам, но Павел использует этот довод для еще большего возвышения благовестия. По его словам, Евангелие презирают потому, что оно неизвестно. А неизвестно оно потому, что его возвышенность и сокрытость делает его непостижимым для человеческого разума. Какова же премудрость, настолько превосходящая все человеческое разумение, что последнее не способно даже ее вкусить! Хотя здесь Павел также косвенно винит плотскую гордыню людей. Ведь люди обычно считают глупым то, чего не могут разуметь. Одновременно апостол показывает, какова немощь или, скорее, тупость человеческого разума, говоря, что он невосприимчив к духовному разумению. По его словам, человек не постигает принадлежащего Духу не только из-за надменности своей воли, но также из-за бессилия своего разума. Если бы он просто сказал, что люди не понимают, сказанное все равно было бы истинным; но Павел добавляет, что люди даже не могут разуметь. Отсюда вывод: вера зависит не от воли человека, но даруется нам от Бога.

Надобно судить духовно (судится духовно). То есть, Дух Божий, от Которого исходит евангельское учение – единственный истинный его толкователь, и только Он один способен объяснить его нам. Посему, рассуждая об этом учении, людские умы с необходимостью будут слепы, доколе их не просветит Божественный Дух. Отсюда вывод: все люди по природе лишены Духа Божия. Ведь в противном случае довод апостола не имел бы силы. Любой свет природного разума, коим обладают все, исходит от Божественного Духа, но сейчас речь идет об особом откровении небесной премудрости, коим Бог удостаивает только Своих детей. Тем более нетерпимо невежество тех, кто воображает, будто Евангелие предлагается всем настолько одинаково, что все способны принять верою предложенное в нем спасение.

15) *Духовный судит о всем.* Ранее апостол лишил плотского человека права судить. Теперь же он учит, что только духовные люди пригодны быть в этом деле судьями, поскольку только Дух Божий знает Себя, и Ему присуще служение отличать Своих от чужих, удостоверить принадлежащее Себе, и всем прочим отказывать в доверии. Смысл же таков: здесь бессильно всякое плотское остроумие. И только духовный человек надежно и основательно знает тайны Божии, четко отличая истину от лжи, учение Божие от человеческих измышлений, никак при этом не обманываясь. О самом же духовном не судит никто, поскольку убежденность веры не подчинена людям и не может колебаться по их воле. Ведь она выше самих ангелов. Отметим, что эта прерогатива приписывается не людям, но Божественному Слову, по правилу которого судят все духовные, и которое ниспослано им от Бога вместе с правильным его пониманием. И если это понимание имеется, уверенность человека возвышается над любым человеческим судом.

Кроме того, отметь слово «суд». Апостол имеет в виду, что Господь не только просвещает нас к восприятию истины, но и наделяет духом различения, дабы мы не колебались в сомнениях между истиной и ложью, но могли решить, чему следовать, а чего избегать.

Но здесь можно спросить: кто же этот духовный, и где можно найти такую степень просвещения, которая была бы пригодна судить обо всем? Ведь мы ощущаем, что объята огромным невежеством и подвержены опасности заблуждения. Больше того, даже самые совершенные порою падают и претыкаются. Ответ довольно прост: Павел не распространяет эту способность на все, словно возрожденные Духом Божиим полностью и во всем безошибочны, но просто учит, что в рассуждении об учении благочестия ничего не значит премудрость плоти, что право оценивать его и судить присуще одному лишь Духу Божию. Итак, каждый судит правильно и уверенно по мере данной ему благодати, однако же не сверх этой меры.

А о нем судить никто не может (сам не судится никем). Я уже говорил о том, почему по словам апостола духовный человек не подлежит никакому человеческому суду, а именно: потому, что истинная вера зависит от одного Бога и основана на Его слове. Она не колеблется вместе с колебаниями человеческой воли. Сказанное же после о том, что Дух одного пророка повинуется пророчеству другого, ничуть не противоречит этому положению. Ибо зачем еще это повиновение, если не для того, чтобы каждый из пророков внимал другим и не презирал их откровение? Дабы оставалась незыблемой и принималась всеми богооткровенная истина. Апостол помещает это полученное от Бога знание веры выше неба и земли, давая понять, что оценивает его далеко не людское суждение.

Однако фразу *ὅτι οὐδὲν* можно прочесть и в среднем роде: «ничем», относя ее к предмету, а не к человеку. Таким образом, антитезис станет более полным: духовный, как наделенный Духом Божиим, судит обо всем, но о нем нельзя судить по какому-либо правилу, поскольку он не подчинен человеческому разуму или человеческой мудрости¹⁰.

16) *Ибо кто познал.* Вероятно, что Павел намекает на сказанное в сороковой главе книги пророка Исаии. Подобно тому, как там пророк спрашивает: кто был советником Богу, кто исследовал Его Дух, или был помощником Ему при создании мира и в других делах, кто, наконец, узнал причины всех Его дел, – так и здесь посредством этого вопроса апостол учит нас, что тайный совет Божий, содержащийся в Евангелии, далек от человеческого разума. Итак, это подтверждает сказанное мною выше.

А мы имеем ум Христов. Неясно, говорит ли апостол о верующих в целом или только о служителях. И то, и другое вполне подходит контексту. Хотя я предпочел бы особо отнести сказанное к нему самому и другим добросовестным служителям. Итак, Павел говорит: рабы Господни учатся в школе Святого Духа, удаленной от всяких плотских чувств, дабы

¹⁰ Это предложение (Хотя ... подчинен) присутствует лишь в издании 1551 г.

бестрепетно говорить как бы из уст Самого Господа. И этот дар затем постепенно распространяется на всю Церковь.

Глава 3

1. И я не мог говорить с вами, братия, как с духовными, но как с плотскими, как с младенцами во Христе. 2. Я питал вас молоком, а не твердою пищею, ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах, 3. потому что вы еще плотские. Ибо если между вами зависть, споры и разногласия, то не плотские ли вы? и не по человеческому ли обычаю поступаете? 4. Ибо когда один говорит: «я Павлов», а другой: «я Аполлосов», то не плотские ли вы?

(1. И я не мог говорить с вами, братия, как с духовными, но как с плотскими, как с детьми во Христе. 2. Я питал вас молоком, а не твердою пищею, ибо вы были еще не способными вместить, да и теперь не в силах, 3. потому что вы еще плотские. Ибо если между вами зависть, споры и разногласия, то не плотские ли вы? И не по человеку ли ходите? 4. Ибо когда один говорит: «я Павлов», а другой: «я Аполлосов», то не плотские ли вы?)

1) *И я не мог.* Апостол начинает применять сказанное ранее о плотских людях к самим коринфянам, дабы те поняли, что учение креста не нравится им по их же собственной вине. Вероятно, они еще слишком уповали и превозносились своими торгашескими способностями, и болезненно и с большими трудностями принимали простоту Евангелия. Поэтому, оставив апостола и действенность его божественной проповеди, они внимали своим утонченным лицемерным учителям, хотя последние и были лишены Духа. Значит, дабы лучше обуздать их неразумие, Павел свидетельствует: коринфяне еще принадлежат к тем, кто поглощен плотским чувством и не восприимчив к небесной премудрости Божией. Он смягчает жесткость своих упреков, называя их братьями, но все же порицает их за то, что их разум объят мраком плоти, и это служит помехой для его проповеди. Действительно, может ли быть здоровое суждение там, где люди даже не готовы выслушать говорящего? Впрочем, под плотскими апостол понимает не тех, в ком нет даже искорки Духа Божия, а тех, кто все еще слишком поглощен чувствованием плоти. Так что плоть господствует над Духом и как бы подавляет Его свет. Хотя они и не полностью лишены благодати, но зовутся плотскими, поскольку плоть в них заметнее Святого Духа. Это явствует из тут же следующей фразы о том, что они младенцы во Христе. Ибо они не были бы младенцами, если бы не родились. Рождение же это происходит от Духа.

Младенцами (детьми) во Христе. Это слово иногда понимается в хорошем смысле. Так Петр велит нам уподобиться новорожденным младенцам (1Пет.2:2). И Христос говорит: если не уподобитесь этим детям, не войдете в Царство Божие (Лк.18:17). Здесь же оно понимается в смысле дурном, поскольку относится к неразумию. Ибо нам надлежит быть детьми на злое, а не в смысле ума, как апостол скажет в 14:20. И это различие устраняет все трудности. Похожее место имеется в Еф.4:14: не будем детьми, носимыми любым ветром учения и увлекаемыми человеческим обманом, но будем возрастать день ото дня, и т.д.

2) *Питал вас молоком.* Здесь можно спросить, заставил ли Павла разный характер его слушателей по-разному проповедовать им Христа. Отвечаю: разнообразие относится скорее к способу научения, нежели к его сущности. Ибо Тот же Самый Христос есть молоко для детей и твердая пища для взрослых. Одна и та же евангельская истина преподается и тем, и другим, но своим собственным способом. Итак, благоразумный учитель должен принаравливать к восприятию тех, кого он собирается учить, и среди немощных и невежд начинать с азов, не давая им более, чем они могут воспринять. Так по капле он будет вливать в них учение, ибо, влитое сразу, оно перельется через край. Однако эти азы содержат необходимое для познания не меньше, чем совершенное учение, преподаваемое сильным в вере. Об этом читай 98-ю проповедь Августина на Евангелие от Иоанна. Так опровергается уловка некоторых проповедников. Объятые страхом, они бормочут что-то

очень туманное о Евангелии Христовом и прикрываются при этом словами Павла. Между тем, показывая Христа лишь издали, сокрытым за многочисленными завесами, они неизменно держат своих учеников в гибельном неведении. Молчу о том, что такие проповедники примешивают к учению множество искажений, проповедуя даже не половинчатого Христа, но как бы отдельные Его кусочки. Они не только не замечают, но и своим примером подкрепляют грубое идолопоклонство. И если говорят что-то хорошее, то тут же оскверняют это многими видами лжи. Вполне понятно, что у таких нет ничего общего с Павлом. Ибо молоко – это пища, а не яд. Причем, пища полезная для кормления детей, доколе они не подрастут.

Вы были еще не в силах (не способными). Дабы коринфянам не льстили их умственные способности, Павел прежде всего говорит о том, какими он застал их вначале. Затем добавляет нечто более суровое: что и теперь в них имеются те же самые пороки. Ибо они, облекшись во Христа, должны были сразу отринуть плотское. Таким образом, мы видим, как Павел жалуется о помехах на пути евангельского учения. Ибо, если слушатель не создает задержек своей медлительностью, долг доброго учителя подниматься все выше и выше до достижения полного совершенства.

3) *Вы еще плотские.* Покуда плоть, то есть, природная порочность господствует в человеке, она настолько занимает человеческий ум, что не позволяет войти туда премудрости Божией. Посему, если мы хотим преуспевать в школе Господней, то, во-первых, должны отречься от собственного разума и собственной воли. В коринфянах же хотя и блистала какая-то искорка благочестия, все же преобладало его подавление.

Если между вами. Доказательство, основанное на следствии. Поскольку плоды плоти – зависть, ссоры и разделения, везде, где они наблюдаются, несомненно присутствует порочный корень. И эти виды зла процветали среди коринфян. Отсюда апостол и выводит их плотское состояние. Тем же самым доводом он пользуется в Гал.5:25: если Духом живете, то по Духу и поступайте. Поскольку коринфяне желали быть духовными, апостол напоминает им про их дела, опровергавшие то, что они исповедовали устами. Заметь, какому изящному порядку следует здесь Павел. Ибо из зависти рождаются распри, которые, однажды возгоревшись, ведут к гибельным разделениям. И матерью всех этих зол является тщеславие.

Не по человеческому ли обычаю (не по человеку ли). Отсюда явствует, что «плоть» означает здесь не только низшие виды вождлений, как воображают софисты, называя ее седалище чувственностью, но и всю человеческую природу. Ибо следующие водительство природы не водимы Духом Божиим. Согласно определению апостола, они плотские, так что плоть и человеческая природа здесь полные синонимы. Посему не напрасно Павел требует от нас в другом месте стать новым творением во Христе.

4) *Ибо когда один говорит.* Теперь апостол говорит о том, в чем именно заключались споры коринфян. Причем, делает это от лица самих участников, дабы речь его стала более выразительной. Каждый из них хвалился своим учителем, словно не у всех них был один учитель Христос. Далее, там, где остается подобное тщеславие, нет никакого или почти никакого успеха в Евангелии. Но не думай, будто коринфяне говорили все это открыто и прямо. Апостол лишь обличает дурное усердие, которое среди них господствовало. Хотя вероятно, что, коль скоро за тщеславием следует болтливость, коринфяне и вслух выражали превратные устремления своей души, и, возвышая своих учителей, презирали при этом Павла и ему подобных.

5. *Кто Павел? Кто Аполлос? Они только служители, через которых вы уверовали, и притом поскольку каждому дал Господь.* 6. *Я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог;* 7. *посему и насаждающий и поливающий есть ничто, а все Бог возвращающий.* 8. *Насаждающий же и поливающий суть одно; но каждый получит свою награду по своему труду.* 9. *Ибо мы соработники у Бога, а вы Божия нива, Божие строение.*

(5. *Итак кто Павел? Кто Аполлос? Если не служители, через которых вы уверовали, и притом поскольку каждому дал Господь. 6. Я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог; 7. посему ни насаждающий есть что-то, ни поливающий, а только Бог возвращающий. 8. Насаждающий же и поливающий суть одно; но каждый получит свою награду по своему труду. 9. Ибо мы соработники у Бога, а вы Божия нива, Божие строение.)*

5) *Кто Павел.* Здесь апостол начинает говорить о том, что надо думать о служителях, и для какой цели их поставил Господь. Апостол называет себя и Аполлоса, а не других, потому что хочет избежать обвинения в зависти. Какую еще цель преследуют, по его словам, служители, если не привести вас к вере через свою проповедь? Отсюда Павел выводит, что не следует хвалиться каким-либо человеком. Ибо вера позволяет нам хвалиться одним лишь Христом. Посему чрезмерно превозносящие людей лишают их тем самым истинного достоинства. Главное, что должны делать служители веры – приобретать учеников не для себя, а для Христа. Хотя кажется, что апостол таким образом преуменьшает достоинство служителей, он все же не принижает его ниже положенного уровня. Ибо многое значат его слова о том, что мы обретаем веру через их служение. Больше того, называя внешнее учительство орудием Духа Святого, Павел расхваливает перед нами его действительность. И говоря, что Бог пользуется пастырями как служителями, распределяющими бесценное сокровище веры, апостол также высказывает им немалую похвалу.

Поскольку каждому. В греческом тексте сравнительное слово идет в конце, и порядок слов полностью обратный. Поэтому для прояснения смысла я предпочел перевести не «поскольку каждому», а не «каждому поскольку». Впрочем, в некоторых кодексах отсутствует слово *καί*, и говорится в одном контексте: служители, через которых вы уверовали, поскольку каждому, и т.д. Если прочесть именно так, то последняя фраза добавлена ради пояснения. Павел поясняет, что именно имел в виду под служением. Он как бы говорит: служители, трудом которых пользуется Бог, – это не те, которые что-то могут собственными силами, но те, которыми Его десница двигает словно орудиями. Но приведенное мною чтение (на мой взгляд) правильное. Если следовать ему, предложение станет более полным. Оно будет состоять из двух частей. Первая: служители – это те, кто работает на Христа, дабы вы в Него уверовали, Вторая: у них нет ничего такого, чем бы они превозносились, поскольку сами по себе они ничего не делают и не имеют никаких способностей, кроме как по дару Божию. Причем, каждый в своей¹¹ мере, что свидетельствует о следующем: все, что у них есть, приходит к ним извне. Кроме того, апостол связывает всех служителей как бы взаимными узами, поскольку они нуждаются в помощи друг друга.

б) *Я насадил, Аполлос поливал.* Этим сравнением апостол яснее показывает, каково на деле истинное служение. Он весьма удачно описывает природу Слова и использование проповеди. Чтобы земля давала плод, надо вспахивать ее, засеивать и возделывать. Но по совершении всего перечисленного труд земледельца окажется напрасным, если Господь светом солнца, а также Своей чудесной таинственной силой не даст прорастания с неба. Значит, каким бы ни было усердие земледельца, каким бы ни было плодоносным семя, успех приходит только от благословения Божия. Ибо что может быть удивительнее прорастания ранее сгнившего семени? Так и слово Господне есть семя, плодоносное по своей природе. Служители же – как бы возделыватели, пашущие и сеющие семя. Затем следуют и другие вспомоществования, например: орошение пажити. И все это также делают служители, когда, бросив семя в землю, по мере сил помогают земле, доколе она не произрастит посеянное в ней. Но сделать так, чтобы труд их оказался плодоносным, – принадлежит чуду божественной благодати, а не человеческому усердию.

Заметь, что в этом месте представляются необходимыми проповедь Слова и ее постоянство. Действительно, Богу не сложнее благословить землю и без труда людей, дабы она приносила им пропитание, нежели посредством великого людского усердия, большого их

¹¹ Определенной

пота и великих тягот производить и выводить на свет ее плоды. Но поскольку Господь постановил, что человек должен работать, а земля требует своего возделывания, будем же делать положенное нам. Таким образом, ничто не мешает Богу, если Он захочет, внушить веру спящим без всякого людского труда. Но Бог постановил иначе: чтобы вера возникала от слышания. Поэтому тот, кто, оставив это средство, уповает на обретение веры, подобен земледельцу, который, отбросив плуг, пренебрегая севом, оставив всякое возделывание земли, ждет с неба урожая.

Что же касается последующих слов, то ясно, что хочет сказать Павел. Засевания не достаточно, если не помогать земле чем-то еще. Итак, принявшая семя земля нуждается в дальнейшем орошении. И орошения не следует прекращать, доколе не созреет плод, то есть, до конца жизни. Значит, Аполлос, исполнявший в Коринфе служение после Павла, полил то, что прежде насадил сам апостол.

7) *Насаждающий же и поливающий есть ничто.* Но из сказанного явствует, что труд их вовсе не напрасен. Почему же Павел его преуменьшает? Во-первых, надлежит отметить, что апостол двояким образом говорит о служителях, как и о таинствах. Иногда он рассматривает служителя как того, кого Господь поставил, во-первых, для возрождения душ, а во-вторых, для того, чтобы пасти их к вечной жизни, для отпущения грехов, для обновления умов, для созидания Царства Христова и разрушения царства сатаны. Тогда он приписывает им не только долг насаждать и поливать, но и наделяет силой Святого Духа, дабы труд их не был напрасен. Так в другом месте (2Кор.3:6) апостол называет себя служителем Духа, а не буквы, тем, который пишет Слово Господне в сердцах людей.

Иногда же Павел рассматривает служителя как раба, а не господина, как орудие, а не саму десницу, как человека, а не Бога. Тогда он оставляет ему один лишь труд, и причем мертвый и напрасный, если Господь не даст ему действенности через Свой Дух. Причина в том, что там, где речь идет просто о служении, надо видеть не только человека, но и Бога, действующего в нем благодатью Духа. Не потому что благодать Духа всегда связана с человеческим словом, а потому что Христос выказывает таким образом Свою силу в установленном Им служении, дабы оно не казалось учрежденным напрасно. Таким образом, Христос ничего не отнимает от Себя и не передает человеку. Ибо Он не отделен от служителя, скорее в служителе проявляется Его действенная сила. Но, поскольку суждение наше извращено, мы порою злоупотребляем им для чрезмерного возвышения людей. И для исправления сего порока необходимо проводить различие: с одной стороны помещать Господа, а с другой – самого служителя. Тогда станет ясным, сколь ничтожен человек сам по себе, и сколь бездейственны его усилия.

Посему будем знать, что здесь служители сравниваются с Господом, и причина такого сравнения в том, что люди, недооценивая благодать Божию, склонны чрезмерно превозносить служителей и лишают Бога того, что желают приписать им. Хотя апостол всегда соблюдает умеренность. Ибо, говоря, что Бог возвращает, он имеет в виду, что людской труд также не лишен успеха. В другом месте мы увидим, что то же самое можно сказать и о таинствах. Итак, хотя Небесный Отец и не отвергает наш труд в возделывании Его пажити, не позволяет ему оставаться бесплодным, Он хочет, чтобы успех труда зависел только от Его благословения, дабы вся слава принадлежала одному Ему. Посему, если мы хотим принести какую-то пользу своим трудом, усилиями, настойчивостью, будем знать, что ничего не достигнем, если Бог не даст всему этому успеха, дабы все, что мы делаем, мы приписывали Его благодати.

8) *Насаждающий (же) и поливающий суть одно.* Еще один довод, показывающий, что коринфяне злоупотребляли именами учителей для создания сект и разделения. Ибо эти учителя, соединив усилия, стремились к одной цели. Так что они не могут разделиться или оторваться друг от друга без того, чтобы не отпасть от своего служения. Они суть одно, то есть соединены таким образом, что их союз не допускает никакого разделения. Ибо у них

у всех должна быть одна цель, они служат единому Господу и заняты одним и тем же делом. Значит, если служители добросовестно трудятся и возделывают поле Господне, они будут сохранять единство, и один станет помогать другому во взаимном общении. Тем более, имена их не могут быть знаменами, возбуждающими распри. Замечательное место, увещающее служителей к согласию. Между тем, апостол косвенно обуздывает тех учителей, которые, давая повод для разногласий, доказывают тем самым, что они рабы не Христа, а собственного тщеславия; что трудятся не для насаждения и орошения, а для выкорчевывания и сожжения.

Каждый получит свою награду. Здесь апостол учит, к какой цели должны стремиться служители. Не к тому, чтобы снискать благоволение людей, а к тому, чтобы угодить Господу. Апостол хочет призвать на судилище Божие учителей, опьяненных мирской славой и только о ней и думающих. Он увещает коринфян, сколь ничтожна пустая популярность, вызванная изящностью речи и суетной помпезностью. Одновременно эти слова говорят о спокойствии совести апостола. Ибо он дерзает беспрепятственно ждать божественного суда. Тщеславные люди рекламируют себя в мире потому, что не научились посвящать себя Богу, и Царство Христово не находится у них перед глазами. Значит, как только вперед выступает Бог, исчезает глупое желание снискать благоволение людей.

9) *Мы соработники у Бога.* Прекрасный довод: мы делаем дело Господне, именно здесь мы и прилагаем усилия. Значит, будучи справедливым и верным, Бог не лишит нас нашей награды. Посему заблуждается тот, кто смотрит на людей и зависит от их вознаграждения. Великая похвала служения состоит в том, что Бог, будучи в силах сделать все Сам, все же берет нас, жалких людишек, в помощники, и пользуется нами как Своими орудиями. Паписты же поступают весьма глупо, пытаясь с помощью этого отрывка утвердить свободную волю. Ибо Павел учит здесь не тому, что могут люди силами собственной природы, но тому, что делает через них Господь по Своей благодати. Толкование же некоторых, будто Павел, будучи работником Бога, назвал себя соработником по отношению к своим коллегам, то есть – другим служителям, кажется мне натянутым и грубым. Нет никаких причин прибегать к подобной утонченности. Ибо намерению апостола вполне соответствует следующая мысль: хотя созидать Свой храм и возделывать Свой виноградник – в собственном смысле дело Божие, Бог все же берет в общение Своего труда служителей. Только Он и действует через них, но так, что и они в свою очередь трудятся вместе с Ним. Подробнее о вознаграждении за дела можно прочесть в моих «Наставлениях»

Божия нива, Божие строение. Эти слова можно истолковать двояко. В активном смысле: человеческий труд насадил вас на ниве Господней, но так, что Сам Небесный Отец есть истинный земледelec, Творец этого насаждения; люди сделали из вас строение, но так, что истинным зодчим является Бог. И в пассивном смысле: то, что мы воспитывали вас, сеяли среди вас Слово Божие, орошали, мы делали не ради самих себя, не для того, чтобы самим пожать плоды, но служили одному лишь Господу. И, пытаясь дать вам назидание, мы были подвигнуты не соображениями собственного удобства, но целью превратить вас в насаждение и строение Божие. И второе толкование нравится мне больше. Думаю, что Павел хотел выразить мысль, что истинные служители работают не на себя, а на Господа. Отсюда следует: коринфяне, посвящая себя людям, поступали весьма плохо, ибо по праву принадлежали одному лишь Богу. Сначала апостол называет их насаждением, продолжая развивать уже начатую метафору, а затем, переходя к следующей теме, использует другое сравнение, заимствованное из зодчества.

10. *Я, по данной мне от Бога благодати, как мудрый строитель, положил основание, а другой строит на нем; но каждый смотри, как строит.* 11. *Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос.* 12. *Строит ли кто на этом основании из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы, – 13. каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть.* 14. *У кого дело, которое он строил, ус-*

тоит, тот получит награду. 15. А у кого дело сгорит, тот потерпит урон; впрочем сам спасется, но так, как бы из огня.

(10. Я, по данной мне от Бога благодати, как мудрый строитель, положил основание, а другой строит на нем; но каждый пусть смотрит, как строит. 11. Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос. 12. Если кто строит на этом основании из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы, – 13. каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне откроется, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть. 14. Если у кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду. 15. А у кого дело сгорит, тот подвергнется риску; впрочем сам спасется, но так, как бы из огня.)

10) *Как мудрый строитель.* Превосходное сравнение. Поэтому оно, как мы увидим немного ниже, часто встречается в Писании. Здесь апостол с большим упованием и уверенностью проповедует свою добросовестность, поскольку ее надо было утвердить не только вопреки наветам нечестивых, но и вопреки превозношению коринфян, которым учение его начинало казаться чем-то низким. Итак, чем больше уничижали апостола, тем выше он поднимается, возвещая как бы по вдохновению с небес, что был первым у них строителем, полагающим основание, и что он мудро исполнил свое дело. Остается, чтобы другие продолжали в том же духе, сооружая постройку в соответствии с положенным фундаментом. Отметим: Павел говорит это для того, чтобы, во-первых, похвалить свое учение, которое, как он видел, презирали коринфяне, а, во-вторых, чтобы обуздать дерзость тех, которые, желая выделиться, стремились к новому способу проповедания. Итак, он увещевает их не пытаться делать что-то необдуманно в строении Божиим. И запрещает делать две вещи: полагать иное основание, и строить здание, не соответствующее фундаменту.

По данной мне от Бога благодати. Апостол неизменно остерегается присваивать себе хотя бы кроху божественной славы. Он все приписывает Богу, не оставляя у себя ничего, кроме служения в качестве орудия Господня. Так, скромно подчиняя себя Богу, апостол косвенно обуздывает превозношение тех, кто считал пустяком навести тень на божественную благодать, лишь бы самим оказаться в цене. Он также дает понять: в той пустой помпе, которой эти люди набивали себе цену, нет никакой благодати Духа. При этом апостол отводит от себя презрение людей, основываясь на том, что действовал по вдохновению от Бога.

11) *Ибо никто не может.* В этом предложении две части. Первая: Христос есть единственное основание для Церкви. Второе: коринфяне благодаря проповеди Павла были правильно водружены на Иисусе Христе. Было весьма важно отослать к одному лишь Христу тех, чей слух постоянно жаждал чего-то нового. Было важно, чтобы они признали Павла первичным и главным строителем, от учения которого нельзя отойти без того, чтобы оставить Самого Христа. Итог таков: Церковь должна основываться на одном лишь Христе; и Павел настолько добросовестно исполнил у коринфян свой долг, что от служения его нельзя желать чего-то большего. Посему, все приходящие ему на смену могут добросовестно служить Господу и считаться служителями Христовыми только в том случае, если приспособят к его учению свое и сохранят положенный им фундамент.

Отсюда вывод: не верные работники по созиданию Церкви, а скорее ее разрушители те, кто, преемствуя истинным служителям, не пытаются следовать их учению и продолжить то, что было хорошо ими начато, давая понять, что не несут с собой ничего нового. Ибо весьма опасно смущать хорошо наставленных в чистом учении верующих новым способом научения, дабы они потеряли уверенность в основании и начали колебаться. Фундаментальное же учение, в котором не подобает сомневаться, состоит в том, чтобы научиться Иисусу Христу. Ибо Христос – единственное основание Церкви. И многие, прикрываясь именем Христовым, под корень изничтожают всю истину Божию.

Итак, надо понять, как именно правильно созидать на Христе Церковь. Это надо делать так, чтобы один Христос считался праведностью, искуплением, освящением, премудростью, удовлетворением, очищением, жизнью и славой. Или, короче говоря, Он должен проповедоваться так, чтобы уразумевались Его служение и сила, как мы говорили в конце первой главы. Если же Христа хотя и зовут и признают искупителем по имени, но праведность, освящение и спасение ищут где-то еще; постройка лишается своего фундамента, и на его место полагаются чужеродные камни. Так поступают паписты, лишаящие Христа почти всех Его прерогатив, и оставляющие Ему почти одно голое имя. Итак, им далеко до того, чтобы основываться на Христе. Ибо Христос потому есть основание Церкви, что является единственной причиной спасения и вечной жизни. И только в Нем мы познаем Бога Отца, поскольку имеем во Христе источник всяческих благ. Если же Христос не признается в таковом качестве, Он перестает быть фундаментом.

Но спрашивается: разве Христос есть лишь часть или начало спасительного учения, подобно тому, как фундамент – только часть сооружаемого здания? Если бы это было так, верующие начинали бы с Христа, но заканчивали чем-то другим. Именно это, кажется, и хочет сказать Павел. Отвечаю: смысл его слов не таков. Иначе он противоречил бы самому себе, сказав в другом месте (Кол.2:3): в Нем сокрыты все сокровища премудрости и знания. Итак, кто научился Христу, тот совершен во всем небесном учении. Но поскольку служение Павла состояло в полагании у коринфян фундамента, а не в сооружении у них крыши, он говорит лишь о том, что сделал сам, а именно: правильно проповедовал среди них Христа. Посему он называет Его основанием по отношению к самому себе, но не исключает при этом из остальной части постройки. Наконец, Павел не противопоставляет знанию Христа какой-либо иной вид учения, но, скорее, устанавливает связь между собой и остальными служителями.

12) *Строит ли кто на этом основании (Если кто строит на этом основании)*. Апостол продолжает свою метафору. Недостаточно положить фундамент, если ему не соответствует вся надстройка. Как было бы глупым строить из дешевого материала на золотом основании, так и не подобает нагромождать на Христа чуждые Ему учения. Итак, золотом, серебром и драгоценными камнями апостол называет достойное Христа учение, надстройку, соответствующую фундаменту. Далее, мы не должны думать, будто это учение находится вне Христа. Поймем, что обучение Иисусу Христу должно продолжаться до самого завершения постройки. Надо лишь соблюдать порядок и начинать с общего учения и самых необходимых артикулов веры, как с некоего основания, а затем добавлять увещания, ободрения, и все, что требуется для стойкости, утверждения и продвижения вперед.

И поскольку до сих пор все одинаково понимают смысл сказанного Павлом, отсюда следует, что дерево, солома и сено также означают учение, но не сообразное фундаменту; учение, созданное человеческим разумом и навязываемое как изреченное Самим Богом. Ибо Он хочет, чтобы Его Церковь наставлялась чистой проповедью Его же Слова, а не человеческими измышлениями, которые ни в чем не способствуют назиданию. Таковы любопытствующие изыскания, служащие больше внешней помпе и глупой жажде знаний, нежели спасению людей.

И апостол возвещает: дело каждого некогда станет явным, даже если на время и остается сокрытым. Он как бы говорит: злые работники могут временно обманывать других, и мир не различает между добросовестными и притворными работниками; но, в конце концов, обнаружится то, что ныне как бы покрыто мраком. И то, что кажется людям похвальным, не устоит и сочтется за ничто перед взором Божиим.

13) *День покажет*. Древний перевод говорит о дне Господнем. Но вероятно, что слово «Господень» кто-то добавил с целью пояснения, потому как смысл остается полным и без этой добавки. Ибо днем вполне уместно зовется время, когда рассеются тьма и мрак, и воссияет истина. Апостол возвещает, что не всегда будет сокрытым, кто добросовестно, а

кто обманчиво трудился в деле Господнем. Он как бы говорит: тьма пребудет не всегда, некогда взойдет свет, который обнаружит все. Соглашусь с тем, что этот день – Божий, а не человеческий. Но сравнение станет более уместным, если прочесть просто «день». Ведь таким образом Павел намекает: истинные рабы Господни не всегда отличимы от лжеработников, поскольку сумрак ночи скрывает и пороки, и добродетели. Но эта ночь не будет вечной. Слепо тщеславие, слепо благоволение людей, слепо одобрение мира; но Бог в Свое время рассеет этот мрак. Заметь, что апостол всегда выказывает упование доброй совести, с непобедимым великодушием презирая все нелестные суждения о себе. Он делает это для того, чтобы, во-первых, отвратить коринфян от благосклонности к тщеславию и вернуть к истинному правилу вынесения суждений, а во-вторых, чтобы укрепить доверие к собственному служению.

Потому что в огне. Поскольку ранее Павел говорил об учении иносказательно, саму проверку его он также иносказательно зовет огнем, дабы противлежащие части сравнения вполне друг другу соответствовали. Итак, огонь здесь – это Дух Господень, испытывающий, какое учение подобно золоту, а какое – соломе. Чем ближе к этому огню учение Божие, тем больше оно сверкает. И наоборот, учение, рожденное в человеческой голове, тут же исчезает, подобно пожираемой огнем соломе. Кажется, что здесь присутствует намек на упомянутый ранее день. Апостол как бы говорит: солнечный свет не только обнаружит то, что ныне сокрыто от коринфян из-за их суетного тщеславия, подобной ночной тьме, но и будет ощущаться сила его жара. Причем, не только для очищения от грязи, но и для сжигания всех пороков. Хотя люди и считают, что разбираются в тонкостях, их прозорливость имеет лишь внешнюю форму и, как правило, не несет в себе ничего основательного. Один лишь этот упомянутый апостолом день основательно испытает все не только своим светом, но и огнем.

14) *У кого дело ... устоит, тот получит награду.* Апостол намекает на суету¹² тех, кто зависит от мнения людей и считает достаточным их одобрение. Ведь дело обретет похвалу и получит награду лишь тогда, когда выдержит проверку дня Господня. Поэтому апостол велит истинным служителям¹³ взирать на этот грядущий день. Глаголом «устойт» апостол хочет сказать, что человеческие учения неустойчивы. Они как бы носятся в воздухе и блещут подобно пузырькам, доколе дело не дойдет до серьезной проверки. Отсюда следует, что вовсе не стоит ценить одобрение мира, суету которого вскоре обличит небесный суд.

15) *А у кого дело сгорит.* Апостол как бы говорит: пусть никто не обольщается тем, что людское мнение причисляет его к великим строителям. Ведь, как только воссияет день, все его труды истлеют, если не будут угодны Господу. Таково правило, которым следует проверять служение каждого.

Некоторые относят сказанное к учению. Для них *ζημιωθαι* означает не что иное, как «погибнуть». А следующие затем слова они относят к основанию, поскольку по-гречески *θεμέλιος* – мужского рода. Но такие толкователи не вполне обращают внимание на контекст. Ведь Павел подвергает здесь проверке не свое учение, а учение других. Значит, упоминание об основании было бы здесь неуместным. Ранее апостол говорил, что дело каждого проверится огнем. А затем перечисляет отдельные случаи, не выходящие за пределы общего положения. Однако не подлежит сомнению, что Павел говорит здесь только о надстройке, добавляемой к фундаменту. В первой части предложения он обещал награду добрым строителям, труды которых получили одобрение. Значит, вполне уместно усматривать во второй части противопоставление первой: напрасно надеются на похвалу те, кто строит из соломы, дерева и мякины.

¹² Суетность

¹³ О награде см. мои «Наставления»

Впрочем сам спасется и т.д. Ясно, что Павел говорит здесь о тех, кто, удерживая основание, примешивают к золоту сено, к серебру – солому, к драгоценным камням – дерево. А именно: о тех, которые строят на Христе, но либо из-за немощи плоти испытывают человеческие трудности, либо из-за неведения несколько отклоняются от чистоты божественного Слова. Такими были многие святые: Киприан, Амвросий, Августин и им подобные. Добавь сюда, если угодно, из менее древних Григория и Бернарда, и других, которые, намереваясь строить на Христе, часто отступали от правильного способа постройки.

И Павел говорит, что таковые могут спастись, но только если Господь избавит их от неведения и очистит от всякой скверны. Именно в этом смысл фразы «как бы из огня». Итак, апостол дает понять, что не лишает таковых надежды на спасение, лишь бы они готовы были отречься от прежних дел и очиститься по милосердию Божию, подобно тому, как золото очищается в печи. Далее, хотя Бог порой очищает скорбями и Своих людей, здесь под огнем я разумею проверку Духа, коей Господь устраняет овладевшее ими на время неведение. Знаю, что многие относят сказанное ко кресту, но уверен, что мое толкование понравится всем здравомыслящим людям.

Теперь остается попутно ответить папистам, которые из этого отрывка стремятся вывести свое чистилище. Т.е., что грешники, прощаемые Богом ради их спасения, проходят через огонь. Следовательно, они таким образом отбывают наложенное Богом наказание, дабы удовлетворить Его праведному суду. Не буду говорить об их бесчисленных измышлениях о способе наказания и избавления от него, но спрошу: кому же именно предстоит пройти через огонь? Несомненно, что Павел говорит здесь только о служителях. Однако, – говорят они, – все подчинены одним и тем же правилам. Но судить о них – дело не наше, но Божие. Однако даже если с этим согласиться, все же сколь по-детски претыкаются паписты о слово огонь! Ибо зачем этот огонь, если не для сжигания сена и соломы, для проверки золота и серебра? Но разве они считают, что огонь их чистилища проводит различие между учениями? Кто когда-либо узнал от него, чем истина отличается от лжи? Кроме того, когда же наступит день, который воссияет для обнаружения дела каждого? Начался ли он с создания мира, и будет ли без перерыва продолжаться до его конца? Если в словах «солома», «сено», «золото» и «серебро» присутствует иносказание, с чем паписты с необходимостью согласятся, разве согласовывались бы между собой части предложения, если бы в слове «огонь» иносказания не содержалось вовсе? Итак, пусть исчезнут нелепые басни, глупость которых очевидна с первого взгляда. Думаю, что подлинный смысл апостольских слов теперь вполне ясен.

16. Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас? 17. Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог: ибо храм Божий свят; а этот храм – вы. 18. Никто не обольщай самого себя. Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым. 19. Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом, как написано: уловляет мудрых в лукавстве их. 20. И еще: Господь знает умствования мудрецов, что они суетны. 21. Итак никто не хвались человеками, ибо все ваше: 22. Павел ли, или Аполлос, или Кифа, или мир, или жизнь, или смерть, или настоящее, или будущее, – все ваше; 23. вы же – Христовы, а Христос – Божий.

(16. Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас? 17. Если кто растлит храм Божий, того погубит Бог: ибо храм Божий свят, коим являетесь вы. 18. Никто не обольщай самого себя. Если кто из вас думает быть мудрым, пусть в веке сем будет безумным, чтобы быть мудрым. 19. Ибо мудрость мира сего есть глупость пред Богом. Ибо написано: уловляющий мудрых в лукавстве их. 20. И еще: Господь знает, что умствования мудрецов суетны. 21. Итак никто не хвались человеками, ибо все ваше: 22. Павел ли, или Аполлос, или Кифа, или мир, или жизнь, или смерть, или настоящее, или будущее, – все ваше; 23. вы же – Христовы, а Христос – Божий.)

16) *Разве не знаете.* Ранее дав увещание учителям по поводу исполнения их долга, апостол обращается теперь к ученикам, также призывая их к предосторожности. Учителям он сказал: вы – строители дома Божия; а народу говорит: вы – храм Божий, значит вам надлежит всяческим образом избегать осквернения. Цель же в том, чтобы не предавать себя людям. Говоря так, апостол воздает большую честь коринфянам, но тем самым еще больше их обличает. Ведь Бог, сохранивший их в качестве Собственного храма, одновременно поставил над этим храмом сторожей. Значит, святотатственно в этой ситуации посвящать себя людям. Апостол собирательно называет всех верующих храмом Божиим. Ведь каждый из них – живой камень для возведения божественной постройки. Хотя иногда храмом называется и каждый верующий в отдельности. Немного ниже Павел повторяет это положение, но с другой целью. Там пойдет речь о чистоте, здесь же апостол увещевает коринфян, чтобы вера их слушалась одного лишь Христа. И вопросительная форма предложения делает его более эмоциональным. Ведь апостол, призывая коринфян в свидетели, дает понять, что говорит о чем-то вполне для них известном.

И Дух Божий. Это причина, по которой коринфяне являются храмом Божиим. Посему союз «и» надо понимать как «потому что». Такое словоупотребление вполне обычно, например, у поэтов: ты услышал, и возникла молва. Потому, – говорит апостол, – вы и храм Божий, что в вас Бог обитает через Собственный Дух. Ибо нечистое место не может быть божественным жилищем. Здесь у нас есть замечательное свидетельство божеской природы Святого Духа. Ведь если бы Он был творением, или одним лишь даром, Его обитание в нас не сделало бы нас храмом Божиим. Одновременно мы постигаем, каким образом Бог сообщает Себя нам, и какими узами мы с Ним соединяемся: Он изливает в нас силу Собственного Духа.

17) *Если кто разорит (растлит).* Апостол добавляет суровую угрозу. Ведь храму Божию надлежит быть святым, поэтому всякий растливший его не останется безнаказанным. Апостол говорит сейчас о том виде осквернения, когда люди ставят себя на место Бога, дабы владычествовать в Церкви. Как вера в истинное учение Христово в другом месте зовется духовной чистотой, так она и освящает наши души для правильного и чистого богочитания. Ибо как только нас заражают человеческие измышления, храм Божий как бы пачкается грязью, поскольку тогда жертвоприношение веры, которое Бог велит приносить только Ему, переносится на творения.

18) *Никто не обольщай.* Здесь апостол как бы пальцем указывает на язву, из которой исходит опасность, а именно, на то, что люди кажутся себе слишком мудрыми. Итак, он увещевает их не обманываться ложным мнением, приписывая себе какую-либо мудрость. Этим он хочет сказать, что заблуждаются все, полагающиеся на собственный разум. На мой взгляд, апостол обращается как к ученикам, так и к учителям. Ведь ученики больше благоволили тщеславным учителям и слушали их из-за чрезмерной капризности своего вкуса, поскольку простота Евангелия казалась им совершенно пресной. Учителя же стремились к внешней помпе, желая, чтобы их ценили. Итак, апостол увещевает и тех, и других, дабы никто не обольщался собственной мудростью; но тот, кто считает себя мудрым, пусть станет глупым в этом мире; и тот, кого считают мудрым, пусть станет глупцом, уничижая самого себя.

Далее, в этих словах апостол велит нам не полностью отречься от мудрости, вложенной в нас от природы или обретенной в результате долгого опыта, но лишь подчинить ее Богу, дабы умствовать о чем-либо только из Его Слова. Ибо поглупеть для мира, или для самих себя, означает – скорее уступать Богу и со страхом и почтением принимать все, чему Он учит, нежели следовать тому, что кажется вероятным нам.

Фраза «в веке сем» значит то же, как если бы апостол сказал: согласно мирским правилам, или мнению мира. Ибо мирская мудрость состоит в том, что мы довольствуемся собой, размышляя о разных предметах, управляя своей жизнью и принимая решения, что будем

делать в будущем. То есть, если мы не зависим от чего-то извне, если не нуждаемся в водительстве со стороны другого, но сами для себя являемся удобными руководителями. И наоборот, для мира глупцы те, кто, отрекшись от собственного разума, словно с закрытыми глазами позволяет Господу собою управлять; кто, не надеясь на себя, полностью полагается на Господа; кто помещает в Нем всю свою мудрость; кто выказывает себя послушным и обучаемым перед Богом. Именно так и надлежит исчезнуть нашей мудрости, дабы нами управляла воля Божия. Нам следует уничтожиться в своем разуме, дабы он наполнился премудростью Божией. Хотя сказанное можно соединить как с предыдущим, так и с последующим предложением. И поскольку смысл меняется незначительно, пусть читатель выберет, что хочет.

19) *Мудрость мира сего*. Довод, основанный на сравнении противоположностей. Утвердив одну противоположность, апостол тем самым ниспровергает другую. Итак, поскольку мудрость мира есть глупость перед Богом, отсюда следует, что быть мудрым перед Богом можно лишь тогда, когда мы глупы в глазах мира. Мы уже говорили, что значит мудрость мира сего, ибо природная сообразительность есть, безусловно, дар Божий. Подлинные искусства и все учения, коими накапливается мудрость, также суть дары Божии. Но для них установлены определенные границы, ибо они не достигают небесного царства Божия. Посему им надлежит прислуживать, а не господствовать. Больше того, их надо считать пустыми и никчемными, доколе они полностью не покорятся Слову и Духу Божию. Если они противопоставляют себя Христу, то их надо считать вредоносными язвами; если они претендуют на то, что сами по себе способны на что-либо, то надо считать их наихудшими помехами.

Значит для Павла является мирской та премудрость, которая присваивает себе владычество, не терпит правления Слова Божия, не соглашается полностью покориться ему и занять свое место. Итак, доколе человек не согласится, что знает лишь то, чему научился у Бога, и, отрекшись от собственного разума, не положится лишь на водительство Христово, он мудр для мира, но совершенно глуп для Бога.

Как написано: уловляет мудрых. Апостол подтверждает свою мысль двумя свидетельствами из Писания, из которых первое взято из Иова 5:13, где мудрость Божия возвеличивается от того, что с ней не сравнится никакая мирская мудрость. Не подлежит сомнению, что пророк говорит о хитрых и лукавых людях. Но поскольку человеческая мудрость без Бога всегда такова, Павел справедливо придает сказанному следующий смысл: все, что думают люди сами по себе, перед Богом считается ни за что. Второе свидетельство взято из Пс.94:11 [в Синодальном переводе Библии Пс.93:11. – прим. пер.], где Давид, прежде утвердив за одним Богом служение и власть всех поучать, добавляет, что Бог познал суетность помышлений всех. Итак, как бы¹⁴ мы их ни ценили, пред судом Божиим они – сплошная суета. Это – замечательное место для усмирения плотского самоупования. Ведь Бог возглашает в нем с высоты небес о суете всего, что мыслит и делает человеческая природа.

21) *Никто не хвались человеками*. Поскольку нет ничего суетнее человека, сколь небезопасно полагаться на его преходящую тень! Итак, из предыдущего положения апостол правильно выводит, что не следует хвалиться людьми, поскольку Господь лишил всех повода для похвал. Хотя этот вывод, как мы вскоре увидим, следует также из всего вышеизложенного учения. Коль скоро мы принадлежим одному Христу, апостол справедливо считает святотатственным человеческое первенство, преуменьшающее Христову славу.

22) *Все ваше*. Апостол говорит о том, какое место и какое положение должны занимать учителя, а именно: им не следует ни в чем умялять единственное учительство Христово. Итак, поскольку Христос – единственный Учитель Церкви, поскольку только Его надо

¹⁴ Насколько бы

слушать безоговорочно, судить обо всех остальных надлежит весьма тщательно. Подобно тому, как Сам Христос засвидетельствовал о Себе в Мф.23:8, и именно о Нем прозвучали слова Отца: Его слушайте. Итак, поскольку только Он наделен авторитетом управлять нами Своим Словом, Павел говорит, что все прочие люди – наши. Другими словами, Бог предназначил их для того, чтобы они приносили нам пользу, а не господствовали над нашей совестью. Так апостол показывает, что учителя вовсе не бесполезны, и одновременно удерживает их в рамках, дабы они не возвышались над Христом.

Сказанное же им о жизни, смерти и прочем относительно настоящей темы есть преувеличение. Но апостол как бы рассуждает от большего к меньшему и говорит: поскольку Христос покорил нам жизнь и смерть, и все прочее, разве не покорит Он нам и людей, дабы они помогали нам своим служением, не господствуя при этом над нами?

Далее, если кто-то возразит, что в таком случае нашей оценке подлежат писания Павла и Петра, поскольку они также были люди и не изъяты из общей для всех судьбы, отвечу: Павел, не щадя ни Петра, ни самого себя, увещевает коринфян различать между личностью человека и достоинством его служения. Он как бы говорит: постольку, поскольку я человек, я хочу, чтобы обо мне судили только как о человеке, дабы в служении моем превозносился один Христос. Впрочем, положение это является всеобщим: все, исполняющие какое-либо служение, принадлежат нам с головы до пят. Так что мы свободны не принимать их учение, если они не покажут, что оно происходит от Христа. Ибо всех следует испытывать, и слушаться лишь тогда, когда они явят себя верными Христовыми рабами. О Петре же и Павле не было никаких споров, и Господь достоверно засвидетельствовал, что их учение происходит от Него. Поэтому мы, принимая все сказанное ими как небесные речения, слушаем не столько их, сколько говорящего в них Христа.

23) *Христос – Божий*. Эти слова относятся к человеческой природе Иисуса Христа. Ведь, облекшись в нашу плоть, Он принял вид и положение раба, и явил Себя во всем послушным Отцу. Действительно, чтобы через Него нам прилепиться к Богу, Бог с необходимостью должен быть Его Главой. Но следует отметить, с какой целью говорит об этом Павел. Он учит, что наше высшее счастье состоит в том, чтобы соединиться с Богом, Который есть верховное благо. А это происходит тогда, когда мы собираемся под Главой, Которого назначил для нас Небесный Отец. В том же смысле Христос говорил ученикам (Ин.14:28): вам надлежит радоваться, что Я иду к Отцу, ибо Отец – больше Меня. Здесь Христос представляет Себя Посредником, через Которого верующие восходят к первоисточнику всяческих благ. И несомненно, что этого блага лишены все отходящие от единства с Главой. Посему данный отрывок научает нас порядку: все желающие пребывать под владичеством Божиим сперва должны покориться одному лишь Христу.

Глава 4

1. Итак каждый должен разуметь нас, как служителей Христовых и домостроителей таин Божиих. 2. От домостроителей же требуется, чтобы каждый оказался верным. 3. Для меня очень мало значит, как судите обо мне вы или как судят другие люди; я и сам не сужу о себе. 4. Ибо хотя я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь; судия же мне Господь. 5. Посему не судите никак прежде времени, пока не придет Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения, и тогда каждому будет похвала от Бога.

(1. Так человек должен разуметь нас, как служителей Христовых и распределителей таин Божиих. 2. Впрочем, от служителей же требуется, чтобы каждый оказался верным. 3. Для меня очень мало значит, как судите обо мне вы или как судит человеческий день; я и сам не сужу о себе. 4. Ибо я не знаю за собою никакой вины, но тем не оправдан; судит же меня Господь. 5. Посему не судите никак прежде времени, пока не придет Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения, и тогда каждому будет похвала от Бога.)

1) *Итак каждый (так человек) должен.* Весьма тяжело было наблюдать, как церковь раздиралась из-за людского рвения или неприязни, поэтому апостол приступает к более подробному рассмотрению служения Слова. Здесь по порядку надо обсудить три момента. Первое: Павел определяет служение церковного пастыря. Второе: он показывает, что недостаточно претендовать на титул или просто исполнять служение, но требуется именно добросовестное исполнение. И, наконец, третье: поскольку коринфяне судили о Павле весьма плохо, он призывает себя и их на суд Иисуса Христа.

Сначала Павел учит, какое место должен занимать любой церковный учитель. Здесь он употребляет такие слова, чтобы, с одной стороны, не принизить достоинство служения, а с другой, не приписать людям больше положенного. Ибо и то, и другое весьма опасно. Из презрения к учителям рождается презрение к Слову. Если же они сверх меры превозносятся, то злоупотребляют своей властью и неистовствуют против Бога. Умеренность же Павла состоит в том, что, называя служителей служителями Христа, он намекает, что они должны заниматься не собственным делом, но скорее делом Господа, нанявшего их на эту работу. И им не дана власть управлять церковью, но сами они находятся под властью Иисуса Христа. Коротко говоря: они служители, а не господа.

Фраза же о том, что служители – *распределители таин Божиих*, указывает на разновидность их служения. Апостол хочет сказать, что служение их направлено лишь на то, чтобы распределять божественные тайны. То есть, передавать из рук Господних в руки людей то, что поручил передать Господь, а не то, что им самим хочется передать. Апостол как бы говорит: Бог для того избрал их служителями Своего Сына, чтобы через них сообщить людям Свою небесную мудрость; посему служители не должны идти далее этого. Кажется, что здесь апостол косвенно упрекает коринфян, которые, отложив в сторону небесные тайны, стали чрезмерно страстно следовать за чуждыми измышлениями. Посему они оценивали своих учителей лишь по их мирской образованности. Замечательная похвала Евангелию, говорящая о содержащихся в нем тайнах Божиих, Далее, поскольку в нем в качестве некой добавки содержатся также таинства, отсюда следует, что служители Слова – законные распределители и самих таинств.

2) *От домостроителей (служителей) же требуется.* Апостол как бы говорит: недостаточно быть распределителями, если распределение не является правильным. Закон же правильного распределения – добросовестно его исполнять. Это место следует прилежно отметить. Ибо мы видим, как паписты надменно считают законными все свои действия и учения лишь на том основании, что называются пастырями. Однако Павел не довольствуется титулом, и ему не достаточно законность призвания, если призванный не исполняет служение добросовестно. Итак, всякий раз, как паписты выставляют перед нами внешнюю личину для поддержания тирании своего идола, будем отвечать им так: Павел требует нечто большее от служителей Христовых. Хотя папе и его приспешникам не только нет доверия в их служении; у них также, если все обдумать, отсутствует и само служение.

Впрочем, эти слова направлены не только против нечестивых учителей, но и против всех, кто преследует иную цель, нежели славу Христову и созидание Церкви. Ибо не всякий правильно учащий – верующий, но лишь тот, кто от всей души стремится служить Христу и продвигать Его Царство. И Августин вполне справедливо помещает наемников посередине – между волками и лжеучителями. Не Павел, а именно Христос требует от доброго распределителя благоразумия. И это звучит более выразительно, но смысл один и тот же. Ведь для Христа вера есть искренность совести, к которой должны прилагаться здравомыслие и предусмотрительность, Павел же понимает под добросовестным служителем того, кто осознанно и с правым намерением исполняет обязанности доброго и верного раба.

3) *Для меня очень мало значит.* Павлу оставалось предъявить свою добросовестность, дабы коринфяне судили его именно по этому признаку. Но поскольку суждение их было

превратным, апостол, оставив этот критерий, взывает непосредственно к суду Христову. Коринфяне пребывали в заблуждении, потому что они восхищались внешней личиной, не обращая внимания на истинные и отличительные признаки подлинных служителей. Поэтому апостол с большим дерзновением свидетельствует о своем презрении к столь превратному и слепому суду. Здесь он хорошо обличает суетность лжеапостолов, искавших только людского благоволения и считавших себя счастливыми, если ими восхищались. Одновременно апостол обуздывает превозношение коринфян, бывшее причиной их слепоты в суждениях.

Но спрашивается: по какому праву Павлу было позволено не только отвергать мнение одной церкви, но и изымать себя от всякого людского суда? Ведь все пастыри находятся в таком положении, что подлежат суду церкви. Отвечаю: доброму пастырю свойственно выносить на суд церкви как свое учение, так и свою жизнь. И суждение доброй совести не избегает света. Подобно этому Павел без сомнения был готов подвергнуться суду коринфской церкви и дать отчет в своей жизни и своем учении, если бы коринфяне расследовали дело правильно. Апостол часто присваивает им эту власть и даже упрасивает их, чтобы они судили справедливо. Но там, где добрый пастырь видит, что его подавляют нечестивые и превратные люди, там, где нет места справедливости и истине, он, не думая о мнении людей, должен воззвать к Богу и прибегнуть к Его суду. Особенно, если пастырь не может добиться справедливого и законного разбирательства дела.

Итак, пусть рабы Господни помнят: не следует возражать против проверки их учения и жизни. Больше того, пусть они добровольно на нее идут, и если им что-то предъявляют, пусть не отказываются держать ответ. Но если они видят, что их осуждают заранее, что приговор выносится еще до заслушивания дела, пусть они наберутся смелости и, презрев человеческий суд, бестрепетно ожидают суда Божия. Так некогда и пророкам, имевшим дело с упорствующими людьми, дерзко отвергавшими в их лице само Слово Божие, надлежало восстать и поправить это дьявольское превозношение, открыто ниспровергающее власть Божию и свет истины. Но если кто, имея возможность защищаться или нуждаясь в опровержении выдвинутых против него обвинений, воззовет к Богу, используя это, как некую увертку, он покажет тем не свою невинность, а скорее наивысшее бесстыдство.

Как судят другие люди (Как судит человеческий день). Хотя некоторые толкуют эти слова по-другому, я думаю о них проще. «День» метафорически означает здесь суд. Ведь для суда назначается определенный день, и подозреваемые призываются на суд в определенное время. Апостол же называет человеческим тот суд, где судят не по истине, не по Слову Господню, но по собственной похоти и дерзости, одним словом, где председательствует не Бог. Пусть, – говорит апостол, – люди воссядут и начнут судить, как им угодно, мне вполне достаточно того, что Бог отменит всякий их приговор.

Я и сам не сужу о себе. Смысл в следующем: я не дерзаю судить себя, хотя и знаю себя лучше всех. Как же вы, зная меня хуже, будете меня судить? И то, что он не дерзает судить, апостол доказывает тем, что, и, не сознавая за собой какое-либо зло, все же не является из-за этого невинным перед Богом. Итак, апостол заключает: коринфяне присвоили себе то, что подобает одному Богу. Я, – говорит Павел, – тщательно исследовав самого себя, признаю, что зрение мое недостаточно остро, я не знаю точно, кем являюсь на самом деле. Посему я оставляю этот суд Богу, Который один может судить и имеет на это право. По какой же причине вы присваиваете себе больше?

Поскольку же было бы весьма глупым отвергать вообще любой суд – как отдельных людей о самих себе, так и каждого о своем брате, или всех о своем пастыре, – понимай это место так, что Павел говорит не о поступках людей, которые можно считать добрыми или злыми, исходя из Слова Господня, но о достоинстве каждого человека, которое не должно оцениваться мнением людей. Одному лишь Богу принадлежит право решать, каков каждый человек, и какой он достоин чести. Коринфяне же, презрев Павла, необдуманно пре-

возносили других, словно знали то, что ведомо только Богу. Это и есть упомянутый апостолом человеческий день: когда люди поднимаются на судейский престол и (словно они боги) предваряют день Иисуса Христа, единственного Судьи, назначенного Богом Отцом. Они присваивают каждому определенное достоинство и честь, одних сажают высоко, а других – в самом низу. И каким же правилом они руководствуются? Люди смотрят лишь на внешнее. Так что, то, что высокочтимое и почтенно для них, часто – презренно в глазах Божиих.

Если же кто-то возразит, что в этом мире служителей Слова можно различать по их делам, подобно тому, как по плодам распознаются деревья, я с ним охотно соглашусь. Но надо принять во внимание, с кем именно имел дело Павел. С теми, кто на суде внимал одной лишь помпе и внешней личине, кто присваивал себе власть, от которой Христос отказался в этом мире, кто каждому присуживал свое место в Царстве Божиим. Итак, апостол не запрещает нам думать и говорить о добросовестности тех, кого мы таковыми считаем, не запрещает судить по Слову Божию также и злых работников, но осуждает лишь необдуманность, когда одни судят других не по заслугам, и выносят приговор, не расследовав дело.

4) *Ничего не знаю за собою (Я не знаю за собою)*. Отметим, что Павел говорит здесь не о всей своей жизни, но только об апостольстве. Ибо нельзя сказать, что он вообще ничего за собой не знал. Истинна его жалоба (Рим.7:15), в которой он сожалеет о том, что делает не желаемое им зло, что грех мешает ему полностью посвятить себя Богу. Итак, Павел чувствовал, что в нем живет грех, и исповедывал его. В апостольстве же, о котором ныне идет речь, он вел себя столь целомудренно и порядочно, что совесть не обличала его ни в чем. Далеко не обычное свидетельство: апостол прямо заявляет, сколь благочестиво и свято его сердце. Однако же он отрицает, что этим оправдывается, то есть, является чистым и невинным перед Богом. Почему? Потому что у Бога зрение острее, нежели наше. И посему то, что кажется нам чистейшим, в Его глазах весьма грязно. Прекрасное и полезное увещание, дабы мы не мерили собственным мнением суровость божественного суда. Мы очень близоруки, Бог же более чем зорок. Мы слишком снисходительно судим о самих себе, Бог же – весьма суровый Судья. Посему истинно сказанное Соломоном (Прит.21:2), что каждому кажется прямым его собственный путь, Господь же взвешивает сердца.

Паписты злоупотребляют этим местом для ниспровержения убежденности веры. Действительно, следует признать, что, приняв их учение, мы будем дрожать всю свою жизнь самым несчастным образом. Ибо может ли быть спокойствие в душе, если судить о том, угодны ли мы Богу, надо из дел? Итак, я согласен, что из главного положения папистов вытекает вечное беспокойство совести. Посему мы учим иначе: надо прибегнуть к незаслуженному обетованию милости, предлагаемой нам во Христе, дабы твердо знать, что Бог считает нас праведными.

5) *Посему не судите никак прежде времени*. Из этого вывода явствует, что Павел отвергает не всякий суд вообще, но лишь поспешный и необдуманный приговор по поводу того, что еще расследовано. Ибо коринфяне не вполне объективно смотрели на то, каков каждый на деле, но, будучи предвзятыми и тщеславными, одного превозносили, а другого уничижали, и в определении достоинства каждого переступали положенную человекам грань. Итак, познаем же, что именно нам позволено, что подлежит нашему суду, а что отложено до пришествия дня Христова. И не будем пытаться преступить границы дозволенного. Ибо кое-что явно уже сейчас, а иное остается сокрытым до пришествия Христова.

Который и осветит. Если это сказано в собственном смысле о Христовом дне, отсюда следует: в этом мире никогда не будет настолько хорошо, чтобы многое не оставалось лежащим во мраке; никогда не будет столько света, чтобы многое не пребывало в темноте. Я говорю о человеческой жизни и поступках. Во второй части предложения апостол объясняет, в чем причина неясности и путаницы. Потому что в человеческих сердцах есть отда-

леннейшие тайники и закоулки. Значит, доколе не откроются помышления сердец, все будет пребывать во мраке.

И тогда каждому будет похвала. Апостол как бы говорит: коринфяне, сейчас вы как судьи на ристалище: венчаете одних и отправляете с позором других; но это право и служение принадлежит одному Христу; вы делаете это преждевременно, еще до того, как выяснится, какой чести достоин каждый; Господь же для такого разбирательства назначил определенный день. И эти слова рождаются из упования доброй совести, которая приносит и то благо, что, помещая нашу похвалу во власти Божией, мы никак не ценим пустой блеск человеческого благоволения.

6. Это, братия, приложил я к себе и Аполлосу ради вас, чтобы вы научились от нас не мудрствовать сверх того, что написано, и не превозносились один перед другим. 7. Ибо кто отличает тебя? Что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься, как будто не получил? 8. Вы уже пресытились, вы уже обогатились, вы стали царствовать без нас. О, если бы вы и в самом деле царствовали, чтобы и нам с вами царствовать!

6. Это, братия, приложил я к себе и Аполлосу ради вас, чтобы вы научились на нас, дабы никто не думал о себе сверх того, что написано, и никто не превозносился перед другим из-за того или иного. 7. Ибо кто отличает тебя? Что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься, как будто не получил? 8. Вы уже пресытились, вы уже обогатились, вы достигли царства без нас. О, если бы вы достигли, чтобы и мы с вами царствовали!)

б) *Это, братия, приложил я.* Отсюда можно сделать вывод, что устроителями разделений были не сторонники Павла (они, определенно, учили по-другому), но те, кто из-за своего тщеславия отдался во власть суетных учителей. Поскольку же апостол мог говорить о себе и своих братьях свободнее и без зависти, он предпочел показать на самом себе порок, которым отличались другие. Одновременно Павел гневно обуздывает устроителей разделений и как бы пальцем указывает на источник, из которого проистекает губительное размежевание. Он говорит, что если бы коринфяне довольствовались добрыми учителями, они избежали бы подобной беды.

Чтобы вы научились от нас (на нас). Другие кодексы гласят: «на вас». Оба этих чтения вполне подходят, и смысл остается тем же самым. Ведь Павел хочет сказать следующее: я приложил сказанное к себе и Аполлосу ради примера, дабы вы приложили это к самим себе. Итак, научитесь на нас, то есть, на том примере, который в нашем лице я предложил вам в качестве зеркала. Или, научитесь на вас, то есть, приспособьте этот пример к самим себе.

Чему же по желанию апостола должны научиться коринфяне? Чтобы никто не гордился своим учителем перед другим, то есть, чтобы люди не надмевались из-за своих учителей, не злоупотребляли их именами для устроения разделений с целью расколоть церковь своими спорами. Заметь: гордыня и превозношение – причина и начало всех споров, когда каждый, приписывая себе больше положенного, желает подчинить себе других.

Фразу же «сверх того, что написано» можно истолковать двояко: или как написанное самим Павлом, или как приведенные им свидетельства Писания. Но поскольку это не так уж важно, пусть читатели выберут сами, что им больше нравится.

7) *Ибо кто отличает тебя?* Смысл таков: пусть каждый желающий выделяться и своим тщеславием смущать церковь выступит вперед; я спрошу его, кто поставил его над другими, или же, кто дал ему право изымать себя из общего правила и быть выше прочих? Весь этот довод основан на порядке, который Господь установил в Своей Церкви, дабы члены тела Христова были прилажены друг ко другу: каждый на своем месте, в своем чине, на своем служении, довольствуясь данной ему честью. Если же один член хочет покинуть

свое место и занять другое, заступив на чужое служение, что произойдет со всем телом? Итак, узнаем же: Господь поместил нас в Церкви таким образом и каждому так присвоено его положение, чтобы мы, находясь под одним Главой, взаимно помогали друг другу. Познаем также, что мы наделены разными дарами благодати, дабы скромно и смиренно служить Господу и радеть о славе Того, Кто даровал нам все, что мы имеем. Значит, лучшее средство исправить возвышавших себя состояло в том, чтобы сослаться на Бога и донести до них, что человек возвеличивается или унижается не по своей воле, но такая власть принадлежит одному лишь Богу. Далее, Бог никому не присвоил права возвышать себя и ставить на место Главы, но дары Свои распределяет так, чтобы во всем прославлялся Он один.

«Отличать» же здесь означает делать выдающимся. Впрочем, Августин весьма умно и часто использовал этот отрывок против пелагиан. Всякое превосходство в человеке не врождено ему от природы, дабы его можно было приписать естеству или роду, и не обретается через свободную волю, к чему-то обязывающую Бога, но проистекает из Его чистого и незаслуженного милосердия. Ибо нет сомнения, что Павел противопоставляет здесь благодать Божию человеческим заслугам и достоинствам.

Что ты имеешь? Подтверждение предыдущей мысли. Ибо не имеющий ничего, чем бы превосходил остальных, не имеет и права себя возвышать. Что может быть глупее похвальбы без повода? Но никто из людей не имеет никакого превосходства от самого себя. Итак, превозносящий себя глуп и достоин осмеяния. Истинное же основание христианской скромности в том, чтобы мы не нравились самим себе. Ведь мы знаем, что лишены всего доброго. Если же Бог и даровал нам что-нибудь доброе, то это делает нас еще более обязанными Его благодати. Наконец, как говорит Киприан, ничем не следует хвалиться, ибо ничто не является нашим.

Что хвалишься, как будто не получил? Заметь: если мы являемся тем, чем являемся, только по благодати Божией, для нашей похвальбы ничего не остается. Об этом уже говорилось в главе третьей: Христос есть источник всех наших благ, дабы мы научились хвалиться Господом. А это происходит лишь тогда, когда мы отрекаемся от собственной славы. Ведь право Божие соблюдается лишь в том случае, если мы опустошаемся, и выясняется, что все достойное в нас похвалы пришло к нам извне.

8) *Вы уже пресытились.* Ранее апостол серьезно и без обиняков обуздал самоупование коринфян. Теперь же он начинает иронически его высмеивать, поскольку они нравились себе настолько, словно были полностью совершенными, и постепенно переходит к обличению их непотребства. Во-первых, он называет их *пресыщенными*, что относится к прошлому, затем называет *обогатившимися*, что указывает на будущее. Наконец, говорит, что они достигли Царства, что много больше и того, и другого, и как бы вопрошает: что же будет с вами, если вы не только кажетесь себе пресытившимися в настоящем, но и богатыми, и даже царями в будущем?

Одновременно он косвенно порицает их неблагодарность за то, что они дерзнули пренебречь им или же теми, через кого получили все, что имеют. «Без нас» говорит апостол: ибо я и Аполлос, труд которых вам даровал Господь, уже никак среди вас не ценимся. Сколь же бесчеловечно приписывать себе дары Божии и, между тем, презирать тех, через кого ты их получил!

О, если бы вы и в самом деле царствовали (О, если бы вы достигли). Здесь апостол свидетельствует, что не завидует их счастью – если оно у них имеется, – что он никогда не пытался среди них царствовать, но стремился лишь привести их в Царство Божие. С другой стороны, он дает понять, что царствование, которым они гордились, было воображаемым, а похвальба их – ложной и опасной. Ибо истинна лишь та похвала, которой сообщаются все дети Божии, находясь под Главою Христом, и каждый – по мере данной ему благодати. Ибо словами «чтобы и мы с вами царствовали» апостол хочет сказать следующую

щее: вы настолько прославлены в собственном мнении, что, не колеблясь, презираете меня и мне подобных; но вы видите, сколь напрасно гордитесь, ибо у вас не может быть никакой славы перед Богом, если мы не будем ее соучастниками; ведь если обладание Евангелием Божиим доставляет вам славу, что говорить о нас, служением которых оно до вас дошло? Действительно, всем гордецам свойственно то безумие, что, присваивая себе все, они тем самым лишают себя всяческих благ и отрекаются от надежды на вечное спасение.

9. Ибо я думаю, что нам, последним посланникам, Бог судил быть как бы приговоренными к смерти, потому что мы сделали позорищем для мира, для Ангелов и человеков. 10. Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христе; мы немощны, а вы крепки; вы в славе, а мы в бесчестии. 11. Даже донныне терпим голод и жажду, и наготу и побои, и скитаемся, 12. и трудимся, работая своими руками. Злословят нас, мы благословляем; гонят нас, мы терпим; 13. хулят нас, мы молим; мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый донныне. 14. Не к постыжению вашему пишу сие, но вразумляю вас, как возлюбленных детей моих. 15. Ибо, хотя у вас тысячи наставников во Христе, но не много отцов; я родил вас во Христе Иисусе благовествованием.

(9. Ибо я думаю, что нас, последних апостолов, Бог явил как бы приговоренными к смерти, потому что мы сделали зрелищем для мира, для ангелов и человеков. 10. Мы глупы Христа ради, а вы мудры во Христе; мы немощны, а вы крепки; вы славны, а мы бесчестны. 11. Даже до этого часа и жаждем и алчем, и наги и терпим побои, 12. и скитаемся, и трудимся, работая своими руками. Израненные проклятиями, благословляем; терпя гонения, выдерживаем; 13. затронутые хулой, умоляем; мы как проклятие для мира, всеобщие отбросы до настоящего дня. 14. Не к постыжению вашему пишу сие, но вразумляю вас, как возлюбленных детей моих. 15. Ибо, хотя у вас десять тысяч наставников во Христе, но не много отцов; я родил вас во Христе Иисусе благовествованием.)

9) *Ибо я думаю.* Неясно, о себе ли одном говорит апостол, или также имеет в виду Аполлоса и Силуана, иногда зовущихся в его посланиях апостолами. И все же я предпочту отнести сказанное лично к Павлу. Если кто-то захочет придать этим словами более широкий смысл, не стану возражать. Лишь бы он не думал вместе со Златоустом, будто все апостолы названы последними по причине вызываемого ими презрения. Ибо последними Павел без сомнения зовет тех, кто приписался к апостольскому чину уже после Христова воскресения. Он соглашается, что подобен тем, кого показывают народу, чтобы тут же повлечь на смерть. Ведь именно это означает слово «явил». Оно относилось к людям, которых с триумфом ради помпезности водили по улицам, а затем бросали в темницу, чтобы затем удавить. И апостол выражается еще яснее, добавляя, что стал «зрелищем». Положение мое, – говорит он, – таково, что зрелище моих бед выставлено на обозрение мира, подобно тому, как осужденные на съедение зверями, на гладиаторский бой, или на какой-то другой вид казни, выставляются на обозрение народа. Причем, я выставлен не перед многими зрителями, а перед всем миром. Отметим здесь чудесную стойкость Павла, который, видя, что Бог обращается с ним таким образом, не сломался и не пал духом. Ибо то, что его как бы с позором влекут на цирковое представление, он приписывает не перевозношению нечестивых, а всецело относит к провидению Божию.

Вторую часть предложения – «для ангелов и человеков» – я понимаю как пояснительную: я представляю собой зрелище и позор не только для земли, но и для неба. Обычно думают, что здесь имеются в виду бесы, поскольку казалось глупым относить сказанное к добрым ангелам. Но Павел не хочет сказать, что все свидетели его злополучий наслаждаются их лицезрением. Он имеет в виду следующее: Господь управляет им так, словно он предназначен быть посмешищем для всего мира.

10) *Мы безумны (глупы) Христа ради.* Весь этот антитезис ироничен и исполнен колких насмешек. Ибо глупо и нелепо, если коринфяне будут полностью блаженны и прославлены по плоти, видя, что их учитель и отец терпит всяческое презрение и тяготится всевоз-

можными скорбями. Ведь думающих, будто Павел уничижал себя для того, чтобы приписать коринфянам недостающее лично ему, можно без труда опровергнуть тут же добавленными словами.

Итак, здесь присутствует ироничная уступка. Апостол называет коринфян *мудрыми во Христе, крепкими и славными*. Павел как бы говорит: вы вместе с Евангелием желаете сохранить за собой славу мудрецов, в то время как я не мог бы проповедовать вам Христа, если бы не поглупел для мира. Теперь же, когда я из-за вас охотно соглашаюсь считаться и быть глупцом, рассудите, справедливо ли вам желать считаться мудрыми? Сколь плохо согласуются две вещи: я, будучи вашим учителем, глуп ради Христа, а вы продолжаете быть мудрыми. Таким образом, мудрость во Христе понимается здесь не в хорошем смысле. Ибо апостол высмеивает коринфян за то, что с Христом они хотели смешать мудрость плоти. А это значило бы соединить друг с другом две несочетаемые вещи.

Похожий смысл и у последующих частей предложения. Вы, – говорит Павел, – крепки и благородны, то есть хвалитесь мирскими богатствами и почестями, но не можете переносить позор креста. Тогда разумно ли мне из-за вас быть бесчестным, презренным, подверженным многим немощам? И жалоба эта еще более позорна, оттого что апостол стал немощным и презренным даже для самих коринфян. В итоге, апостол высмеивает суетность тех, кто, извратив порядок, желали быть прославленными детьми и учениками, в то время как их отец незнатен и даже выставлен на поругание миру.

11) *Даже донныне (до этого часа)*. Здесь апостол как бы на картине красочно живописует свое положение, дабы коринфяне, научившись его примером, сумели оставить превозношение и смиренно принять крест Христов. Павел поступает весьма искусно, когда, упоминая о вещах, вызывавших к нему презрение, доказывает ими свою особую добросовестность и непоколебимое усердие в проповеди Евангелия. И наоборот, Павел косвенно обличает зависть тех, кто, не сделав ничего подобного, тем не менее, хотели считаться первыми.

В его словах нет ничего неясного. Разве что надо отметить различие между двумя причастиями *λαδωροῦμενοι καὶ βλασφημοῦμενοι*, поскольку *λοιδορία* – необузданность в словах, не только обличающая человека, но и остро его ранящая, порочащая его честь открытой клеветой. Нет сомнения, что *λοιδορεῖν* означает: ранить человека жалом проклятия. Посему я перевел это слово как «израненные проклятиями». *Βλασφημία* же – это открытое поношение, когда кто-то подвергается тяжким и жестоким оскорблениям.

Говоря же, что он в терпении переносит гонения, и умоляет, слыша в свой адрес проклятия, апостол хочет сказать, что он не только претерпевает крест и уничижается перед Богом, но и делает это вполне добровольно. Здесь он, возможно, обличает лжеапостолов, которые были до того нежны и утонченны, что не позволяли дотрагиваться до себя даже пальцем. Говоря о труде, апостол добавляет, что работал собственными руками, дабы лучше выразить свое презираемое положение. Он как бы сказал: я добывал себе пропитание не только собственным, но, вдобавок, грязным и ручным трудом.

13) *Как сор (проклятие) для мира*. Апостол пользуется двумя словами, из которых первое означает человека, подвергаемого публичным проклятиям ради очищения всего города. Ибо таковых, принимающих на себя все преступное и нечистое в городе, греки звали *καθαρμοὶ*, но чаще *καθάρματα*. Павел же, добавляя предлог *περὶ*, кажется, намекает на сам обряд очищения, во время которого этих несчастных людей, отданных злу, водили по улицам, дабы они унесли с собой любое, даже таящееся в закоулках, злодеяние, и очищение города было полным.

Множественное число, кажется, намекает на то, что апостол говорил здесь не только о самом себе, но и о своих соработниках, вызывавших у коринфян не меньшее презрение. Но нет причины, вынуждающей распространять сказанное апостолом на многих людей.

Второе употребленное слово – *περίψυα* – означает как опилки, так и любую грязь, снимаемую скребком. Касательно обоих этих слов читай примечания Будея.

Что же касается смысла нашего отрывка, то Павел для выражения своего крайне униженного состояния говорит, что он гнусен для всех, как человек, предназначенный для позорного в глазах мира очистительного наказания, или подобен оскребкам. Но в первом уподоблении он не имеет в виду, что является жертвой, умиловляющей за грехи. Апостол хочет сказать, что ничем не отличается в смысле поношений и оскорблений от того, на кого падают проклятия за все проступки.

14) *Не к постыжению вашему*. Поскольку предыдущая острая ирония могла ранить души коринфян, апостол устраняет этот соблазн, свидетельствуя, что сказал все это не с целью постыдить слушателей, но скорее для увещевания их с отеческой любовью. Несомненно, сила и природа отеческого наказания состоит в том, чтобы устыдить сына. Ведь начало вразумления – это стыд, возникающий в сыне от порицания его грехов. Итак, отец, наказывающий сына словами, вызывает в нем отвращение к самому себе. И мы видим: все сказанное до этого Павлом направлено на то, чтобы устыдить коринфян. Тем более что немного ниже он сам засвидетельствует, что упомянул их пороки, дабы вызвать в них стыд. Однако здесь апостол имеет в виду следующее: у него не было намерения опозорить коринфян или выставить их грехи напоказ с целью хулы. Ведь тот, кто увещевает по дружески, прежде всего, стремится, чтобы всякий стыд остался с тем, кого он увещевает, и там же был похоронен. Тот же, кто порицает со злобой, так постыжает человека, которому указывает на грех, что подвергает его всеобщему поношению. Итак, Павел просто утверждает, что сказал все это не с целью похулить коринфян или повредить их репутации; скорее он с отеческой любовью говорил им о том, что хотел бы в них видеть.

На это и направлено его увещевание: чтобы коринфяне, ранее гордившиеся лишь пустыми прикрасами, научились вместе с апостолом хвалиться смирением креста и больше не презирали его из-за того, из-за чего он заслужил славу перед Богом и ангелами. Наконец, чтобы коринфяне совлекли с себя прежнее превозношение и больше ценили в Павле отметины страданий Христовых, нежели в лжеапостолах – пустую и внешнюю видимость. И пусть учителя сделают из сказанного вывод: в обличениях надо всегда соблюдать умеренность, дабы не ранить души чрезмерной жесткостью и (как говорится в пословице) не смешивать с укусом мед и елей. Во-первых, им надо остерегаться, как бы не показаться враждебными к обличаемым или услаждающимися их стыдом. Скорее им надо приложить усилия и вызвать в людях мысль о том, что они лишь хотят помочь их спасению. Ибо, какую пользу принесет учитель, произнося поучения, если не приправит остроту порицаний вышеназванной умеренностью? Поэтому, чтобы обличать пророки человека с пользой, надо сказать ему, что мы поступаем так лишь из дружеских побуждений.

15) *Хотя у вас тысячи (десять тысяч)*. Ранее апостол назвал себя отцом. Теперь же он показывает, что этот титул принадлежит ему в особом смысле. Ведь только он родил коринфян во Христе Иисусе. Приведя это сравнение, Павел имел в виду лжеапостолов, которых коринфяне настолько превозносили, что сам апостол потерял для них всяческую значимость. Итак, он увещевает коринфян размыслить о том, какая честь подобает отцу, и какая – наставнику? Апостол как бы говорит: вы почитаете этих новых учителей? Согласен, лишь бы только вы помнили, что я – ваш отец, а они – всего лишь наставники. Утверждая же свой авторитет, апостол хочет сказать, что у него другое чувство к коринфянам, нежели у тех, кого они так ценили. Павел как бы говорит: они трудятся, стараясь вас научить? Хорошо, но одно дело – любовь отца, а другое – забота и усердие наставника. А что, если апостол также намекает на неотесанность веры, в которой обвинял их прежде? Ведь коринфяне, будучи гигантами в превозношении, в вере были сущие дети, и посему заслуженно отдавались во власть наставников. В самих же учителях апостол порицает дурной и порочный способ научения. Они постоянно держали своих учеников в самых первых начатках, дабы последние непрестанно зависели от их наставничества.

Во Христе Иисусе. Причина, по которой Павла следует считать отцом коринфской церкви. Ведь именно он ее породил. Апостол описывает духовное порождение самыми подходящими словами, говоря, что родил их во Христе, Единственной жизни нашей души. Формальную же причину рождения апостол видит в Евангелии. Итак, отметим: мы воистину рождаемся перед Богом тогда, когда прививаемся ко Христу, вне Которого обретается одна лишь смерть. И это происходит через Евангелие, поскольку по природе мы – плоть и трава, а Слово Божие, как учит Петр, ссылаясь на пророка Исаию, – нетленное семя, обновляющее нас к вечной жизни. Устрани Евангелие, и все мы останемся пред Богом проклятыми и мертвыми. Одно и то же Слово, нас породившее, является сначала молоком для нашего вскармливания, а затем – твердой пищей для постоянного пропитания.

Если же кто возразит и скажет, что для Бога ежедневно рождаются в Церкви все новые дети, почему же тогда Павел отрицает отцовство тех, кто ему преемствовал? – ответ прост: здесь идет речь об исходном основании церкви. В то время как многие были рождены служением других, честь основать коринфскую церковь принадлежала исключительно Павлу. Если же кто снова спросит: разве не все пастыри должны считаться отцами, почему же Павел присваивает этот титул одному себе, отказывая в нем другим? – отвечаю: апостол говорит здесь в сравнительном смысле. Поэтому другим не подходил титул отцов, и в сравнении с Павлом они были всего лишь наставниками. Также следует помнить сказанное мною раньше: Павел¹⁵ говорит здесь не обо всех (ведь подобным себе мужам – Аполлосу, Силуану, Тимофею, – стремившимся лишь продвигать Царство Христова, апостол охотно позволил бы считаться отцами и присвоил бы им наивысшую честь), но лишь порицает тех, кто из-за превратного тщеславия присваивал себе чужую славу. А таковыми были те, кто отказывал Павлу в заслуженной им чести, дабы, присвоив его трофеи, рекламировать самих себя.

Действительно, сегодня мы видим, что положение вселенской Церкви такое же, каким было у коринфян. Сколь мало вокруг нас людей, служащих церквям с отеческой любовью, то есть – бескорыстных и преданных делу их спасения! Между тем, развелось множество наставников, работающих за деньги. Они работают как временщики, и, между тем, удерживают народ в повиновении и восхищении собою. Но неплохо уже и то, если наставники, поучая, приносят, по крайней мере, хоть какую-то пользу, а не развращают Церковь ложными учениями. И, жалуясь на многочисленность наставников, я вовсе не имею в виду папистских священников (ибо не достаиваю их звания наставников), но тех, кто, соглашаясь с нами в учении, больше заботится о собственном, нежели о Христовом деле. Все мы хотим считаться отцами и требуем от других сыновнего послушания. Но многие ли из нас являют себя отцами на деле?

Но остается еще один более сложный вопрос. В то время как Христос запрещает нам называть кого-либо отцом на земле, поскольку у нас один Отец на небесах, как же Павел дерзает присваивать себе это имя? Отвечаю: в собственном смысле, один лишь Бог есть Отец не только нашей души, но и нашей плоти. Но, поскольку, что касается тела, Он сообщает титул отца тем, кому дарует детей, удерживая за Собой Одним отцовские титул и право над душами, признаю, что по этой причине Бог в особом смысле называется Отцом духов и тем отличается от отцов земных, как пишет об этом апостол в Послании к Евреям (12:9). Однако Бог, в одиночку порождая, возрождая и оживотворяя души Собственной силой, также пользуется для этого служением Своих рабов. И нет ничего несуразного в том, если в отношении этого служения люди называются отцами, поскольку здесь ни в чем не отрицаются прерогативы Бога. Слово (как было сказано ранее) есть духовное семя. Посредством него один лишь Бог возрождает наши души Собственной силой. Но это вовсе не исключает труд служителей. Итак, если прилежно обдумать, что делает Бог Сам по Себе, а что – через Своих служителей, можно легко понять, в каком смысле Он один дос-

¹⁵ Добавь, что ... говорит ... порицает.

тоин имени Отца, и насколько имя это без нарушения Божиих прав подобает Его служителям.

16. Посему умоляю вас: подражайте мне, как я Христу. 17. Для сего я послал к вам Тимофея, моего возлюбленного и верного в Господе сына, который напомнит вам о путях моих во Христе, как я учу везде во всякой церкви. 18. Как я не иду к вам, то некоторые у вас возгордились; 19. но я скоро приду к вам, если угодно будет Господу, и испытаю не слова возгордившихся, а силу; 20. ибо Царство Божие не в слове, а в силе. 21. Чего вы хотите? с жезлом придти к вам, или с любовью и духом кротости?

(16. Посему умоляю вас: будьте моими подражателями. 17. По этой причине я послал к вам Тимофея, моего возлюбленного и верного в Господе сына, который напомнит вам о путях моих во Христе, как я учу везде во всякой церкви. 18. Некоторые у вас возгордились, как будто я не собираюсь к вам придти; 19. но я скоро приду к вам, если Господь захочет, и познаю не слово возгордившихся, а силу; 20. ибо Царство Божие не в слове, а в силе. 21. Чего вы хотите? С жезлом придти к вам, или в любви и духе кротости?)

16) Умоляю вас. Этими словами апостол дает понять, чего именно требует он от коринфян своим отеческим увещанием. А именно: чтобы они, будучи детьми, оставались достойными своего отца. Ибо самое для детей разумное – стараться подражать своему отцу? Однако апостол, увещая их скорее просьбами, нежели приказаниями, ни в чем не отказывается от собственных прав. Впрочем, в другом месте, добавляя: «как и я Христу», – апостол показывает, сколь велико его желание, чтобы коринфяне ему подражали. Об этом уточнении всегда надо помнить, дабы мы следовали за людьми лишь настолько, насколько они ведут нас ко Христу. Почему именно апостол так говорит, мы прекрасно знаем. Ибо коринфяне не только избегали крестного смирения, но и презирали своего отца из-за того, что, забыв о земной славе, он предпочел хвалиться поношением Христовым. Себя же и прочих коринфяне считали блаженными, не имевшими ничего презренного по плоти. Итак, апостол увещевает их по его примеру посвятить себя послушанию Христову в перенесении всех невзгод.

17) Для сего (по этой причине). Смысл здесь в следующем: чтобы вы знали, какова моя жизнь, и достоин ли я подражания, послушайте Тимофея, способного дать правдивое свидетельство. Две вещи внушают доверие свидетельству человека: его знание того, о чем он говорит, и его добросовестность. По словам Павла, в Тимофее присутствовало и то, и другое. Ибо, называя его возлюбленным сыном, Павел показывает, что Тимофею совершенно известны и он сам, и его дела. Затем он зовет его также *верным в Господе*. И этому Тимофею Павел заповедал две вещи: напомнить коринфянам о том, что они отказывались вспомнить добровольно (в чем он их косвенно попрекает), и засвидетельствовать им, сколь постоянной и неизменной была его проповедь.

Также вероятно, что на Павла нападали лжеапостолы, говоря, будто он присвоил себе больше прав над коринфянами, чем над остальными церквами, будто в других местах он вел себя совсем иначе. Ведь не напрасно же апостол хотел засвидетельствовать коринфянам об обратном. Итак, свойство благоразумного служителя: привести такие доводы и придерживаться такого правила научения, чтобы ему ничего нельзя было возразить, и защищали его сами его поступки. И это свойство прекрасно видно в апостоле Павле.

18) Как я не иду к вам (как будто я не собираюсь к вам придти). Обычай лжеапостолов – пользоваться отсутствием добрых людей, дабы, не встречая препятствий, бесчинствовать и превозноситься. Итак, Павел, дабы обличить злую совесть и обуздать неистовство этих людей, говорит, что они не могут выдержать его присутствия. Порою бывает, что нечестивые, когда им дается возможность нападать, открыто и с железным лбом восстают на рабов Христовых. Но они никогда не выйдут на честный бой, а скорее хитрыми уловками выдадут свою неуверенность.

19) *Скоро приду*. Заблуждаются, – говорит апостол, – те, кто поднимает голову в мое отсутствие, словно оно продлится долго. Вскоре они поймут, сколь напрасным было их превозношение. Апостол не столько устрашает этих людей, словно, придя, будет метать в них молнии, сколько обличает их совесть. Ведь как бы эти люди ни притворялись, они все равно знали, что Павел наделен силой Божией.

Фраза «если Господь захочет» показывает: мы не должны кому-то что-либо обещать на будущее, или решать что-то за себя, без оговорки: «насколько Господь позволит». Отсюда Иаков (4:15) заслуженно высмеивает дерзость людей, думающих о том, что они будут делать спустя десять лет, не имея в своей власти даже час собственной жизни. Хотя мы не обязаны постоянно прибегать к подобным выражениям, все же лучше привыкнуть к ним, дабы упражняться следующей мыслью: все наши намерения надо подчинять воле Божией.

И испытаю (познаю) не слова (не слово). Под *словом* разумей здесь болтливость, из-за которой лжеапостолы так собою гордились. Ибо они отличались некоей искусностью и приятностью слова, будучи лишены рвения и действенности Святого Духа. Под *силой* же апостол понимает духовную действенность, коей наделены те, кто серьезно занят домостроительством Слова Господня. Итак, смысл следующий: я посмотрю, действительно ли у них есть повод для превозношения, и буду оценивать их не по их говорливости, в которой они в основном и полагают свою славу, и, уповая на которую, приписывают себе все на свете; если же они хотят, чтобы и я их как-то ценил, пусть выкажут силу, отличающую истинных рабов Христовых от притворных. Иначе я стану презирать их вместе со всей их помпой. Итак, они напрасно уповают на свое красноречие, которое для меня подобно дыму.

20) *Не в слове*. Поскольку Господь Словом, словно скипетром, управляет Своей Церковью, домостроительство Евангелия часто зовется Царством Божиим. Итак, разумей здесь под царством Божиим все, относящееся к тому и предназначенное для того, чтобы среди нас царствовал Бог. Апостол отрицает, что это царство заключается в Слове. Ибо в чем величие того, кто умеет красиво болтать, но ни на что не способен, кроме как издавать пустые звуки? Итак, узнаем, что внешняя приятность и солидность учения подобна наружной красоте и цветастости; сила же, о которой говорит Павел, подобна душе. Ранее мы видели, что евангельская проповедь внутренне и по природе исполнена некоего несомненного величия. И величие это проявляется тогда, когда служитель больше действует силой, нежели словом; то есть, когда он опирается не на природные способности, не на красноречие, а, будучи наделен духовным оружием, с непобедимым постоянством, с чистой совестью и прочими необходимыми качествами поглощен рвением утвердить Господню славу, желанием воздвигнуть царство Христово, усердием к назиданию, страхом Господним. Иначе проповедь мертва и бессильна, какой бы цветастой на вид ни была. Посему во Втором Послании 5:17 апостол утверждает, что во Христе что-либо значит только новая тварь. И это научение преследует ту же самую цель. Ибо апостол не хочет останавливаться на внешней личине, и настаивает лишь на внутренней силе Святого Духа.

Хотя этими словами Павел порицает тщеславие лжеапостолов, одновременно он упрекает коринфян в неправом суде. Ведь они оценивали рабов Христовых по самым наименее важным их качествам. Это – замечательное утверждение, одинаково относящееся и к ним, и к нам. К чему нам гордиться своим Евангелием, если для многих оно – лишь пустой звук? Где же обновление жизни? Где духовная действенность? Причем это относится не только к простому народу. Сколь многие, ища в благовестии похвалу и благоволение людей, стремятся лишь к изящной и утонченной речи. Ограничивать же понятие «силы» чудесами мне не вполне по душе. Ведь, исходя из приведенного антитезиса, ясно, что оно имеет более широкое значение.

22) *Чего вы хотите?* Те, кто разделял послание на главы, должен был здесь поместить начало пятой главы. Ведь апостол до этого порицал глупое превозношение коринфян, их сутенное самоупование, извращенное, испорченное тщеславием суждение. Теперь же он упо-

минает пороки, коими страдали коринфяне, и которые должны были внушить им стыд. Апостол как бы говорит: вы надмеаетесь так, словно все дела ваши идут наилучшим образом; но было бы лучше, если бы вы со стыдом и воздыханием осознали свое несчастье, ведь если вы будете упорствовать, я, отложив мягкость, буду вынужден проявить к вам отеческую строгость. Но эта угроза, оставляющая за коринфянами свободный выбор, содержит в себе много силы. Ибо апостол свидетельствует, что со своей стороны готов быть с ними мягким и кротким. И только их пороки вынуждают его к суровости. Ваше дело, – говорит Павел, – выбрать, каким вы хотите меня видеть; что же касается меня, я готов к мягкости, но если вы будете поступать, как прежде, то мне необходимо будет взять розгу. Так апостол обрушивается на коринфян, но лишь после того, как утвердил среди них свой отеческий авторитет. Ибо было бы смешно начинать с угрозы, если бы апостол прежде не проложил себе дорогу проведенью, и не приготвил слушателей к страху перед собой.

Жезлом апостол называет суровость, с которой пастырь должен обличать проступки народа. Ей апостол противопоставляет любовь и дух кротости. И не потому, что отец ненавидит бичуемых им детей (ведь наказание скорее исходит из любви), а потому что грустью лица и строгостью слов он являет себя таким, словно гневается на своего сына. Говоря короче и яснее: каким бы ни было выражение отцовского лица, он всегда любит сына. Но отец иногда выказывает эту любовь, спокойно и мягко поучая, а иногда, будучи оскорблен проступками сына, порицает его жесткими словами и даже наказывает розгой, словно на него разгневан. Итак, поскольку любовь сокрыта, когда проявляется строгость дисциплины, Павел справедливо соединяет с духом кротости любовь.

Некоторые под жезлом понимают здесь отлучение. Но я, хотя и согласен, что отлучение есть часть той суровости, которой угрожал коринфянам Павел, все же понимаю это слово шире, а именно: оно включает в себя все более жесткие попреки.

Заметь, какого порядка должен придерживаться добрый пастырь: он должен быть мягким, дабы скорее привлекать людей ко Христу, нежели притаскивать их силой. Со своей стороны он всегда должен сохранять эту мягкость, и прибегать к суровости, только когда его к этому вынуждают. Впрочем, там где это необходимо, пастырю не следует жалеть розог. Как желающие и способные к обучению достойны кроткого обхождения, так и к упорным и надменным необходимо применять жесткость. И мы видим, что Слово Божие содержит не одно лишь учение, но и исполнено горькими упреками, дающими пастырям как бы розгу в руки. Ибо из-за надменности народа часто бывает, что даже кротчайшие пастыри вынуждены как бы облечься в чужую личину, действуя сурово и жестко.

Глава 5

1. Есть верный слух, что у вас появилось блудодаяние, и притом такое блудодаяние, какого не слышно даже у язычников, что некто вместо жены имеет жену отца своего. 2. И вы возгордились, вместо того, чтобы лучше плакать, дабы изъят был из среды вас сделавший такое дело. 3. А я, отсутствуя телом, но присутствуя у вас духом, уже решил, как бы находясь у вас: сделавшего такое дело, 4. в собрании вашем во имя Господа нашего Иисуса Христа, обще с моим духом, силою Господа нашего Иисуса Христа, 5. предать сатане во измождение плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа.

(1. Есть верный слух, что у вас появилось блудодаяние, и притом такое блудодаяние, какого не слышно даже у язычников, что некто имеет жену отца своего. 2. И вы возгордились, а не скорее заплакали, дабы изъят был из среды вас сделавший такое дело. 3. А я, отсутствуя телом, но присутствуя у вас духом, уже решил, как бы находясь у вас: так поступившего, 4. в собрании вашем во имя Господа нашего Иисуса Христа, обще с моим духом, силою Господа нашего Иисуса Христа, такого, говорю, человека 5. предать сатане в погибель плоти, чтобы дух был спасен в день Господа Иисуса.)

1) *Есть верный слух.* Поскольку (как было сказано) споры у коринфян возникали от превозношения и чрезмерного самоупования, апостол своевременно переходит к упоминанию их пороков, осознание которых должно было их смирить. Во-первых, он увещевает, сколь мерзко для них терпеть в своем стаде человека, использующего мачеху для удовлетворения похоти. Не вполне ясно, увел ли он ее у отца как блудницу, или держал у себя под предлогом законного брака. Однако это не сильно меняет суть дела. Ведь первое было бы бесчестным и проклятым блудом, а второе – кровосмесительным браком, чуждым природной честности и благообразия. Апостол уже не полагается на сомнительные подозрения. Он говорит, что речь идет об известном и публичном деле. Ведь, как я понимаю, слово ὄλωσ указывало, что это – не сомнительный слух, а явный случай, общеизвестный и связанный с большим соблазном.

Поскольку о такого рода блуде, по словам апостола, не слышно даже среди язычников, некоторые думают, что апостол имел в виду инцест Рувима, также имевшего половую связь с мачехой. Итак, они думают, будто Павел упомянул о язычниках, а не об Израиле, потому что среди него и произошла подобная мерзость. Но даже история языческих народов говорит о многих подобного рода инцестах. Значит, это измышление полностью чуждо мысли апостола. Ведь говоря о язычниках, а не об иудеях, Павел хотел еще больше подчеркнуть гнусность этого преступления. Вы, – говорит он, – допускаете эту мерзость, будто она законна. Но ее не терпят даже язычники. Больше того, она всегда была для них чудовищной. Итак, говоря, что о таком проступке не было слышно среди язычников, апостол не имел в виду, что среди них не происходило ничего подобного, или что об этом не сообщает история языческих народов, ибо о подобных случаях повествуют их трагедии. Он хотел сказать, что язычники гнушаются такого поступка, как чего-то отвратительного и чудовищного, ибо это – звериная похоть, устранившая даже сам природный стыд.

Если же кто-то спросит: разве было справедливо порицать всех за грех одного человека? Отвечаю: коринфян винили не в том, что один из них согрешил, а в том, что, как будет сказано ниже, они потакали проступку, достойному тягчайшей кары.

2) *И вы возгордились.* Вам не стыдно, – говорит апостол, – хвалиться, несмотря на такой повод для смирения? Ранее он говорил, что не стоит хвалиться даже наивысшими добродетелями, поскольку у людей нет ничего своего, но отличает их одна лишь благодать Божия. Теперь же апостол использует другой подход. Вы, – говорит он, – покрыты позором; откуда же взяться месту для гордыни и превозношения? Вы поразительно слепы, когда хвалитесь, окруженные позором, ибо это не по душе ни ангелам, ни людям.

Говоря же: «а не скорее заплакали», апостол аргументирует от противного. Ведь там, где плач, прекращается всякая похвальба. Можно спросить: почему коринфяне должны были оплакивать чужой грех? Отвечаю: есть две причины. Ведь вследствие общения членов Церкви между собой всем надлежит скорбеть из-за столь губительного падения одного. Поскольку же подобный проступок произошел в определенной церкви, вина его совершителя неким образом ложится на все собрание. Ибо как Бог смиряет отца семейства из-за позора жены или детей, и всю родню из-за проступка одного родственника, так надлежит думать и о каждой церкви. На нее ложится пятно всякий раз, как в ее рядах совершается какое-либо гнусное преступление. Больше того, мы видим, как из-за святотатства одного Ахана гнев Божий возгорелся на весь Израиль. Не потому, что Бог столь жесток, чтобы из-за чужого преступления свирепствовать против невинных. Но всякий раз, как подобное происходит в каком-то народе, это является неким признаком гнева Божия. И так, публичным наказанием частного проступка, Бог объявляет оскверненным все тело, затронутое злом. Отсюда легко вывести, что обязанность каждой церкви – оплакивать грехи отдельных ее членов, словно они – семейные беды, имеющие отношение ко всему телу. Действительно, начало благочестивого справедливого обличения заключается в том, чтобы через отвращение ко злу воспламенять к святому рвению, ибо иначе суровость будет слишком горькой.

Изъят был из среды вас. Здесь апостол яснее говорит о том, в чем именно он обвиняет коринфян. Он винит их в равнодушии, в том, что они потакали столь гнусному делу. Отсюда явствует, что церкви наделены властью суровым наказанием исправлять или исторгать любой внутренний порок. И нет извинения тем церквам, которые не бдят о том, чтобы очиститься от скверны. Ведь Павел осуждает здесь коринфян. Но за что? За небрежение в наказании одного человека за его преступление. Но апостол винил бы их незаслуженно, если бы они не имели права наказывать. Итак, этот отрывок утверждает за церковь власть отлучения. И наоборот, поскольку церквам дана подобная карательная власть, те, кто ей не пользуется, когда того требует дело, как показывает Павел, грешат. В противном случае апостол был бы несправедлив к коринфянам, вменяя им в вину этот порок.

3) *А я.* Поскольку коринфяне не исполнили своего долга, апостол, ранее осудив их нерадивость, учит теперь тому, что надлежит делать, а именно: дабы смыть этот позор с собрания верующих, следует устранить вышеназванный инцест. Итак, апостол предписывает врачевство от болезни – отлучение, которое коринфяне долго откладывали, и тем согрешили. Говоря о том, что, *отсутствуя телом*, он уже принял нужное решение, апостол еще суровее обличает нерадивость коринфян. Ведь здесь заключается скрытое противопоставление. Апостол как бы говорит: вы, присутствуя телом, должны были еще раньше излечить эту болезнь, пребывающую у вас перед глазами; но вы все же этого не сделали; а я, даже отсутствуя, не могу терпеть подобное нечестие.

Однако чтобы кто-то не возразил, сказав, что весьма дерзко выносить приговор, находясь так далеко, апостол утверждает свое присутствие духом, давая понять, что для него не менее ясен его долг, чем если бы он присутствовал и видел все своими глазами. Теперь полезно узнать¹⁶, чему он учит о способе отлучения.

4) *В собрании вашем ... обще с моим духом.* – То есть, когда вы соберетесь со мною, но соберетесь в духе; ибо телесно мы не можем сойтись воедино. Но, по словам апостола, его духовное присутствие будет равносильно телесному. Следует отметить, что Павел хотя и был апостолом, не приговаривал к отлучению в одиночку и по своей прихоти. Он совещается с церковью, дабы решение опиралось на общий авторитет. Да, апостол опережает других и указывает им путь, но, беря себе в товарищи других, он достаточно ясно показывает, что власть не принадлежит кому-то одному. Поскольку же множество людей, если ими не управлять мудрым советом, никогда не будет действовать умеренно и обдуманно, в древней церкви было установлена пресвитерия, то есть коллегия старейшин, согласие которой было первичным принимаемым по делу решением. Затем дело выносили на рассмотрение народа, но с уже составленным старейшинами приговором. Однако, как бы то ни было, Христовым и апостольским установлениям, церковному порядку, самой справедливости чуждо давать подобное право одному человеку, дабы он по своей воле отлучал, кого захочет. Итак, отметим, что в отлучении надо придерживаться правила: налагать подобное наказание по общему совету старейшин и с согласия народа. Именно это средство и противостоит тирании. Ведь больше всего дисциплине Христовой противоположна тирания, которой открывается дверь, если всю власть уступают одному человеку.

Во имя Господа нашего. Потому что недостаточно нам сойтись вместе, если это происходит не во имя Христово; ибо и злые сходятся для составления нечестивых и преступных заговоров. Далее, чтобы собрание действовало во имя Христово, требуются две вещи. Первое: начинать надо с призывания Его имени. Второе: надо делать что-либо, лишь опираясь на Его Слово. Итак, люди лишь тогда благочинно исполняют то, что собираются, когда от души призывают Господа, дабы ими управлял Его Дух, дабы решениями их руководила Его благодать, направляя их к счастливому исходу. И, кроме того, они должны вопрошать Его уста, как говорит пророк (Ис.30:2), то есть, сверяться с его изречениями и

¹⁶ Мы видим

полностью подчинять все свои замыслы Его воле. Если же этому надлежит быть даже в самых малых делах, то, тем более, этого надо придерживаться в делах серьезных и важных. И, прежде всего, там, где делаем мы не свое, но Божие дело. Например, отлучение установлено не людьми, но Самим Богом. Значит, всякий раз, как им следует пользоваться, с чего надо начинать, если не с Бога? В итоге: Павел, веля коринфянам собираться во имя Христово, требует не только прикрываться именем Христовым или исповедывать его устами (ведь это свойственно и нечестивым), но искать Его истинно и от всей души. И этим апостол указывает на важность и значение предпринимаемого дела.

Он также добавляет «силою Господа нашего», поскольку, если истинно обетование: где двое или трое соберутся во имя Мое, Я буду среди них, – из него следует, что все происходящее на подобном собрании – дело Самого Христа. Отсюда мы выводим, сколь значимо пред Богом законное отлучение, опирающееся на божественную силу. Ведь надлежит исполниться и сказанному: все, что свяжете на земле, будет связано на небесах. И подобно тому, как эти слова должны внушить немалый страх презрителям, они научают верных пастырей и всю Церковь, с каким благоговением надо поступать в столь важных вопросах. Действительно, сила Христова не привязана к суждению людей или их мнениям, но соединена с Его же вечной истиной.

5) *Предать сатане во измождение (в погибель) плоти.* Поскольку апостолы больше всех прочих были наделены силой предавать злых и противящихся сатане, и пользоваться им как бичом для их исправления, Златоуст и его последователи относят эти слова Павла к такому роду наказания, указание на которое обычно видят в другом отрывке – из Послания к Тимофею – об Александре и Имене. Итак, предавать сатане, по их мнению, есть не что иное, как налагать на человека какое-либо тяжкое телесное наказание. Но я тщательно рассматриваю весь контекст и сравниваю с ним то, о чем говорится во Втором Послании. Поэтому, отбросив это толкование, как натянутое и чуждое смыслу апостольских слов, я отношу сказанное к простому отлучению. Ведь вполне подходяще называть отлучение преданием сатане. Подобно тому, как в Церкви правит Христос, сатана правит вне Церкви. Как и отметил Августин в 68-й проповеди «О словах апостола», истолковывая данное место. Итак, поскольку нас принимают в церковное общение, и мы пребываем в нем с тем условием, чтобы оставаться под защитой и опекой Христа, я называю исторгаемого из Церкви неким образом преданным власти сатаны, поскольку он становится чуждым и непричастным Христова царства.

Следующая затем фраза «в погибель плоти» помещена ради смягчения. Ведь Павел хочет сказать, что наказуемый предается сатане не для того, чтобы погибнуть окончательно или навечно стать рабом дьявола. Напротив, осуждение является временным; и не только временным, но и в отношении будущего – спасительным. Поскольку же и осуждение, и спасение духа вечно, апостол называет временным осуждение плоти. Он как бы говорит: здесь в мире мы осуждаем его на время, дабы Господь спас его в Своем Царстве. Так устраняется возражение, которым некоторые пытаются опровергнуть это толкование. Ведь приговор отлучения больше относится к душе, чем ко внешнему человеку. Поэтому спрашивают: как же можно называть его погибелью плоти? Я же (как уже было сказано) отвечаю так: погибель плоти лишь по той причине противопоставляется спасению духа, что первая – временна, а второе – вечно. В этом же смысле промежуток смертной жизни Иисуса Христа апостол называет в Евр.5:7 днями Его плоти. Церковь же, сурово карая согрешивших, не шадит их в этом мире, давая им пощадить Богу. Желаящие же знать больше об обряде отлучения, его причинах, необходимости, цели и ограничениях пусть прочтут об этом в моих «Наставлениях».

6. *Нечем вам хвалиться. Разве не знаете, что малая закваска квасит все тесто? 7. Итак очистите старую закваску, чтобы быть вам новым тестом, так как вы бесквасны, ибо Пасха наша, Христос, заклан за нас. 8. Посему станем праздновать не со старою закваскою, не с закваскою порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины.*

(6. Не хорошо хваление ваше. Разве не знаете, что малая закваска квасит всю массу? 7. Итак очистите старую закваску, чтобы быть вам новым тестом, так как вы опресноки, ибо Пасха наша, Христос, заклан за нас. 8. Посему станем пиршествовать не со старою закваскою, не с закваскою злобы и порочности, но с опресноками чистоты и истины.)

б) *Нечем (Не хорошо)*. Апостол осуждает их похвальбу не только потому, что они превозносились более дозволенного человеку, но и потому, что гордились собой, несмотря на свои пороки. Ранее Павел лишил людей всяческой славы; поскольку у них нет ничего своего, то, как бы они ни превозносились, все следует приписывать одному Богу. Здесь же апостол рассуждает не о том, что Бог лишается Своих прав, когда смертные присваивают себе похвалу за свои добродетели, но о том, что коринфяне, превозносясь безо всякого повода, глупы и безумны. Ведь они надмевались так, словно у них все было прекрасно, хотя в их среде и царил вышеназванный порок.

Разве не знаете. Дабы коринфяне не думали, что потакание подобному злу – не столь уж большое преступление, апостол показывает, сколь губительно в этом деле благодушие и беспечность. Он использует поговорку, означающую, что скверна одного человека портит все людское сообщество. Эта поговорка несет здесь тот же смысл, что и у Ювенала¹⁷:

... все стадо на поле

паршивость одной лишь свиньи сотворяет паршивым

И синь виноград с виноградной лозы усваивает.

Я сказал: в этом месте, поскольку в других местах Павел, как мы увидим, использует эту поговорку в ином смысле, например в Гал.5:9.

7) *Очистите*. Поскольку апостол ранее использовал сравнение с закваской, он продолжает его развивать. Но от предположения Павел переходит теперь к общему учению: ибо говорит уже не об инцесте, а в целом увещевает коринфян к чистоте жизни, поскольку во Христе можно пребывать, лишь очистившись. Апостол часто пользуется подобным приемом: сказав о чем-то частном, он берется за этот повод и переходит к общим увещеваниям. Ранее, как мы видели, он упомянул о закваске по другой причине, но поскольку эта метафора подходила и к общему излагаемому им учению, он продолжает ею пользоваться.

Пасха наша. Прежде, чем перейти к сути дела, скажу кое-что о словах. Старая закваска названа так по той же причине, по какой ветхий человек называется ветхим. Ибо порочность нашей природы предшествует нашему возрождению во Христе. Итак, старым здесь называется то, что мы наследуем от чрева матери. И оно должно погибнуть, когда нас обновляет благодать Духа.

Глагол *ἐτύθη*, находящийся между словами «Христос» и «заклан», можно отнести и к первому, и ко второму. Я отношу этот глагол к жертве, хотя это не столь уж важно, так как смысл никак не меняется.

Слово *ἐορτάζωμεν*, переведенное Эразмом как «будем праздновать» также означает общение во время торжественной трапезы после принесения жертвы. И этот смысл, кажется, больше подходит настоящему отрывку. Итак, я скорее последовал древнему переводчику, нежели Эразму, поскольку вариант первого больше сочетается с тайной, о которой ведет речь апостол.

А теперь перейдем к сути. Павел, желая призвать коринфян к святости, учит: ныне в нас исполнилось то, что некогда предызображалось в празднике Пасхи. Он также объясняет, какова аналогия между истиной и древним образом. Во-первых, поскольку в Пасхе были две части – жертва и священная трапеза, он упоминает их обе. Хотя некоторые и не счи-

¹⁷ Сат. II, 79 и далее.

тают пасхального агнца жертвой, разумные доводы все же доказывают то, что он был истинным, в собственном смысле, жертвоприношением. Ибо окроплением его кровью народ примирялся с Богом. Но без жертвы не бывает примирения. Кроме того, апостол вполне недвусмысленно это подтверждает. Ведь он использует глагол *θύεσθαι*, означающий «приносить жертву». Да и контекст в противном случае оказался бы разорванным. Итак, в древности каждый год приносился в жертву агнец, а затем следовало пиршество, торжественно продолжавшееся семь дней. Христос же, по словам Павла, есть наша Пасха. Он был принесен в жертву один раз, причем так, что сила Его единственной жертвы вечна. Теперь нам остается питаться от нее, и не однажды в год, но постоянно.

В этом торжественном священном пиршестве следует воздерживаться от закваски, подобно тому, как Бог предписал такое воздержание отцам. Но от какой закваски? Как иудейская пасха была прообразом Пасхи истинной, так и ее элементы были прообразами истины, коей мы сегодня обладаем. Итак, если мы хотим питаться Христовой плотью и кровью, принесем же на это пиршество искренность и истину. Вот наши опресноки: да исчезнут всякая злоба и порочность¹⁸, ибо не подобает примешивать к пасхе закваску. В итоге, апостол говорит, что мы лишь тогда будем членами тела Христова, если отречемся от зла и лукавства.

Между тем, это место надо отметить еще и потому, что из него видно: древняя пасха была не только *μνημόσυλον* прошлого благоденствия, но и таинством грядущего Христа, благодаря Которому мы перешли от смерти к жизни. Иначе не было бы верным положение: истина теней закона находится во Христе. Это место также опровергает святотатство папистской мессы. Ибо Павел учит здесь не ежедневному жертвоприношению Христа, но тому, что по совершении единократной жертвы нам остается всю жизнь праздновать на духовном пиршестве.

9. Я писал вам в послании – не сообщаться с блудниками; 10. впрочем не вообще с блудниками мира сего, или лихоимцами, или хищниками, или идолослужителями, ибо иначе надлежало бы вам выйти из мира сего. 11. Но я писал вам не сообщаться с тем, кто, называясь братом, остается блудником, или лихоимцем, или идолослужителем, или злоречивым, или пьяницею, или хищником; с таким даже и не есть вместе. 12. Ибо что мне судить и внешних? Не внутренних ли вы судите? 13. Внешних же судит Бог. Итак, извергните развращенного из среды вас.

(9. Я писал вам в послании – не сообщаться с блудниками; 10. впрочем не вообще с блудниками мира сего, или алчными, или хищниками, или идолослужителями, ибо надлежало бы вам выйти из мира сего. 11. Ныне же я писал вам не сообщаться с тем, кто, называясь братом, является блудником, или алчным, или идолослужителем, или злоречивым, или пьяницею, или хищником; с таким даже и не есть вместе. 12. Ибо что мне судить и внешних? Не внутренних ли вы судите? 13. Внешних же судит Бог. Извергните преступного из среды вас.)

9) *Я писал вам в послании.* Послание, о котором говорит Павел, ныне утрачено. Нет сомнения, что пропало и множество других посланий, но нам вполне довольно и оставшихся у нас, которые Бог сохранил по Своему провидению как достаточные для нашего спасения. Впрочем, этот отрывок из-за его неясности искажается по-разному. Не думаю, что мне необходимо останавливаться на опровержении неправильных толкований, если я приведу такое, которое кажется мне подлинным. Апостол напоминает коринфянам то, что заповедал им ранее, а именно: удаляться от привычек нечестивых. Ибо это и значит слово «сообщаться»: близко сходиться с кем-либо и перенимать его привычки. Далее, этим напоминанием апостол также попрекает нерадивость коринфян. Ибо они, даже получив

¹⁸ Неправедность

нужное наставление, никак не изменились. Павел также делает оговорку, дабы коринфяне лучше поняли: сказанное непосредственно относится лишь к членам Церкви.

Итак, апостол в целом запрещает коринфянам общение с теми, которые, называясь верующими, живут преступно и бесчестят Господа. Павел как бы говорит: всякий желающий считаться братом или пусть живет свято и честно, или пусть будет изгнан из собрания благочестивых, и все добрые должны воздерживаться от общения с подобными людьми и от их привычек; о нечестивых же напоминать вам было бы напрасным, поскольку вы должны избегать их по собственной воле, даже если бы я ни о чем вас не увещевал. Впрочем, данная оговорка еще больше подчеркивает преступность попустительства коринфян. Ведь они потакали беззаконнику внутри самой Церкви. Ибо постыднее не заботиться о своих, нежели не радеть о внешних.

10) *Надлежало бы вам.* В этом месте толкователи сильно разногласят. Некоторые понимают так: вам надлежит скорее выехать из Греции. Амвросий же толкует так: вам лучше умереть. Эразм перевел эту фразу в желательное наклонение, как если бы Павел сказал: о, если бы можно было полностью выйти из этого мира; но поскольку вы этого сделать не можете, выйдите, по крайней мере, из среды тех, кто притворно называет себя христианином, но своей жизнью показывает самый худший пример. Более похоже на правду толкование Златоуста, согласно которому смысл таков: я повелел вам избегать блудников, но не любых, иначе надлежало бы вам искать другой мир; ведь нам, куда мы странствуем по земле, следует жить среди терний; я требую лишь одного: не общайтесь с блудниками, которые хотят считаться братьями, чтобы не показалось, будто вы, терпя их порочность, их одобряете. Таким образом, слово «мир» надо относить здесь к настоящей жизни, как и в Ин.17:15: Я не прошу, Отче, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы избавил от зла.

Против такого толкования можно было бы заметить следующее: Павел говорил это в то время, когда христиане были еще смешаны с нечестивыми и рассеяны в их среде. Что же делать нам теперь, когда все приняли христианство? Ведь и сегодня надо выйти из мира, если мы желаем избегать общения со злыми. Но ныне нет никаких внешних, ибо все исповедуют имя Христово и посвящены Ему через крещение. Если кто-то захочет следовать здесь Златоусту, ответ будет весьма простым: Павел считает общеизвестной истину: где есть право на отлучение, там имеется легкое средство отделить добрых от злых, если местные церкви исполняют свой долг. Над внешними людьми, живущими в Коринфе, у христиан не было никакой юрисдикции, и они не могли удерживать их от распутной жизни. Значит, им необходимо было бы оставить этот мир, если бы они захотели избегать злодеев, пороки которых не в силах были исправить.

Я же, поскольку неохотно принимаю толкования, которые можно приспособить к словам апостола, только если извратить сами слова, скорее принимаю другой смысл, отличающийся от всех прочих. На мой взгляд, слово «выйти» означает здесь «отделиться», а «мир» понимается как мирская скверна. Апостол как бы говорит: какая польза заповедывать вам о сынах века сего?; ведь, как однажды вы отреклись от мира, так вам и надо избегать с ними общения; ибо весь мир лежит во зле. Если же кому-то не понравится такое толкование, есть и другое вполне вероятное: я не пишу вам вообще избегать общения с блудниками мира сего, хотя вы и должны это делать добровольно даже без моих слов. Однако мне больше нравится предыдущее толкование. И я не первый, кто его изобрел. Его и прежде приводили некоторые, я же только лучше приспособил его к словам Павла. Итак, здесь присутствует некое умолчание. Павел говорит, что не упомянул о внешних, поскольку коринфяне уже должны были от них отделиться. Таким образом, он просто дает им понять: правила избегать злых надо придерживаться даже у себя дома.

11) *Называясь братом.* По-гречески причастие стоит без глагола. Некоторые относят его к следующим затем словам. Но подобный смысл натянут и далек от мысли апостола. Признаю, что положение – никого нельзя наказывать на суде церкви, если грех его не известен

– истинно и подлежит соблюдению, но слова Павла нельзя понимать в таком смысле. Итак, он хочет сказать: если кто-то считается у вас братом, но ведет преступную, не достойную христианина жизнь, воздерживайтесь от сообщения с ним. В итоге: название братом понимается здесь как лживое исповедание, которому не соответствуют дела. Далее, апостол не приводит полного перечня грехов, но называет ради примера пять или шесть разновидностей. Затем, словом «таким» он охватывает и всех прочих грешников, называя при этом лишь те грехи, которые бывают известны людям. Ведь внутреннее нечестие и все сокрытое в человеке не подпадает под суд Церкви.

Впрочем, неясно, что именно понимает апостол под *идолослужением*. Ибо как может служить идолам тот, кто зовется христианином? Некоторые думают, что среди коринфян были тогда люди, принявшие Христа лишь наполовину и продолжавшие следовать порочным суевериям. Такими были некогда израильтяне, затем – самаряне. У них было какое-то богопочитание, которое они оскверняли нечестивыми суевериями. Я же скорее отнесу сказанное к тем, кто, презирая идолов внутри, все же, дабы понравиться нечестивым, притворно их почитал. Павел отрицает, что подобных надо терпеть в собрании христиан. И вполне заслуженно: ведь они столь легко выставляют на позор славу Божию.

Отметим также следующее обстоятельство: имея церковь, в которой они могли бы в чистоте почитать Бога и законно пользоваться таинствами, они ходили в нее так, что при этом не отрекались от скверного общения с нечестивыми. Я говорю об этом для того, чтобы кто не подумал, будто подобную строгость надо применять к людям, которые сегодня, находясь под тиранией папы, оскверняют себя многими порочными обрядами. Я утверждаю, что в этом они тяжко грешат и подлежат суровому обличению. Им следует постоянно внушать, чтобы в будущем они полностью посвятили себя Христу. Но я не дерзаю дойти до того, чтобы считать их подлежащими отлучению, поскольку их случай совершенно иной.

С таким даже и не есть вместе. Во-первых, следует понять, заповедует ли апостол всей церкви или отдельным ее членам. Отвечаю: он обращается к каждому в отдельности, но ссылается при этом на общее дисциплинарное правило. Ибо власть отлучения дана не каждому члену церкви, но всему ее телу. С тем же, кого церковь отлучила, никто из верующих не должен сообщаться близко. Иначе, если бы каждому было позволено пускать к своему столу отлученных от трапезы Господней, упал бы авторитет церкви. Под общением в еде понимается либо соседское, либо совместное жительство. Ведь ничто не мешает мне, войдя в гостиницу и увидев сидящего там отлученного, позавтракать вместе с ним. Ибо у меня нет власти выгнать его из гостиницы. Но Павел имеет в виду случай, когда мы свободны избегать сообщения с теми, кого церковь отсекала от своего сообщества.

Не довольствуясь подобной строгостью, римский антихрист доходит до того, что издает интердикты, дабы никто не помогал отлученному ни пищей, ни огнем, ни питьем, ни какими другими жизненными вспомоществованиями. Но это – не строгость дисциплины, а тираническая варварская бесчеловечность, совершенно противоречащая словам Павла. Ибо он хочет, чтобы к отлученному относились не как к врагу, но как к брату, которого мы для того подвергаем общественному позору, чтобы он устыдился и образумился. И с подобной жестокостью, как бы угождая Богу, паписты обрушиваются даже на невинных людей. Соглашаясь с тем, что некоторые вполне достойны такого рода наказания, я все же утверждаю, что само понятие интердикта совершенно чуждо церковному судопроизводству.

12) *Ибо что мне судить и внешних?* Ничто не мешает нам судить и их. Больше того, от суда Слова Божия, вверенного нам, не изымаются даже бесы. Но Павел говорит здесь о юрисдикции, прямо относящейся к церкви. Он как бы утверждает: Господь наделил нас властью, которую мы осуществляем над людьми из Его семьи. Ибо подобное наказание есть часть внутренней церковной дисциплины и не распространяется на внешних. Итак,

мы не осуждаем таковых, поскольку Господь не подчинил их нашему дознанию и суду, относящемуся к наказанию и оценке их действий. Посему мы вынуждены оставить этих людей на суд Божий. И в этом смысле Павел говорит, что Бог будет им Судьей. Он позволяет им блуждать, подобно диким зверям, без всякой узды, поскольку никто не сдерживает их разнузданности.

13) *Извергните развращенного (преступного)*. Обычно эти слова относят к блудодействовавшему с женою отца. Ведь считающие, что речь здесь идет просто о дурном поведении, опровергаются греческим текстом Павла, в котором употреблен артикль мужского рода. Но что, если отнести сказанное к дьяволу? Несомненно, что он получает силу от нечестивого и преступного человека, дабы утвердить среди нас свой престол. Ибо **ὁ ποιητὴς** в прямом смысле и без добавления означает скорее начальника всех преступлений, нежели какого-либо порочного человека. Если угодно, смысл может быть следующим: Павел увещевает, насколько важно не терпеть нечестивых, ибо сатана через это лишается своего царства. Ибо он царствует среди нас, когда мы потакаем злу. Впрочем, если кто-то сочтет, что здесь говорится о человеке, не стану возражать. Но я не вижу причины, заставившей Златоуста сравнивать здесь строгость закона с милостью Евангелия, поскольку Павел довольствовался отлучением за то преступление, за которое закон требовал смертную казнь. Но надо учесть, что Павел обращался здесь не к судьям, носящим меч, а к немогущему собранию, которому было дозволено лишь братское взыскание.